

Романтическое
настроение

Сандра Браун

Неожиданный
пируэт

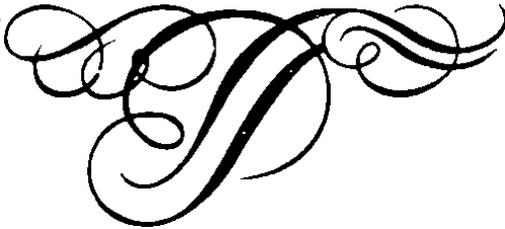

ЭКСМО

Романтическое
настроение

Сандра Браун

*Неожиданный
пируэт*

Москва
«ЭКСМО»
2011

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
Б 87

Sandra Brown
HEAVEN'S PRICE

© 1983 by Sandra Brown

This translation is published by arrangement with Bantam Books, an imprint of The Random House Publishing Group, a division of Random House, Inc.

Перевод с английского *И. Крупичевой*

Художественное оформление *С. Ляха*

Браун С.

Б 87 Неожиданный пируэт / Сандра Браун ; [пер. с англ. И. Крупичевой]. — М. : Эксмо, 2011. — 320 с.

ISBN 978-5-699-49538-2

Танцовщица Блэр Симпсон мечтает об одном — поскорее вернуться на сцену, которую ей пришлось покинуть из-за травмы. Но после встречи с Шоном Гэритом — при крайне пикантных обстоятельствах — жизнь ее резко меняется. Блэр не верит в возможность счастья и отчаянно сопротивляется внезапно вспыхнувшей страсти. Она не сразу понимает, что отказывается от самого главного в своей жизни, и за это ей придется заплатить достаточно высокую цену.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

© Крупичева И., перевод на русский язык, 2011

© Издание на русском языке, оформление.

ISBN 978-5-699-49538-2

ООО «Издательство «Эксмо», 2011

1

*Б*лэр с трудом преодолела последние три ступеньки и наконец втащила коробку с вещами на площадку. С трудом протиснувшись в дверь, она уронила коробку на две других, сложенных одна на другую прямо у порога. От напряжения у Блэр затряслись руки, ноги ломило.

— Слава богу, это последняя, — порадовала она саму себя с тяжелым вздохом. Блэр облокотилась на коробку и попыталась отдышаться. Выпрямляясь, она ощутила, как болезненно напряглись мышцы спины, и застонала. Есть ли на ее теле место, которое не напоминало бы о себе ноющей болью?

Бросив быстрый взгляд на наручные часы, Блэр раздраженно закусил губу. Она звонила в агентство уже больше двух часов назад и просила прислать массажиста. Последние восемь лет Блэр не меняла квартиры

и забыла, насколько физически изматывают переезды. Массаж помог бы ей как следует расслабиться. Телефон ей еще не установили, поэтому пришлось добираться до ближайшего телефона-автомата. Администратор, ответивший на ее звонок, заверил Блэр, что массажист будет у нее в течение часа. Но прошло уже два, а никто так и не появился.

— Отличный сервис, — пробурчала Блэр себе под нос, сдернув с длинных темных волос шелковый платок-бандану. Пушистые пряди рассыпались по спине. Если служащие агентства подчиняются сонному ритму жизни этого провинциального городка, то через неделю она здесь просто свихнется.

Блэр оглядела небольшую квартирку, которая должна была стать ее домом на ближайшие полгода. Сейчас, заставленная коробками и ящиками, она выглядела не слишком привлекательно. Но Блэр надеялась, что, пустив в ход немного фантазии, она сумеет превратить временное пристанище в нечто достаточно удобное для жизни. Пэм заверила ее, что это самый лучший и тихий район в городе, и добавила:

— Если ты, конечно, не хочешь жить в

одном из этих стерильных жилых комплексов.

Переехав из шумного Нью-Йорка на Лонг-Айленд, где Пэм Дельгадо жила уже несколько лет, Блэр безоговорочно признала, что куда приятнее жить на тенистой улице в уютной квартирке над гаражом, чем в бетонной коробке.

Раздвигая по дороге картонные ящики, Блэр прошла в маленькую кухню, находившуюся в другом конце большой комнаты, служившей одновременно и спальней, и гостиной. Она еще раньше порадовалась, что холодильник не больше двадцати лет и в нем есть камера для замораживания льда. Взяв несколько кубиков, Блэр бросила их в высокий стакан, который ей удалось найти, и налила его доверху диетической колой. Пышная пена зашипела на кубиках льда, и в эту минуту в дверь постучали.

— Вот так всегда, — проворчала Блэр. Сделав глоток еще не успевшей остыть колы, она пробралась обратно к входной двери и распахнула ее.

— Вы заставляете себя ждать, — недовольно проговорила она.

— Простите, — ответил ей мужчина, стоящий на пороге.

Зеленые глаза Блэр уперлись в мощную грудь незнакомца, и ей пришлось как следует запрокинуть голову, чтобы встретиться взглядом с совершенно изумительными глазами потрясающего синего цвета. Пушистые загнутые ресницы, темные около век и золотистые на концах, подчеркивали ясную синеву глаз. Паутинка морщин, белых на загорелой коже, уходила от уголков глаз к вискам. Хорошо очерченные, густые брови были удивленно приподняты, а глаза изучали ее так же внимательно, как и она его.

Чтобы избежать этого взгляда, Блэр быстро опустила глаза, наивно полагая, что только так окажется в безопасности. Она не предполагала, что ее взгляд застрянет на золотистокаштановых усах, которые не могли скрыть чувственных линий его крупного рта. Сильное впечатление производил и упрямый подбородок, рассеченный посередине. Блэр пока не стала анализировать увиденное и снова взглянула вверх. Ее взору предстал правильной формы нос, чуть запавшие щеки, высо-

кие скулы. Глаза мужчины не отрывались от ее лица.

Перед Блэр стоял просто потрясающий мужчина! Никогда она не видела раньше таких красавцев! А фигура! Этот массажист мог бы нагнать страху на любого неустрашимого боксера. Слова застряли у нее на языке, но ей как-то удалось произнести совершенно отчетливо:

— Вам разве не объяснили, как сюда доехать?

Мужчина покачал головой. В волнистых светлых волосах на висках блеснули серебристые нити.

— Нет.

— Что ж, тогда ничего удивительного, что вы опоздали больше чем на час. Ни на одной улице в этом городе нет таблички, — сердито заметила Блэр и отступила в сторону. — Заходите. Сейчас вы мне нужны еще больше, чем когда я звонила в ваше агентство.

Мужчина наконец вошел в квартиру, и Блэр закрыла за ним дверь, пытаясь удержать прохладу, идущую от единственного кондиционера в окне.

В белоснежных шортах и темно-синей

футболке мужчина выглядел великолепно. Блэр заметила, что загар покрывает не только его лицо, но и все тело, поросшее золотистыми кудрявыми волосками. Его ноги были длинными и стройными, но при каждом его шаге упруго играли мощные мышцы. Он медленно обошел коробки, блокирующие вход. Блэр решила, что ее интерес к его мускулам из области чисто профессионального. Ей, как профессиональной танцовщице, был хорошо знаком каждый мускул человеческого тела и его назначение.

— Вы не принесли с собой раскладную кровать или стол, или что-то подобное? — спросила она.

Массажист резко остановился, повернулся и взглянул ей в лицо:

— Нет.

Блэр вздохнула:

— Да это и к лучшему. Не представляю, где бы вы смогли это поставить. Я уже застелила пледом кухонный стол. Это подойдет? — Мужчина с интересом взглянул на стол. — Я еще не разобрала постель, и мне не хочется рыться во всех этих коробках в поисках простыней. Вы мне нужны прямо сейчас.

Вы не возражаете, если мы расположимся на кухонном столе?

В его глазах зажглись смешинки, но губы под густыми усами даже не дрогнули, когда он спокойно ответил:

— Разумеется, нет.

Лаконичные ответы массажиста начинали раздражать Блэр. Она чувствовала себя болтливой идиоткой, а мужчина держался высокомерно и отчужденно и разглядывал ее с ироничным любопытством. Он даже не извинился за свое опоздание. Правда, он и не был похож на человека, который может просить прощения. Массажист упорно не отводил от нее взгляда и даже не пытался скрыть своего интереса. Блэр почти не сомневалась, что в глубине души он над ней просто потешается. Но вот почему, это ей было неизвестно.

Блэр заметила, как мужчина разглядывает ее изящное тело. Она никогда не смущалась, а тут вдруг ее одолело необъяснимое желание чем-то прикрыться. Но это было ни к чему. Казалось, его взгляд обнимает ее всю целиком, заставляя краснеть. В одежде Блэр не было абсолютно ничего неприличного — короткие джинсовые шорты и топ из ши-

тъя, — но из-за этих синих глаз женщина чувствовала себя совершенно раздетой.

Если бы он только позволил себе отпустить сальное замечание, какие ей часто приходилось слышать на улицах Нью-Йорка, Блэр нашла бы самые резкие слова для ответа. Или если бы он бесстрастно отметил отличное состояние ее мускулов, форму и длину ног, грациозную осанку, она бы просто поблагодарила и забыла об этом. Такого рода замечания Блэр воспринимала спокойно. Но на то, что говорили его глаза, невозможно было не обратить внимания.

— Что ж, может быть, начнем? — Его губы чуть дрогнули в улыбке.

При первых же звуках его голоса по спине у Блэр побежали мурашки. Казалось, его глубокий бархатный голос проник ей в душу. Но разве мог бы в этой мощной груди родиться другой голос?

— Разве вы не хотите, чтобы я сначала разделась?

Одна бровь изогнулась насмешливой дугой.

— Разумеется, конечно, хочу.

— Вам не придется долго ждать, я на ми-

нутку. — Блэр торопливо прошла в ванную, куда заранее отнесла старенькую простыню. Ее пальцы торопливо расстегнули застежку шортов. Да что с ней такое, в самом деле? Почему она так нервничает? Ей много раз делали массаж и раньше, и очень часто это происходило в ее квартире на Манхэттене. И никогда это ее не беспокоило. Да и сегодня Блэр не чувствовала никакой тревоги. До тех пор, пока не увидела массажиста. Возможно, если этот парень так на нее действует, ей вообще не следовало бы доверять ему делать массаж.

Но сильная боль в ноге напомнила Блэр, что без массажа она вряд ли сможет обойтись. Усталые мышцы требовали облегчить боль, и доктор настоятельно рекомендовал такого рода терапию. За свои без малого тридцать лет Блэр никогда не трусила. Она обернула простыней обнаженное тело, резким движением распахнула дверь и вышла из ванной.

— Я догадываюсь, что и лосьон вы с собой не захватили, — заметила она, проходя мимо массажиста с высоко поднятой головой.

— Вы правы, я не взял с собой лосьон.

— Мне следует только радоваться. Очень часто лосьоны, которыми пользуются массажисты, так противно пахнут. Можете взять вот это. — Блэр протянула мужчине пластиковую бутылочку с кремом, которую принесла из ванной. Аромат этого лосьона для тела — чуть горьковатый и свежий — она очень любила. — А вот полотенца, чтобы... В общем, вы возьмете их, когда они вам понадобятся. — Блэр протянула сложенные махровые полотенца.

Ей очень бы хотелось, чтобы массажист не смотрел на нее так, будто готов проглотить. В свое время она делила театральные гримерки с мужчинами и женщинами, занятыми только тем, чтобы побыстрее сменить костюм. Иногда ей приходилось переодеваться прямо за кулисами без всякого прикрытия. Так почему же теперь она так отчетливо ощущает свою наготу под простыней?

Надеясь отвлечь массажиста от разглядывания своих обнаженных плеч, Блэр сказала:

— Я... Я пила колу, когда вы пришли. Не хотите выпить немного?

— Нет, спасибо. Может быть, позже, когда мы закончим.

Блэр отвернулась и подошла к прямоугольному столу. Его длины едва хватало, чтобы Блэр могла поместиться на нем во весь рост. Она прикрыла стол старым пледом, который нашла в одном из встроенных шкафов.

— Выглядит отлично.

— Стол?

— Плед.

— А! — Она посмотрела вниз на выцветшую ткань. — Понятно. Это не мое. Он достался мне вместе с квартирой.

— Судя по всему, вы только что переехали.

— Да.

Блэр повернулась к массажисту спиной, легла на стол лицом вниз, вытянулась и постаралась устроиться поудобнее. Лежать на застиранном стареньком пледе оказалось не слишком мягко. Она приподнялась, вытянула из-под себя простыню, сложила руки перед собой и, отвернувшись от массажиста, устроилась на них щекой.

— Вам нравится квартира?

— Подойдет как временное пристанище. Больше чем полгода я здесь не проживу.

— Вы из Нью-Йорка?

— Да, я жила там, но родилась я в другом месте. — Блэр затаила дыхание, когда почувствовала, как массажист снимает с нее простыню и прикрывает ей бедра полотенцем.

— А откуда вы родом?

— Из Миннесоты. — У Блэр перехватило дыхание, когда она ощутила, как его руки разглаживают полотенце. На ней не было ничего, кроме этой полоски махровой материи, которую она ощущала как пластырь на ягодицах. Блэр чувствовала, как его синие глаза ощупывают каждый сантиметр ее обнаженной кожи.

Повисла пауза. Массажист молчал. Блэр не дышала. Никто из них не шевелился. Наконец, не в силах больше выносить напряжение, Блэр повернула к нему голову:

— Что-то не так?

Мужчина откашлялся.

— Нет. Ничего. Я просто разминал пальцы.

— Ах вот оно что!

Блэр скорее почувствовала, чем увидела, как он наливает лосьон на ладонь и растирает руки. Потом его пальцы прикоснулись к ее плечам. Сначала они двигались медленно,

разминая напряженные мускулы, увлажняя кожу кремом. Чуть увеличивая давление, его руки начали работать. Произошло чудо — Блэр почувствовала, как напряжение отпускает ее.

— Вы давно работаете в агентстве?

— В агентстве?

— Да. Вы давно там работаете?

— Гм... Нет. На самом деле я там не работаю. Я своего рода свободный художник.

— Я понимаю. И вам хватает клиентов в таком маленьком городе?

— Вы удивитесь, когда узнаете, сколько у меня клиентов.

Теперь обе руки разминали плечо Блэр.

— Ваши руки не похожи на руки настоящего массажиста. У вас мозоли.

— Прошу прощения.

— Это не жалоба, а просто наблюдение.

— Я занимаюсь спортом, в частности — штангой. От этого остаются мозоли.

— Значит, вы занимаетесь не только массажем.

— Полагаю, что можно сказать и так.

— Я так и думала. Вы выглядите очень натренированным.

— Как и вы. — Именно в этот момент его пальцы оставили плечо и дотронулись до нежной кожи под поднятой рукой Блэр. Ладонью массажист касался ее позвоночника, и Блэр поняла, насколько велика его рука. Одним-единственным движением он мог бы сломать ей ребра. Она вздохнула с облегчением, когда мощные руки двинулись ниже.

— Я танцовщица и должна быть в форме.

— Вы балерина?

— Я каждый день занимаюсь в балетном классе, но танцую в основном в мюзиклах.

— Здорово! А в каких шоу вы участвовали?

Блэр рассмеялась:

— Почти во всех, и на Бродвее, и вне его. Иногда мы выезжаем на гастроли.

— Значит, вы давно этим занимаетесь.

— Да, с тех пор, как окончила школу. К огромному удивлению моих родителей, я отправилась в Нью-Йорк, хотя все мои одноклассники поступили в колледж.

— Вашим родителям это не понравилось?

— Это еще мягко сказано. Даже когда я все-таки окончила колледж, занимаясь по вечерам, они не поверили, что я не качусь по

наклонной плоскости. Я много лет твердила им, что собираюсь в Нью-Йорк, чтобы учиться и танцевать, а они только поджимали губы, втайне надеясь, что я перерасту свои мечты или встречу приличного парня и выйду замуж, прежде чем уеду.

— Но вы этого не сделали?

— Нет.

— Я уверен, что теперь они вами гордятся.

— Признаться, не слишком, — медленно произнесла Блэр. Она всегда грустила, когда вспоминала, сколько огорчений принесла родителям. Она так долго добивалась их одобрения и так и не добилаь его. Это осталось мечтой, которой не суждено сбыться, потому что матери и отцу никогда не понять ее увлечения танцем. — Они сочтут, что я добилаь успеха, только тогда, когда выйду замуж и подарю им выводок внучат.

Большие пальцы его рук разминали каждый позвонок в определенном, точно выверенном ритме. Потом они спустились к талии, и ладони легли на ее узкие бедра. Полотенце чуть сползло. Руки массажиста уверенными движениями прогоняли прочь уста-

лость. Блэр закрыла глаза, купаясь в чисто физическом наслаждении.

— Вы должны полностью принадлежать им.

— Именно так, — сонно пробормотала Блэр, уткнувшись носом в ладонь. — У меня два брата и сестра, и они уже нарожали им столько внуков, что у родителей едва хватает денег на рождественские подарки ребятам.

Мужчина хмыкнул, и Блэр понравился звук. Он был таким же умиротворяющим, как и его руки, массирующие ее бедра.

— Мне кажется, что все родители таковы. Они не будут счастливы до тех пор, пока их дети не добьются успеха в их понимании этого слова.

— Возможно, следующее поколение родителей будет другим. У моей подруги Пэм пятеро детей, и она к каждому относится как к самостоятельной личности. Возможно, вы ее знаете. Она живет здесь в Тайдлэндсе, и именно из-за нее я здесь. Ее зовут Пэм Дельгадо.

— Семейю Дельгадо я знаю. Ее муж полицейский, верно?

— Да. — Блэр засмеялась, едва обратив

внимание на то, что его руки вновь коснулись ее ребер. — Если бы вы знали Пэм десять лет назад, вы бы ее сейчас не узнали. Она бросила танцы, когда вышла замуж за Джо и стала жить в пригороде. Я до сих пор не могу поверить, что моя подруга, изнурявшая себя диетами и тренировками, теперь счастливая мать пятерых маленьких Дельгадо.

— Вы ее не одобряете?

Блэр пожала плечами:

— Кто я такая, чтобы судить? Я просто не могу понять, как кто-то может бросить танцевать, если его к этому не вынуждают обстоятельства.

Его руки медленно, лениво двигались вниз, вдоль ее спины и ребер. Блэр чуть не подпрыгнула, когда его пальцы коснулись ее груди, прижатой к пледу. Она чуть шевельнулась, и он мгновенно ее понял. Он прервал массаж, чтобы взять еще лосьона, а когда снова прикоснулся к ней, то занялся ее коленями.

— Если вы так преданы танцам, то что вы делаете здесь? Зачем было переезжать на Лонг-Айленд, когда вы столько лет прожили в Нью-Йорке?

Обеими руками массажист разминал ее ногу. Ритмичные движения навевали сон, и Блэр снова расслабилась. Ей не хотелось признаваться даже себе самой, насколько встревожило ее прикосновение его пальцев к груди. Сердце гулко забилося, кровь запульсировала в мочках ушей. А теперь, когда его движения снова стали обычными движениями массажиста, Блэр решила, что все произошло совершенно случайно и что она просто стала недотрогой.

В конце концов, многие годы мужские руки дотрагивались до ее тела. Когда танцуешь с партнером, исполнение многих па зависит от поддержки. И тут уж не до скромности или застенчивости. И хотя руки партнеров прикасались к ней много раз, Блэр не могла припомнить, чтобы эти прикосновения заставляли ее пульс частить, а под ложечкой начинало сосать от предвкушения.

— Я не расслышал вашего ответа.

Его голос, прозвучавший у самого уха, вывел Блэр из сонной задумчивости. Пусть его дыхание снова взволновало ее, но она была благодарна, что массажист отвлек ее от мыслей, которые становились все более бес-

покойными. Блэр заерзала, когда его пальцы прошлись по бедрам.

— Простите, я не ответила. Мне пришлось оставить танцы по рекомендации врача.

Его руки замерли.

— Почему?

— В основном из-за моих коленей. У меня проблемы со связками и хрящами, им нужно время, чтобы восстановиться.

— И когда вы снова сможете танцевать?

— Через полгода, — как можно спокойнее ответила Блэр и сразу же вспомнила, как тревожно стало у нее на сердце, когда она услышала вердикт доктора. Это был уже третий специалист, к которому обратилась молодая женщина, отказавшись согласиться с диагнозом первых двух. Она сочла их шарлатанами, которых больше, чем ее колени, интересовала ее чековая книжка.

Массажист снова принялся за работу.

— Звучит серьезно.

— Вы ошибаетесь, — отрезала Блэр. Она закрыла глаза, словно пытаюсь отмахнуться от фактов, которые не желала признавать. — Это все ерунда, — чуть мягче продолжила она, но в ее голосе звучала прежняя убежден-

ность. — Такие вещи часто происходят с профессиональными танцорами. Несколько месяцев покоя, и со мной все будет в порядке.

— Вы вообще не можете танцевать?

— Мне разрешены только поддерживающие упражнения, никаких больших нагрузок.

Они немного помолчали, и Блэр попыталась выбросить из головы две вещи. Во-первых, свое недовольство тем, что пришлось бросить карьеру на полгода. Во-вторых, невероятно сексуальные ощущения, возникающие всякий раз, как эти мозолистые руки прикасались к ее бедрам.

— Вы сами втащили сюда все эти коробки? — наконец спросил мужчина, прерывая затянувшееся молчание.

— Да. Пэм дала мне свой фургон на несколько дней. Я приехала из города сегодня утром и решила не ждать, когда кто-то поможет мне все это разгрузить.

— Вы носили тяжести вверх по лестнице, и это вряд ли пошло на пользу вашим коленям.

— Им это, во всяком случае, не повредило. — На самом деле ноги у нее отчаянно бо-

лели к тому моменту, когда последняя коробка оказалась на втором этаже, но Блэр упрямо это отрицала, как не соглашалась и с тем, что с ними вообще что-то может быть не так. Блэр отлично понимала — если игнорировать проблему, само собой ничего не рассосется. Но она не готова была признать, что ей придется навсегда расстаться с танцами. Для нее это было равносильно катастрофе.

— Я уверен, что вам мог бы кто-нибудь помочь.

— Дети Пэм собрались сегодня на пляж, и я попросила ее не разочаровывать их. Она сказала, что они с Джо зайдут попозже, чтобы разобраться с вещами. Но мне не хотелось ждать так долго, а тем более утруждать их. Есть человек, который живет в доме наискосок от меня. Я снимаю у него эту квартиру. Пэм сказала, что я могу обратиться за помощью к нему, но я его еще не видела. Он передал Пэм ключ для меня, а я забрала его сегодня утром.

— Значит, вы с ним ни разу не встречались?

— Нет, это знакомый Пэм, и она все уст-

роила с квартирой. Он плотник или что-то в этом роде.

— Я не сомневаюсь, что этот человек с радостью помог бы такому изящному созданию, как вы, перенести все эти коробки наверх.

— Может быть, он и согласился бы, — Блэр не стала спорить, — но я не хочу быть обязанной соседям.

— Понятно. Вы женщина независимая.

— Абсолютно, и мне это нравится.

Блэр услышала звук передвинутого по полу стула и повернула голову. Массажист сел, и она вдруг испытала невероятное облегчение оттого, что он оставил ее бедра в покое.

Взяв в ладонь ее узкую ступню, он начал разминать подошву большим пальцем.

— Господи, что вы с ней сделали?

Блэр рассмеялась:

— Ужасно, правда? Когда носишь балетные туфли с твердым носком, волдыри превращаются в мозоли, потом появляются новые, все бóльшие волдыри и опять мозоли. После нескольких лет работы ноги танцовщика похожи на копыта.

Массажист налил лосьон на шишки и

бугры. Она бы не позволила ему этого, если бы собиралась танцевать. На то, чтобы мозоли достаточно загрубели и смогли выдерживать обрушивающуюся на них нагрузку, требуется время. Но Блэр позволила размять ей ступни и пальцы ног.

Мужчина поднял одну ступню и стал вращать ее, разрабатывая сустав.

— Нет, нет, расслабьтесь, — негромко попросил он, когда Блэр решила ему помочь. — Разрешите мне поработать за вас. — Закончив со ступней, он согнул ей ногу в колене и также стал вращать ее, действуя предельно осторожно, чтобы не причинить боль. Блэр полностью расслабилась и позволила ему разрабатывать ее усталые мускулы, пока все сухожилия не заработали так, как не работали уже несколько недель.

Повторив процедуру со второй ногой, массажист опустил ее на плед. Блэр ощущала сонное оцепенение и странную тяжесть, словно все кости из ее тела исчезли и оно стало податливым и мягким. Веки опустились. Ей так не хотелось, чтобы отведенный на массаж час закончился. У этого человека удивительные руки! Он помог ей так чудесно

расслабиться! Она и не мечтала о таком отдыхе с тех пор, как вся в слезах от досады и злости покинула кабинет доктора на Парк-авеню.

— Теперь можете повернуться, — приказал ей низкий, повелительный голос. Блэр и в голову не пришло послушаться, и она перевернулась на спину одним движением, по-прежнему не открывая глаз. Она услышала нечто похожее на вздох восхищенного изумления, и тут же прохладные полотенца прикрыли ей грудь и бедра. Блэр сознавала, что такая реакция со стороны массажиста должна была бы насторожить ее, но она была слишком разомлевшей, чтобы задуматься об этом.

Мужчина перешел к другому краю стола и встал у головы Блэр. Она знала, что он снова поливает лосьоном руки. Ей подсказал это насыщенный аромат, достигший ее ноздрей. Когда он наклонился и поставил бутылочку на место, женщина ощутила, как его мощные бедра прижались к ее макушке. Блэр слышала, как чуть чавкает лосьон между его пальцами, когда они нежно коснулись ее плеч. Длинными, размеренными прикосновениями он втер маслянистую жидкость в ко-

жу рук. Его дыхание легким теплым ветерком овевало ее лицо.

Пальцы обхватили ее плечи, а большие пальцы легли Блэр на ключицы. Его прикосновение было легким, провоцирующим и совершенно ненужным для лечебного массажа. Но Блэр не нашла веской причины указать ему на это. Было так восхитительно лежать, ощущать на своем теле эти потрясающие руки и гадать, что они предпримут дальше.

Ее острое любопытство было вскоре удовлетворено. Блэр словно рождалась вновь под его прикосновениями. Где-то глубоко в ее теле зажглась искра желания, соски напряглись в ожидании. Если бы ее не загипнотизировали движения этих рук, подбирающихся все ближе к тому, что жаждало прикосновения, она бы сама схватила его пальцы и прижала к набухшей груди и отвердевшим соскам. Когда его руки неохотно отступили на более безопасную территорию, Блэр не смогла сдержать недовольного возгласа.

Мужчина поднял ее руку и положил себе на грудь, с минимальным давлением сжимая мышцы. Его пальцы могли обхватить кольцом любое место ее руки, поднимаясь от

подмышки к запястью. Ее ладонь лежала на его мощной груди, словно поникший цветок. Он наклонил голову, проверяя эффективность своего массажа, и кончики ее пальцев ласкало его легкое дыхание.

Блэр подумала: «Интересно, что бы он стал делать, если бы я вдруг коснулась ямочки у него на подбородке или провела по пышным усам?» Правда, у нее не было сил даже пошевелить рукой, не говоря уж о том, что ей просто бы не хватило смелости. Но при одной мысли об этом у нее все напряглось внутри, и кровь быстрее побежала по венам.

Наконец массажист дошел до запястья. Одной рукой он массировал ее пальцы, а большой палец его другой руки чертил круги на ее ладони. Потом он стал вращать ее кисть, заставляя забыть о сопротивлении и полностью подчиниться его власти. Мужчина методично отмассировал каждый палец. Но в его движениях присутствовала явная сексуальность, как будто это его язык ласкал Блэр.

Она собрала остатки сил и приказала себе открыть глаза, но сразу же поняла, что сделала это напрасно. Ее взгляд утонул в си-

неве глаз массажиста, неотрывно следящих за ней.

— Я мог вас видеть в спектакле? — спросил он таким тоном, как гипнотизер задает сакраментальный вопрос: «Вы спите?» Его пальцы сомкнулись вокруг нижней челюсти Блэр, массируя точки чуть пониже ушей.

Она была рада, что еще способна понимать родной язык, и неразборчиво пробормотала:

— Не знаю. А вы бываете в театре?

— Назовите мне мюзиклы, где бы я мог вас видеть.

Блэр пришлось уступить в неравной борьбе — ее веки снова опустились, стоило только искусным рукам прикоснуться к основанию ее изящной длинной шеи.

— Я... Я танцевала в рекламном ролике апельсинового сока, — произнесла Блэр, задыхаясь.

— Правда? — Его пальцы теперь массировали виски, легко поворачивая ее голову из стороны в сторону. Макушкой Блэр ощущала каменную крепость его бедер.

— Еще я танцевала на игровом автомате.

Большой серебряный шар катился мне навстречу, а я перепрыгивала через него.

— Это я видел, но...

— Но вы меня не узнали. На мне был серебряный парик и огромные солнечные очки в форме маргариток с желтыми стеклами.

Пальцы его рук очень нежно массировали ей лоб, продвигаясь по направлению к уху.

— Не могу вас представить в серебряном парике. Вам так идут ваши темные волосы. И еще вы сказали — солнечные очки в форме маргариток с желтыми стеклами, верно? — негромко переспросил он. — Нет. Только зеленые глаза, такие же бездонные, как море. — Словно по команде глаза Блэр открылись и внимательно взглянули на мужчину. Указательным пальцем он провел по совершенной дуге ее темной брови.

Блэр знала, что ей не следовало позволять ему это делать. Этот массажист мог оказаться обыкновенным мерзавцем, но ей никак не удавалось придумать причину отказаться от такого наслаждения. Прижав ее руки к своей груди, мужчина наклонился так низко, что Блэр утонула в синеве его глаз. Эти глаза лишили ее способности мыслить здраво.

— Не могу представить вас другой. Вы должны оставаться самой собой. Я не стал бы ничего менять. — Вместо ласкающего прикосновения пальцев Блэр ощутила шелк его усов. Он придвигался все ближе и ближе к ее губам, и Блэр впитывала его дыхание. Она ждала прикосновения его губ к своим, и тут в дверь постучали.

Блэр подавила недовольный возглас. Массажист тяжело вздохнул, выпрямился и отпустил ее руки. Женщина торопливо села, прикрывшись простыней. Щеки ей залил жаркий румянец, когда она смотрела, как статная фигура пробирается между наставленными как попало коробками и как ни в чем не бывало открывает входную дверь.

— Привет, — раздался мужской молодой голос. — Простите, что так опоздал, но администратор все перепутал. — Высокий светловолосый мужчина явно не собирался отвечать. Тогда молодой человек в белых брюках и футболке с эмблемой агентства над левым нагрудным карманом с нажимом произнес:

— Я массажист.

Слова молодого человека обрушились на Блэр с силой бейсбольного мяча. Она села на столе, судорожно прижимая к груди смятую простыню. Темные волосы пушистым облаком упали ей на плечи. Ее лицо, еще секунду назад такое румяное, стало мертвенно-бледным.

— Теперь вы нам уже не нужны, — как ни в чем не бывало заявил синеглазый гигант, стоящий у двери.

Глаза массажиста перебежали с его атлетической фигуры на раздетую Блэр. Он мгновенно оценил ситуацию. В его взгляде прыгали лукавые искорки, когда он снова посмотрел на мужчину:

— Я понимаю, что вы хотите сказать. — Его голос звучал насмешливо.

— Вы свободны. Пришлите мисс Симпсон счет за услуги.

— Да, конечно, спасибо. — Парень подмигнул блондину, подхватил увесистую кожаную сумку и с шумом сбежал вниз по лестнице.

Блэр молча смотрела, как мужчина закрывает дверь. Но прежде чем дверь захлоп-

нулась, она пулей слетела со стола. Она уже совершенно пришла в себя от перенесенного шока и теперь кипела от негодования.

— Кто вы, черт побери, такой? Как вы осмелились подобным образом воспользоваться моей доверчивостью? Выметайтесь отсюда, или я немедленно вызову полицию.

— Каким, интересно, образом? Телефон вам пока еще не подключили, — попытался урезонить ее незнакомец. На его лице появилась широкая улыбка, обнажившая ряд белоснежных ровных зубов. — Мне сегодня звонили из телефонной компании. Монтер будет в отпуске еще два дня.

— Кто...

— Меня зовут Шон Гэррит. Я ваш домовладелец. Тот самый плотник и ваш сосед, которому вы не пожелали быть обязанной. — Его взгляд охватил целиком тоненькую фигурку, кое-как завернутую в смятую простыню. — Но вы все равно у меня в долгу. За ваш массаж.

— Вы меня обманули! — крикнула Блэр. Ее глаза гневно засверкали.

— Я вас не обманывал. Я не говорил, что я массажист. Вы просто не дали мне возмож-

ности все объяснить. — Он сделал к ней шаг, и Блэр инстинктивно попятилась. Из-за его роста комната, показавшаяся ей прежде такой просторной, вдруг стала маленькой и тесной. — И если быть честным до конца, я не сразу понял, какой именно услуги вы от меня ждете. — Золотистые усы дрогнули над улыбающимися губами.

— Да как вы смеете!

— Судите сами. Вы заявили, что нуждаетесь во мне, как никогда раньше. Вы поинтересовались, не стану ли я возражать, если мы займемся «этим» на кухонном столе, постольку-поскольку вы не успели застелить постель. Потом вы сказали, что вам будет лучше раздеться. Что, с вашей точки зрения, должен подумать мужчина после таких слов?

Говоря это, Шон продолжал приближаться к ней мягкой и упругой походкой хищника. Блэр отступала, пока не уперлась спиной в кухонный шкафчик. Тут Шон уселся на край стола, покрытого клетчатым пледом, и преградил ей дорогу к бегству. Блэр почувствовала себя в ловушке, но она не собиралась сдаваться. Женщина выпрямилась

во весь свой небольшой рост, расправила плечи и гордо вскинула подбородок.

— Вы сразу же поняли, что я принимаю вас за другого. Порядочный человек должен был бы просто назвать себя и тем самым уладить недоразумение. Я просто не представляю, как смогу теперь здесь остаться, когда выяснилось, каков на самом деле мой домовладелец. Как только вы уйдете, — последние слова Блэр произнесла с особым нажимом, — я немедленно отнесу вещи обратно в машину.

И она никак не ожидала, что ответом ей станет раскат громового хохота. Шон смеялся с таким искренним удовольствием, что ей невольно захотелось улыбнуться в ответ, но она подавила это желание.

— Итак, — отсмеявшись, заговорил Гэрит, — это божественное тело и невинные глаза всего лишь обман зрения. Под внешнестью ягненка скрывается душа тигрицы. Вы мне нравитесь, Блэр Симпсон.

— А вот вы мне совсем не нравитесь, — нелюбезно парировала она. — Вы лжец и негодяй. Убирайтесь отсюда!

— Я вам не лгал, — он говорил так спо-

койно, что просто сводил Блэр с ума. Ее саму просто трясло от негодования.

— А как же назвать ваше поведение?

— Я вам честно сказал, что не работаю на агентство. Я вам сообщил, что я в некотором смысле свободный художник, и так оно и есть на самом деле. Я подрядчик. Вы спросили, много ли у меня клиентов. Я ответил, что вы бы удивились, если бы узнали, как их много. У меня на самом деле много клиентов. Я покупаю старые дома, реконструирую их, а потом продаю богатым горожанам, которым нужен дом на побережье. Так что, как видите, в моих словах нет ни капельки лжи.

— Но вы намеренно вводили меня в заблуждение.

Шон пожал плечами, уголки его губ дрожали от сдерживаемой насмешливой улыбки.

— Как я уже говорил, что оставалось делать мужчине в подобной ситуации? Красивая женщина предлагает снять с себя одежду и лечь на кухонный стол. Вы знаете хотя бы одного настоящего мужчину, который бы в такой ситуации развернулся и ушел?

Блэр догадалась, что шокировала Гэрита, и все-таки с вызовом посмотрела на него:

— Представьте себе, я знаю такого.

На Шона это не произвело никакого впечатления.

— Я никогда никого не критикую за образ жизни. Только мне отлично известны собственные сексуальные пристрастия. И красивая женщина, кое-как прикрытая простыней, покорная, лежащая на столе, умоляющая меня прикоснуться к ней, меня очень и очень возбуждает.

— Прошу прощения! Я вас ни о чем не умоляла... Я позволила вам прикоснуться ко мне по одной-единственной причине — я приняла вас за профессионального массажиста. Откуда мне было знать...

— Только не пытайтесь меня убедить, что вам не понравилось. Вам не удастся меня обмануть. Вы же чуть не мурлыкали от удовольствия. Вы даже не обратили внимания, когда перевернулись на спину и дали мне возможность взглянуть на ваше тело. — Последние слова Шон произнес почти шепотом. Он встал и преодолел те последние несколько шагов, что разделяли их с Блэр. — Со спины вы похожи на подростка. А вот спереди, несмотря на всю вашу хрупкость и миниатюр-

ность, вы несомненно зрелая женщина, Блэр Симпсон.

Его пальцы коснулись ее лица. Она не могла отвести его руку, потому что тогда с нее свалилась бы простыня.

— Не надо, — попросила она, безуспешно пытаясь отвернуться. Но Шон не обратил на ее слова никакого внимания. Его губы оказались всего в миллиметре от ее рта.

— И скажу вам кое-что еще. Я собственноручно выдеру вас, если вы только вздумаете вот так запросто открыть дверь незнакомому мужчине и пригласить его войти. Разве вам не известно, что происходит с такими беспечными женщинами? — Его усы защекотали Блэр губы. — По улицам разгуливает множество извращенцев. Если бы на моем месте оказался один из них, с вами могло случиться что-нибудь ужасное.

Его губы наконец достигли ее губ, и последние остатки благоразумия покинули Блэр. Его пальцы нежно ласкали ее затылок, словно продолжая прерванный массаж. Большие пальцы рук, гипнотизируя, круговыми движениями гладили виски. И Блэр показав-

лось, что неведомая сила притягивает ее к Шону как будто магнитом.

Несколько легких поцелуев, и он отошел от нее. У Блэр так кружилась голова от его объятий и от того, что он так не вовремя и жестоко оторвался от нее, что она никак не могла сфокусировать взгляд. Когда Блэр окончательно пришла в себя, то сразу же заметила его победоносную улыбку, хотя ее сознание и было затуманено желанием.

Рискуя уронить простыню, она оттолкнула его одной рукой.

— Убирайтесь! — крикнула она. — Вы единственный извращенец, которого мне так не повезло встретить.

— Сейчас я уйду, — пообещал Шон Гэрит, прокладывая себе путь среди коробок, — но в восемь часов будет готов ужин. Просто приходите к задней двери дома и постучите.

— Ужин? Вы что, предлагаете мне поужинать с вами после всего, что случилось?!

— Не вижу никаких причин, почему мы должны себе в этом отказывать. Особенно теперь, когда мы так близко познакомились. — Его тон и улыбка не оставили Блэр

места для сомнений. Шон над ней просто издевался.

— Прощайте, мистер Гэрит. Мы увидимся с вами первого числа следующего месяца, когда придет время платить за квартиру.

— Я увижу вас в восемь часов вечера у задней двери моего дома, иначе я сам за вами приду. — И прежде чем Блэр успела возразить, он спокойно добавил: — Пэм говорила мне, что у вас болят колени. Мне действительно очень жаль, что какое-то время вы не сможете танцевать.

Шон ушел, а Блэр еще долго смотрела на дверь, закрывшуюся за ним.

— Ты хочешь сказать, что лежала го-ла-я, а Шон Гэрит делал тебе массаж? — Блэр с досадой посмотрела на подругу. Та с наслаждением бросала в рот шоколадное печенье, но в ее взгляде читалось недоверие.

— Представь себе, Пэм. Это было ужасно! Пухленькая темноволосая женщина засмеялась и едва не подавилась печеньем.

— Как же, как же, — закашлялась она. — Кого ты дурачишь, подруга? Как бы я ни любила моего Джо, я бы и то, пожалуй, не ус-

тояла, если бы Шон Гэррит предложил сделать мне массаж на кухонном столе. И так поступили бы девяносто девять процентов из всех известных мне женщин.

Пэм и ее пятеро детей приехали к Блэр примерно через час после ухода Шона. Она немедленно дала задание четверым старшим. Семилетняя Мэнди и девятилетний Эндрю освобождали коробки от книг и пластинок и перекладывали их на встроенные полки в гостиной. Пятилетняя Анджеела складывала в шкафчик в ванной полотенца и постельное белье. А трехлетнему Полу доверили расставить кастрюли, сковородки и прочую утварь на кухне. Самый юный Дельгадо — полуторагодовалый мальчик — сидел у матери на коленях, развлекая себя раскрошенным печеньем.

— Что ж, значит, я принадлежу к тому единственному проценту, кто поступит иначе. Пэм, ну почему ты меня не предупредила о том, что мой домовладелец и ближайший сосед настоящий извращенец...

— Что он такого сделал? — Пэм жадно приготовилась слушать, не обращая внимания на то, что сынишка сыпет крошки ей на

платье. — Что? Или ты от меня что-то скрываешь?

— Да нет, ничего такого на самом деле непристойного он не сделал, — Блэр обиделась. Она встала, чтобы налить подруге еще содовой в ее почти пустой стакан. — Просто вся ситуация оказалась совершенно неприличной. Я лежу совершенно голая, а мой домовладелец как ни в чем не бывало делает мне массаж, как будто он и есть профессиональный массажист. Этот Гэрит просто воспользовался случаем, — воскликнула она. — Я была совершенно без сил, мне и в голову не могло прийти, что он не из агентства.

Выражение глаз Пэм смягчилось.

— Теперь я понимаю, что ты расстроена. Но ты все-таки должна признать, что все это совсем не так уж ужасно. Я знаю женщин, которые с радостью бы...

— Ты прекратишь это повторять или нет? Прошу тебя! — Блэр на самом деле уже вышла из себя. — Ты же знаешь, что я не похожа на других женщин. Пусть они себе облизываются при виде этих настоящих мачо. Шон Гэрит не произвел на меня никакого впечатления. Он всего лишь расчетливый

бабник и довольно наглый тип. Вот что я о нем думаю!

— Но это не так! — Пэм самоотверженно встала на его защиту. — Блэр, он у нас один из столпов местного общества. У него процветающий бизнес, Шон член городского совета, член попечительского совета школы, у него прекрасная репутация, в конце концов!

— Господи! При чем здесь школа? Ты хочешь сказать, что у него еще и дети есть?

— Нет, что ты. Шон никогда не был женат, но он интересуется всеми аспектами жизни нашего городка. И потом он просто неотразим, и на него чертовски приятно смотреть. Не понимаю, почему ты не хочешь признать этот очевидный факт? Только не говори Джо, но я как-то раз чуть не въехала на своей «Вольво» в канаву, так я загляделась на Шона. Он работал на крыше в одних шортах. А без рубашки он просто...

— Ладно, — прервала Блэр подругу, поднимая руки вверх, словно сдаваясь. — Он просто потрясающий, а я просто дура, раз не сообразила, насколько мне повезло, что именно Шон Гэрит выставил меня полной идиоткой.

Улыбка Пэм увяла. Потянувшись через стол, она положила ладонь на руку Блэр.

— Прости... Я же знаю, какая ты самолюбивая и упрямая. И могу понять, насколько тебе неприятно, что он так легко тебя обманул. Но, Блэр, ты должна признать, что это на самом деле просто забавно. То, что ты рассказала... — И Пэм, не удержавшись, снова от души расхохоталась.

— Спасибо тебе большое, — ядовито поблагодарила Блэр с кривой улыбкой. — Предательница! Ты уверена, что Бенедикт Арнольд тебе не родственник?

— Ты имеешь в виду того генерала, что перешел на сторону англичан во время Войны за независимость? Нет, с ним мы точно не родственники. — Отсмеявшись, Пэм спросила: — Тебе действует на нервы то, что он буквально образец мужественности?

— Кто? Бенедикт Арнольд? — Блэр нарочно попыталась отвлечь подругу.

— Нет, я имела в виду Шона Гэрита.

Теперь уже рассмеялась Блэр:

— Конечно, это не действует мне на нервы.

— Я просто подумала... — Пэм провела рукой по кудрявой головке малыша. — То

есть я хотела сказать, что после Коула у тебя так ни с кем больше и не было настоящего романа. — Иногда Пэм вела себя совершенно бесцеремонно.

Блэр отвернулась.

— Да, это правда. — Ни Пэм, ни кто-либо другой не знал всей правды о ее взаимоотношениях с Коулом Слэйтером, и никто никогда и не узнает. По молчаливому соглашению, они никогда это не обсуждали. Пэм, разумеется, было любопытно узнать об этом отрезке из прошлой жизни подруги, но они были настоящими друзьями, и она не лезла Блэр в душу. И за это Блэр была ей благодарна. Вот и теперь Пэм Дельгадо не пыталась лезть не в свое дело, она лишь предлагала Блэр ключ на тот случай, если ей захочется отпереть закрытую дверь. Она любила свою подругу и желала ей счастья. Но Блэр не захотела:

— Шон Гэррит просто не в моем вкусе. Разве такое невозможно?

Пэм снова засмеялась:

— Если ты женщина, то он не может не быть в твоём вкусе.

Блэр внимательно посмотрела на распол-

невшую подругу. После каждых следующих родов она все прибавляла в весе, и теперь ее уже, пожалуй, нельзя было назвать симпатичной толстушкой.

— Если ты так очарована Шоном Гэритом, то почему ты вышла замуж за Джо? — поддразнила она подругу.

Пэм только руками развела.

— Потому что Джо любит меня такой, какая я есть. — Ее глаза счастливо заблестели. — И пусть так будет всегда, — добавила она и преувеличенно вздохнула. Ее кожа, которую ей хватило ума не подставлять постоянно солнцу, оставалась светлой и нежной. Волосы Пэм уложила на затылке в некоторое подобие пучка, из которого выбивались непокорные пряди. Казалось, что эта прическа выражает жизненную философию этой многодетной матери. Пэм выглядела счастливой и полностью удовлетворенной, и Блэр вдруг позавидовала ей.

— Я знаю, что, по твоему мнению, я распустилась, — Пэм всегда была честной. — Я знаю, что стала как корова и совсем не напоминаю ту стройную танцовщицу, которая сражалась с каждой калорией. Не думай, что

я не завидую твоей изящной фигуре. И ты так молодо выглядишь. Да я просто зеленею от зависти. Стройные бедра, плоский живот, упругая грудь — это все для меня в прошлом. Но я счастлива, Блэр. У меня есть Джо и дети, и я люблю их. Я бы не поменялась местами ни с кем. И я не поменялась бы местами и с тобой, сколь бы успешной ни была твоя карьера.

Громкие голоса детей донеслись из гостиной. Эндрю не нравилось, как Мэнди выполняет свою работу. А Мэнди заявила, что брат должен просто оставить ее в покое, иначе она пожалуется маме.

— Ябеда-корябеда, — заверещал Эндрю. — Всегда ты ябедничаешь!

Но женщины едва слышали их. Блэр смотрела на свои руки, а на лице Пэм появилось какое-то беспомощное выражение, словно она чувствовала тревогу в душе подруги.

— Я не виню тебя за то, что ты не хочешь меняться местами с тридцатилетней женщиной без кола и без двора, да еще и с травмированными коленями, — с несчастным видом произнесла Блэр.

— С твоими коленями все будет в порядке, и очень скоро ты будешь снова танцевать.

— А если этого не случится? Что тогда?

— Тогда займешься чем-нибудь еще.

— Я ничего больше не умею, Пэм.

— Значит, чему-нибудь научишься. Господи, Блэр, ты красива и талантлива. Конечно, тебе тридцать. Для профессиональной танцовщицы это возраст, но ты можешь заняться еще множеством вещей. Просто тебе пока ничего не приходит в голову. Я уверена, что ты не настолько глупа, чтобы думать, что твоя жизнь кончена в тридцать лет только потому, что ты не сможешь больше танцевать.

— Но кончится жизнь, которой я хочу жить.

— Откуда ты знаешь, чего именно тебе хочется? Ты никогда не знала другой жизни. Судьба могла приготовить для тебя нечто замечательное, а ты даже не догадываешься об этом. Неужели ты думаешь, что в тот день в Центральном парке, заполняя протокол вместе с симпатичным полицейским по фамилии Дельгадо с темными бровями и очаровательным смехом, я знала, чем все кончится?

Твои колени тебя подвели, и, может быть, это самое лучшее, что случилось с тобой в жизни.

Блэр видела, что спорить бесполезно, поэтому она только похлопала рукой по пухлым пальцам Пэм и сказала:

— Может быть, ты и права, — хотя отлично понимала, что это не так.

С помощью Пэм им удалось за следующий час распаковать почти все коробки. Тем более что дети почти не мешали. Блэр послала старших детей отнести пустые картонные коробки в мусорные баки.

— А можно нам навестить Шола? — спросила Мэнди, старшая из девочек.

— Нет. Он, вероятно, работает в городе.

— Его грузовик здесь. И машина тоже, — вмешался рассудительный Эндрю.

Пэм только вздохнула:

— Ладно, идите, но только на минутку. — Несмотря на ее предостережение быть поосторожней на лестнице, брат и сестра бегом помчались по ступенькам.

— Ты очень нравишься Эндрю, — заговорщицким тоном сказала Пэм. — Он на днях спросил меня, считаю ли я тебя краси-

вой. Обычно он не обращает внимания на женщин.

— Мне казалось, мальчики в первый раз влюбляются в свою учительницу.

— Сейчас же лето — в школе каникулы, — пояснила Пэм, и подруги заразительно рассмеялись.

Мэнди и Эндрю очень быстро вернулись, держа в руках мороженое.

— Это нам Шон дал, — пояснил мальчик, протягивая еще три порции матери. — А эти для остальных.

— Давайте-ка торопиться, — засуетилась Пэм, хватая малыша, сумку и ключи от машины, — пока мы не закапали Блэр весь пол.

— Да, кстати, чуть не забыл, — Эндрю повернулся к хозяйке дома. — Шон просил вам передать, чтобы сегодня вечером вы не надевали ничего сногшибательного.

Пэм застыла на месте, оставив безуспешные попытки свести свой выводок по лестнице, и обернулась через плечо.

— Сегодня вечером? — переспросила она. — Я так и знала, что ты от меня что-то скрываешь!

— Он почему-то вбил себе в голову, что я

собираюсь с ним ужинать, — пробормотала Блэр и залилась краской, как школьница.

— А ты не собираешься?

— С какой стати? Конечно, нет!

— Хочешь, поспорим? — подмигнула ей Пэм и подхватила на руки трехлетнего Пола, который никак не желал покидать комнату.

Когда Пэм впервые рассказала Блэр о квартире над гаражом, та сразу же поинтересовалась, есть ли там ванная или только душ. Врач сказал ей, что горячие ванны пойдут на пользу ее коленям. Пэм заверила подругу, что ванная в доме есть. И вот теперь Блэр принимала ванну в первый раз, лежа в старомодной, глубокой посудине на гнутых ножках. Чувствовала она себя замечательно. Напряжение, не отпускавшее ее с той минуты, как она увидела Шона Гэрита, буквально растворялось в воде.

Когда вода начала остывать, Блэр встала и чуть не упала. От горячей воды ее разморило, и тут она вспомнила, что весь день ничего не ела. Она вытерлась досуха полотенцем. Ее кожа, мягкая и душистая, все еще хранила запах лосьона, которым пользовался Шон во

время массажа. Блэр взялась было за свой старенький, уютный банный халат, но вдруг передумала. А что, если Гэррит выполнит свою угрозу и явится сюда за ней, если она не подойдет в назначенное время к задней двери его дома? Ругая на чем свет стоит и своего домовладельца, и себя за то, что оказалась такой растяпой, она все-таки сменила халат на джинсы и футболку. От пакета с шоколадным печеньем не осталось даже крошек, но все остальные припасы выстроились на кухонных полках и в холодильнике. Блэр как раз соображала, как лучше все разложить по полкам, когда за дверью послышались шаги.

— Этого не может быть, — в смятении прошептала она. Ее глаза метнулись к будильнику и увидели зеленые цифры 20.01. Шаги на лестнице звучали все отчетливее и становились как будто тяжелее, чем ближе мужчина подходил к ее двери. — На этот раз ему меня не запугать, — воинственно выпалила Блэр и решительно направилась к двери. Как только в дверь постучали, Блэр настежь распахнула дверь, готовая постоять за себя, если понадобится.

Отказ поужинать вместе застыл у нее на

губах, когда она увидела Шона Гэрита. Вид у него был совсем не угрожающий, а какой-то смущенный, словно он был подростком, приглашающим девочку на первое свидание. На нем тоже были джинсы и рубашка с короткими рукавами. воротник ее был распахнут, открывая поросль золотистых волос на медной коже. Волосы он аккуратно причесал, и они блестели в свете лампы над дверью. Щеки были чисто выбриты, а от аромата его туалетной воды, легкого, но запоминающегося, у Блэр снова закружилась голова. Хотя, по ее мнению, головокружение было связано с горячей ванной и с тем, что она весь день ничего не ела. В руке Гэрит держал букет белых ромашек в зеленой бумаге.

— Привет!

— Привет, — ответила Блэр и не узнала своего голоса. У нее буквально перехватило горло.

— Эти цветы вам. В знак примирения после того, что случилось днем. Вы меня простите? — с виноватым видом спросил Гэрит. Блэр не ответила, а только смотрела на букет, который он протягивал ей. — Их вообще-то надо было бы поставить в воду, — подсказал

Шон. Он сделал шаг вперед, и Блэр, словно под гипнозом, отошла в сторону и дала ему войти в квартиру. Его рука слегка коснулась ее груди. — У вас есть ваза?

— В... В кухне... Наверное, — почему-то начала заикаться она. Блэр подошла к шкафчику, куда сложила разные нужные в хозяйстве предметы, и нашла среди прочего стеклянную вазу, наполнила ее водой, принесла в комнату и поставила на кофейный столик.

Шон развернул бумагу и поставил цветы в воду. В его крупных сильных руках ромашки казались такими трогательными. Но Блэр уже узнала, насколько нежными могут быть эти пальцы.

— Вот так. Выглядит неплохо, правда? — Шон скомкал зеленую бумагу. Он, как у себя дома, прошел к мусорному ведру на кухне и выбросил ее туда. — Здесь так уютно! — Гэрит оглядывал комнату. Неяркий свет настольной лампы скрывал углы, и Блэр пришлось согласиться, что в комнате действительно есть своя атмосфера.

Стены были выкрашены в мягкий бежевый цвет, а оконные переплеты, двери, пли-

туса и лепнина на потолке оставались белыми. Жалюзи закрывали широкие окна.

— Вы уже опробовали постель? — поинтересовался Шон, указывая на раскладной диван.

— Нет, — Блэр покачала головой. — Я все приготовила, но еще не ложилась.

— Надеюсь, что вам будет удобно. — Глаза Шона не отрывались от ее рта. — Когда я покупал мебель для этой квартиры, я хотел, чтобы все здесь было простым и удобным.

— Все просто замечательно. Мне нравится такая обстановка.

— Вот и хорошо!

Они долго смотрели друг на друга, а потом оба отвели глаза, испытывая чувство неловкости.

— Я очень сожалею о том, что случилось. — Только после этих слов Блэр подняла на него глаза. — Я хочу, чтобы вы поняли. Я не жалею о том, что видел вас обнаженной, что прикасался к вам. — Его голос звучал как музыка. — Я сожалею только о том, что вы почувствовали себя неловко. Я сыграл с вами злую шутку, и вы совершенно правы, что рассердились на меня.

Блэр постаралась не думать о том, что он ее видел и прикасался к ней, и сконцентрировалась на его чувстве вины и своем гневе. Как ему удалось найти к ней подход? Она заготовила для него настоящую отповедь, но как произнести ее теперь, когда Шон Гэрит стоит здесь с таким виноватым видом? Он украл у нее ее оружие — гнев. Вот и еще одна хитрая уловка.

— Вы правы. Вы просто вывели меня из себя.

— Я обещаю, что в следующий раз буду делать вам массаж только с вашего согласия.

— Я...

Но Шон не дал ей объявить, что никакого следующего раза не будет.

— Какой странный снимок, — заметил Шон, заглядывая через плечо Блэр.

Блэр обернулась и поняла, что ее гость смотрит на фотокомпозицию Харви Эдвардса «Руки».

— Он неправильно стоит, — заметила Блэр. Она подошла к большой фотографии в медной рамке и повернула ее. — Вот так надо смотреть. У меня не было времени повесить.

— Да, понимаю, — кивнул Шон. — Интересная работа, правда?

— Мне нравится эта фотография, как практически все работы Эдвардса. Он замечательный фотограф. — На снимке была изображена вознесенная вверх балерина и мужские руки, поддерживающие ее гибкий стан. Руки словно излучали силу и какую-то глубоко скрытую чувственность. — Он всегда снимает танцоров. Вот это тоже одна из его работ. — Блэр указала на фотографию пары розовых растоптанных балетных туфель на черной полированной поверхности. — Эта работа называется «Балетные туфли».

— Он не слишком ломает голову над названиями, верно? — Блэр зачарованно смотрела на морщинки вокруг глаз Шона, появляющиеся, когда мужчина улыбался. — А у вас есть пара таких туфель?

Она рассмеялась:

— Сколько угодно!

— Как вам удалось научиться завязывать ленты вокруг щиколотки, чтобы они не развязывались при движении?

— Практика. И потом завязки должны быть правильно пришиты.

— Так ведь они пришиваются в мастерских, разве нет?

— Нет! Балерина должна обязательно сама пришить ленты, чужие руки могут принести несчастье.

— Я этого не знал.

Блэр и Шон обменивались этими сумбурными репликами и не сводили глаз друг с друга. Это был молчаливый поединок взглядов, когда каждый пытался узнать о своем собеседнике как можно больше.

Блэр рассмотрела, как непокорно растут его мягкие на вид волосы. Как усы чуть прикрывают верхнюю губу. И ямочка на подбородке становится последним штрихом в этом мужественном облике и напоминает восклицательный знак.

А Шон заметил, как нервно Блэр облизывает нижнюю губу. Как ее руки живут собственной жизнью, когда она жестикулирует. И какие длинные у нее ресницы. Когда Блэр прикрывает глаза, она становится похожей на куклу с огромными ресницами. Это так соблазнительно, но их обладательница этого даже не замечает.

— Вы проголодались?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что Блэр словно плюхнулась с небес на землю. Она оторвалась от разглядывания Шона и вернулась к теме разговора. Ей потребовалось время, чтобы прийти в себя и собраться с силами, словно она и вправду упала с большой высоты.

— Мистер Гэрит, — начала она. — Идея поужинать с вами у вас дома не кажется мне особенно удачной. Я высоко ценю ваше приглашение, но боюсь, что ваше гостеприимство...

— Словом, вы не хотите чувствовать себя обязанной кому бы то ни было, — закончил за нее Шон.

— Это так. И это, и еще...

— Вы боитесь, что поведу себя так же непредсказуемо, как и сегодня днем. И вы снова окажетесь в неприятном положении.

— Нет...

— Вы боитесь, что этого не случится?

— Да нет же! — Блэр буквально выкрикнула эти слова, она просто отчаялась. Синие пронизательные глаза заставляли ее нервничать. Их взгляд блуждал по ее телу, касался ее груди. Почему она не надела лифчик или дру-

гую, более свободную, футболку? — Я ничего не боюсь, — с нажимом сказала Блэр. — Но нельзя же вот так...

— Вас беспокоят слухи? Вы опасаетесь, что совместный ужин испортит и мне, и вам репутацию? Вы правы, но только в одном. В таком маленьком городке, как этот, всем друг о друге все известно. Но уверяю вас, я могу потерять куда больше, чем вы. Меня здесь знают, а вас нет. Если меня слухи не волнуют, то вам тем более нечего тревожиться.

— Я и не волнуюсь, — Блэр все-таки рассердилась и дала волю своему темпераменту. — Я взрослая женщина, мистер Гэрит, и я прожила одна много лет в Нью-Йорке. Я могу сама позаботиться о себе, и мне глубоко плевать на то, что подумают местные кумушки обо мне или моем поведении. — Она замолчала, чтобы перевести дыхание.

— Тогда нет никаких причин, мешающих вам поужинать со мной. Вы готовы?

— Вы что, не слышали ни одного моего слова?

— Я все слышал. Вы говорили очень горячо. Так вы готовы идти?

Блэр в отчаянии всплеснула руками, признавая свое поражение.

— Ладно, — рявкнула она, — я съем этот ваш ужин.

— Вот видите, как все просто? — Шон мило улыбнулся. — Идемте. — Он повел ее к двери.

— Минутку. Мне нужно причесаться.

— Нет, не нужно. Вы и так прелестны.

— Тогда позвольте мне хотя бы надеть туфли.

— Раз вы износили такое количество обуви, ваши ноги заслужили выходной. Идите босиком.

— Отлично. — Блэр поняла, что спорить с ним бесполезно. — Идемте.

— Одну секунду. Осталось еще кое-что.

Блэр недоуменно посмотрела на Гэрита.

— Надо выключить свет. Ведь это я плачу по счетам, вы не забыли? — Шон, казалось, говорил вполне серьезно.

Он выключил настольную лампу, и комната погрузилась во тьму. Слабый свет фонаря пробивался сквозь жалюзи. Блэр уже коснулась рукой дверной ручки, когда ощутила его руки на своих плечах. Шон мягко повер-

нул ее к себе. Сердце у нее готово было выскочить из груди, дыхание перехватило.

— Мы не закончили, Блэр.

— Не понимаю, что вы имеете в виду, мистер Гэр...

— Проклятие! Если вы еще раз назовете меня мистером Гэритом, мне придется напомнить вам, насколько мы с вами близко знакомы, — низким глухим голосом предупредил ее Шон.

Отсутствие света не мешало Блэр. Она отлично видела, как горят его глаза. Его теплое дыхание шевелило ее волосы. Пальцы Шона, обвившиеся вокруг ее запястий, казались бархатными цепями, крепкими и сильными, теплыми и нежными.

Она судорожно слотнула:

— Что мы не закончили, мистер Гэр... Шон?

— Вот это, — он обнял ее, притянул ближе к себе, прижимая к своему мощному, крепкому телу. — Господи, ты такая крошечная, что я чувствую себя соблазнителем малолетних, когда вот так тебя обнимаю, — прошептал он. Гэрит шевельнулся, и Блэр, к своему смущению, поняла, что Шону откуда-то

известно, как можно пробудить в ней желание. — Но я знаю, что ты женщина до мозга костей. Я могу обхватить твою талию пальцами, но она переходит в необыкновенно женственные бедра. — Его руки скользнули ниже, оглаживая ее тело. — У тебя маленькая грудь, но она твердая и округлая. Твое тело отвечает мне. Я видел, как могут реагировать твои соски, и теперь я ощущаю это. — Он вгляделся в ее лицо.

Блэр широко открыла глаза и не мигая смотрела на него. Ее губы приоткрылись от изумления. И она понимала, что у нее на лице написано, насколько она поражена тем, что происходит, что ее обнимает необыкновенно мужественный мужчина. И что самое удивительное, ей не хотелось, чтобы он ее отпустил.

— Ты такая маленькая, что я кажусь себе неуклюжим гигантом. Но я никогда не причиню тебе боли, Блэр. Я обещаю. Ты ведь скажешь мне, правда, если я сделаю тебе больно?

Она смогла только молча кивнуть. Его губы дразнили ее легкими поцелуями. Ее еще ни разу не целовал усатый мужчина, и это

необычное прикосновение пробудило в Блэр желание.

Но когда его рот стал более требовательным, а язык скользнул между ее зубами, Блэр воспротивилась.

— Блэр, — горячо прошептал Шон у ее губ. — Дай мне попробовать тебя. Открой рот.

— Нет, — воскликнула она.

— Да, — упрямо сказал Шон, и его губы прижались к губам Блэр. Он притянул ее еще ближе к себе. Блэр выгнулась, стараясь прижаться как можно плотнее к его телу, почувствовать всю силу его желания. Они оба только стонали от удовольствия. Ее руки легко взлетели вверх и обняли Шона за шею. Ее гибкое тело приникло к его мускулистому торсу.

Шон был воплощением нежности. Его язык легко касался уголков ее рта, и губы Блэр расслабились. Он действовал очень умело, настойчиво прокладывая себе дорогу. Язык Шона летал по ее губам, прикасался к зубам, потом скользнул внутрь, преодолевая последнее препятствие. Мягкими движениями он ласкал ее рот. Он поиграл с ее языком,

потом скользнул глубже. Это был не только поцелуй, это был акт любви.

Когда Шон наконец оторвался от нее, Блэр буквально упала ему на грудь. Его рука нежно гладила ее волосы, и Блэр показалось, что его пальцы чуть дрожат. Оба они дышали так, словно только что взобрались на высокую гору.

— Мне кажется, мы все делаем в обратном порядке, — пошутил Шон. Блэр щекой почувствовала, что он улыбается. — Мы перешли к сладкому, а ведь мы еще не поужинали.

3

Блэр так была поглощена собственными чувствами, ощущением вины за то, что ее тело ответило на ласку Шона, что избегала смотреть ему в глаза, пока они спускались по лестнице. Она боялась того момента, когда ей придется взглянуть на него при ярком свете в большом доме. Им оставалось только пересечь лужайку. Но в тот момент, когда она переступила через порог, ее смущение исчезло, уступив место восхищению. У Шона оказался прекрасный дом!

— Шон, — не удержалась от восклицания Блэр, — как здесь красиво!

— Тебе нравится? — спросил он, явно довольный ее реакцией.

— Нравится? Это явная недооценка.

Шон провел ее на затянутую сеткой веранду, уставленную плетеной мебелью и цветами в глиняных горшках. На выложенном плитками полу были разбросаны пухлые подушки. Ткань на чехлах и на сиденьях плетеных кресел была выдержана в сине-коричневой гамме.

— Когда я купил этот дом, веранда уже была, но она не была затянута сеткой. Мне показалось, что из нее получится отличная оранжерея. На зиму я закрываю проемы вот этими стеклянными рамами.

— Замечательно.

— Идем, посмотришь остальное.

Шон явно гордился своим домом, и эта гордость была оправданной. Когда они вошли в кухню, у Блэр буквально захватило дух. Она всегда жила в маленьких квартирках, и теперь просторное помещение поразило ее.

— Я переделал старую плиту, чтобы можно было пользоваться газом.

Большинство предметов кухонной утвари было из меди. Посуда прекрасно смотрелась на огромном стеллаже, который используют пекари, занимавшем целую стену. Его полки были заставлены посудой, поваренными книгами и цветами.

— Ты сам все здесь оформлял? — спросила Блэр восхищенно.

— Нет, на мне были только строительные работы. Когда я продаю дом клиентам, они уже сами потом приглашают декоратора. А с моим домом мне помог друг.

Блэр не могла не среагировать на эту реплику. Она вся внутренне сжалась. Кто этот «друг» с таким безупречным вкусом? Женщина или мужчина? А Шон тем временем показывал ей другие комнаты первого этажа. В столовой с окном-эркером стоял круглый стол, достойный этой комнаты. В гостиной Блэр увидела старинный мраморный камин европейской работы. Теперь она поняла, почему Шон заметил и оценил фотографии в ее квартире. Высокие стены в гостиной украшали фотографии различных кусков дерева разной формы и размера, на которых отлично

просматривалась текстура дерева. Это было гениальное смешение старого и нового.

Крошечная ванная комната была втиснута под массивную дубовую лестницу. На площадке лестницы одна стена была целиком стеклянная, и Блэр оставалось только предположить, что в солнечный день это смотрится просто изумительно. Ковры местного производства удачно сочетались с фактурой старинного паркета.

— На втором этаже три спальни и три ванные комнаты. Мы их посмотрим позже. Лично я просто умираю от голода, — объявил Шон, взял Блэр под руку и решительно направился на кухню.

Слова Шона о том, что спальни они посмотрят позже, все еще звучали в ушах Блэр, когда они вошли на кухню.

— Я надеюсь, что ты любишь курицу и канадский рис? — спросил ее Шон.

— Да, люблю. Тебе помочь?

— Все уже готово, но ты можешь заняться салатом и отнести его на стол, пока я достану вино.

— Хорошо.

Блэр вынула из холодильника большую

миску с салатом, потом взяла уксус и оливковое масло для заправки и щедро полила зеленые листья. Она отнесла миску в столовую, где уже был накрыт стол — китайский фарфор, льняные салфетки и свечи.

— Ты все приготовил сам? — спросила она Шона, когда тот принес внушительных размеров кастрюлю и поставил ее на серебряный треножник.

Он пожал плечами:

— Да. Но я не каждый вечер так выкладываюсь, ты же понимаешь. Обычно я съедаю сэндвич и запиваю его пивом, сидя на веранде, но сегодня особенный случай.

Пальцы Блэр нервно вцепились в спинку стула. Она не знала, надо ли ей реагировать на эти слова, но потом она решилась.

— Особенный случай? — переспросила Блэр.

— Мне так кажется. — Шон отодвинул стул и помог ей сесть. Блэр мысленно поблагодарила Шона. Ноги буквально не держали ее. Но Шон не спешил занять свое место за столом. Вместо этого он обнял ее, поцеловал в шею возле уха и негромко сказал:

— Совместные ужины могут войти у ме-

ня в привычку. — Его губы волнующе щекотали ее шею. Он поцеловал ее в ключицу, лаская нежную кожу языком. Потом Шон выпрямился, медленно провел пальцами за вырезом ее футболки и наконец сел на свое место.

Блэр пыталась прийти в себя, но мир уплывал у нее из-под ног. Она занялась салфеткой и долго разглаживала ее на коленях.

— Мне кажется, я недостаточно торжественно одета, — она спрятала босые ноги под стул. — Напрасно я послушалась твоего совета. Лучше уж я бы надела что-нибудь сногсшибательное.

— Ты одета как надо. Я просто пытаюсь произвести на тебя впечатление.

— Тебе это удалось. Где ты научился так накрывать на стол?

Он как раз выкладывал на ее тарелку рис и куриную грудку.

— Мне кажется, что я учился этому постепенно. Мои родители уделяли этому внимание. Всему, что я умею делать по дому, я научился у матери.

— Где живут твои родители?

— В Нью-Джерси.

Она передала ему корзинку с теплыми еще булочками, намазанными маслом, не забыв положить ароматный хлеб и себе.

— Чем занимается твой отец?

— Он на пенсии. — И Шон сразу же сменил тему, задав Блэр вопрос о ее семье. Они с удовольствием разговаривали и с удовольствием ели, и видно было, что им обоим оба этих занятия доставляют радость.

Когда Пэм впервые упомянула о Шоне Гэрите, Блэр представила себе малограмотного работягу, зарабатывающего себе на хлеб тяжелым физическим трудом. При первой же встрече ее мнение существенно изменилось. Когда Блэр увидела, как Шон отреставрировал дом, она поняла, почему дела его идут успешно. А во время разговора за ужином она узнала, насколько многочисленны и разнообразны его интересы. Шон Гэрит оказался человеком начитанным, образованным, умным и с чувством юмора.

Блэр наслаждалась беседой с ним и все-таки пыталась найти в этом человеке хоть какой-нибудь изъян, который оттолкнул бы ее, какой-нибудь тайный грех, который заставил бы ее удержаться от восхищения. Но ничего

такого не оказалось. Со всех точек зрения перед ней сидел самый привлекательный мужчина из всех, кого ей доводилось встречать. Шон Гэррит буквально разрушал все устои, на которых всегда строилась ее жизнь. Его улыбка вызывала у Блэр желание одновременно и убежать от Шона подальше, пока еще не стало слишком поздно, и остаться рядом с ним, чтобы греться в ее теплых лучах.

Она решительно отказалась от предложенного десерта.

— Я же теперь не работаю по шесть часов в день. Мне придется следить за калориями.

Но она согласилась выпить чашку кофе со взбитыми сливками. Шон предложил выпить кофе на веранде, и Блэр с готовностью согласилась. Свет они не зажигали, уселись в глубокие уютные кресла с подушками. Бриз с близкого океана долетал до них сквозь сетку. На дубах верещали сверчки, а гудящие вентиляторы над головой пели свою убаюкивающую мелодию.

Блэр села поглубже на один из диванчиков и поджала под себя ноги. Она отпила глоток крепкого горячего кофе.

— Тебе нравится? — спросил Шон.

Она улыбнулась и облизала губы:

— Мне очень нравится.

Мгновение он молча смотрел на нее, потом негромко спросил:

— Когда ты начала танцевать?

— В четыре года.

— В четыре?! — изумился Шон.

Блэр рассмеялась:

— Именно тогда мама записала меня в танцевальный класс. На первом концерте я исполняла роль бело-розового кекса.

Шон фыркнул.

Как ему удалось вложить в простой смех столько сексуального подтекста, Блэр понять не могла. Ей не нравилось, что в темноте веранды, где метались тени от вентиляторов, она не может уловить его взгляд. Она быстро заговорила, продолжая свой рассказ:

— И с тех пор я все время танцевала. Это больше, чем карьера. Это жизнь, но меня сможет понять только тот, кто сам танцует. Для нас для всех танец — это пицца, сон, воздух. Мы можем обойтись без чего угодно, только бы заплатить за занятия. Когда мы не участвуем в шоу, мы работаем официантами, делаем все, что придется, только бы зарабо-

тать на жизнь. Но мы никогда не приносим в жертву свои занятия танцами. Если кто-то получает травму, он не меняет профессию и ждет лучших времен. Мы ведем кочевой образ жизни. Именно поэтому нас называют перекаати-поле. Мы все носим с собой в больших сумках пропахшие потом трико, заштопанные чулки, изношенные туфли, теплые гетры, притирки, мази, лосьоны — все, что нужно танцорам.

— Но ты же добилась успеха! Пэм рассказывала мне, что ты участвовала во многих шоу, практически никогда не оставалась без работы.

— Мне и вправду везло.

— Черта с два тебе везло. Ты просто хорошо танцуешь. В этом все дело.

Блэр улыбнулась:

— Я хорошо танцую, но мечтаю танцевать еще лучше.

— Неужели тебе никогда не хотелось расстаться с кордебалетом и стать звездой? — спросил Шон.

— Если бы ты услышал, как я пою, ты бы понял, что это иллюзия. Я не могу даже делать вид, что пою. Я годами брала уроки пе-

ния и актерского мастерства, и мне пришлось признать всю тщетность моих попыток стать звездой. И как ни странно, я не особенно тогда расстроилась. Мне ведь не успех и не слава нужны, я просто больше всего на свете люблю танцевать. Мне хватало и того, что я была первой танцовщицей после Лайзы Минелли и произносила на сцене какие-то слова вроде: «Вот это супер», и тому подобные реплики из диалога.

— Ты заслужила награду, — со смехом заметил Шон. Но его глаза оставались серьезными. Он сосредоточенно крутил в руках чашку с недопитым кофе и вдруг безо всякого перехода спросил:

— Ты все время была на людях — репетиции, выступления. Но ведь ты же когда-то оставалась одна... Был ли кто-то у тебя, ты жила с каким-нибудь мужчиной достаточно долго?

Блэр молчала. Покажется ли ему год достаточно долгим сроком? Этот год разбил ей сердце. Радостных моментов в ту пору было немного, но они стоили того, чтобы заплатить за них такую цену. Она понимала, что хочет узнать о ней Шон. Его интересовало не

только то, жила ли Блэр с мужчиной и были вообще мужчины в ее жизни. Гораздо больше ему хотелось знать, значил ли что-нибудь этот мужчина в ее жизни. И значит ли он что-нибудь сегодня?

— Да, — честно ответила она. — Я какое-то время жила с мужчиной. Его звали Коул Слэйтер. Но это было давно — несколько лет назад.

— И что? — задал вопрос Шон, когда Блэр замолчала.

— Ничего. И с тех пор я жила одна.

— Вот как! Ну что ж, понимаю.

Он, разумеется, ничего не понял, но Блэр не стала вдаваться в подробности.

— Я помогу тебе помыть посуду, — Блэр решила прекратить этот нелегкий для нее разговор. Ей не хотелось и сегодня уходить в прошлое, в свои воспоминания. Она встала и взяла свои чашку и блюдце, которые оставила на стеклянной столешнице плетеного стола.

— Так и быть, я согласен принять вашу помощь, мисс, — шутливо откликнулся Шон, направляясь следом за ней на кухню.

Они сошлись на том, что Блэр очистит тарелки и сложит их в посудомоечную ма-

шину, а Шон потом расставит все по местам, ибо только ему одному известно, где что должно стоять. Блэр аккуратно сложила посудное полотенце, когда Шон подошел к ней сзади, обнял за талию и прижал к себе. Его мягкие усы щекотали ей шею.

— Раз уж наши репутации разлетелись в пух и прах, почему бы нам не дать сплетницам отличную возможность вдоволь посудачить? — Он мягко прикусил мочку ее уха, его язык играл с ней.

Блэр смогла только выдохнуть его имя:

— Шон...

— Да? — Его руки скользнули вверх и мягко обхватили ее груди. Он воспринял ее неразборчивое бормотание как знак одобрения и нежно сжал ладони. — О господи, Блэр, ты еще прекраснее, чем я думал... У тебя такая удивительная, упругая грудь... — Он целовал ее шею, а пальцы скользили по хлопковой ткани футболки, которая не смогла скрыть напряженных сосков Блэр. — Да, да, — хрипло прошептал Шон.

И только тут Блэр поняла, что совершенно неосознанно двигает бедрами и что Шона не нужно больше подбадривать. Она отчетли-

во ощутила его возбуждение. Потрясенная собственным поведением, Блэр попыталась вырваться из кольца его рук, но пальцы Шона скользнули вниз. Сначала пуговица, потом «молния» на джинсах, и вот пальцы Шона уже ласкают ее живот. И эти пальцы оказались достаточно наглыми, чтобы спуститься еще ниже и затеять игру с тоненькой резинкой на ее крошечных трусиках. Когда его рука преодолела и эту демаркационную линию, в голове Блэр прозвучал сигнал тревоги, пробившийся сквозь туман страсти. Она вырвалась и повернулась лицом к Шону. Ее глаза были широко открыты, а губы дрожали, и она никак не могла унять эту предательскую дрожь. Блэр смотрела на него словно испуганная лань.

— Нет, Шон. — Волосы взметнулись вокруг ее лица, когда она отчаянно замотала головой.

— Почему? — Он изо всех сил пытался унять прерывистое дыхание. Зрачки его глаз расширились, расплылись, почти совсем закрывая синюю радужку.

— Почему? — повторила Блэр на выдохе. — Потому что мы только сегодня позна-

комились и я пришла к тебе в дом исключительно ради ужина.

— Ну и что? Какое это имеет значение? С той самой секунды, как я тебя увидел, я понял, что хочу тебя. И признаешься ты в этом или нет, но ты тоже хочешь меня.

— Это неправда, — воскликнула Блэр, торопливо застегивая джинсы и заправляя в них футболку. Ей очень хотелось прикрыть грудь руками, чтобы спрятать выдающиеся ее желание соски от его пронизательных глаз. Ей так хотелось, чтобы возбуждение отпустило ее. Но тело отказывалось ей подчиняться. Ее тело, столь послушное, всегда повинующееся приказам мозга, вдруг взбунтовалось. Оно предало ее, дрожа от воспоминаний о прикосновениях Шона, о его ласках, голодное, жаждущее продолжения.

Собравшись с силами, Блэр горячо заговорила:

— Я ни одной минуты не скрывала, что намереваюсь пробыть здесь только какое-то время. У меня нет ни времени, ни желания заводить с кем-либо роман.

— Ах вот как... — Шон произнес эти три коротких слова сквозь зубы. Он долго стоял и

мрачно смотрел на нее. Блэр интуитивно понимала, что при всем его воспитании Шон Гэрит человек сильного темперамента и с ним опасно вступать в противостояние. И теперь в его глазах бушевал уже не огонь страсти, а пламя гнева.

Но его ярость только подстегнула Блэр. Разве она не имеет права сказать «нет»? Неужели он считает, что может делать с ней все, что угодно, приспособившая ее к своим желаниям? Кто она для него — бесхребетная дамочка, самка, жаждущая его внимания? Блэр достаточно наслушалась от счастливой в браке Пэм Дельгадо о его мужской привлекательности, так почему ее теперь удивляет самонадеянность Шона? Не может же он не отдавать себе отчета в том, какое впечатление он производит на женщин? Что ж, на этот раз ему придется выслушать не слова восхищения, а короткое слово «нет».

Упрямо вздернув подбородок, Блэр сказала:

— Это все инстинкты. Я не хочу ложиться с вами в постель, мистер Гэрит. — Она резко развернулась, словно подводя черту, и

направилась к выходу. Шон догнал ее у задней двери.

Прежде чем Блэр успела открыть рот, он подхватил ее на руки.

— Что ты делаешь? — возмущенно изумилась она, когда Шон открыл дверь и вступил на зеленую лужайку.

— Пока я здесь, тебе незачем карабкаться по этой лестнице. Возможно, ты не считаешь, что тебе кто-то нужен, и я знаю, что ты никогда не попросишь о помощи, но я по меньшей мере могу избавить твои бедные ноги от лишней нагрузки.

Он без малейшего напряжения буквально взлетел вместе с ней по лестнице и опустил ее на ноги на верхней ступеньке. Блэр постаралась произнести с достоинством, на которое только оказалась способна:

— Благодарю за прекрасный ужин. — И добавила мужественно: — Все было чудесно!

Не успело последнее слово слететь с ее губ, как Шон уже страстно, отчаянно целовал ее. Стальные руки обняли ее, крепко прижимая к полному страсти телу. Блэр оказалась не готова к такому натиску и не смогла вос-

противиться, когда его язык проскользнул в ее рот.

И вдруг, как после стремительной летней грозы, — все переменилось. Руки уже не казались жесткими, они стали нежными, а язык медленно, неторопливо совершал набег на ее рот. Блэр почти перестала дышать.

Не чувствуя сопротивления, пальцы Шо-на скользнули со спины на грудь и нежно обхватили ее. Большой палец очертил медленный полукруг, и Блэр услышала собственный страстный стон. Он втянул ее язык в свой рот и начал нежно посасывать его, а пальцы Шо-на превратили ее соски в твердые камешки, жаждущие прикосновения. Сладкая пытка продолжалась до тех пор, пока Блэр не охватило слепое желание. Ни о чем больше не думая, она прижалась к его телу, страстно желая заполнить пустоту, образовавшуюся в самых глубинах ее естества.

Блэр покачнулась словно пьяная, как только Шон отпустил ее. Если бы его руки не придерживали ее за плечи, она бы просто скатилась с лестницы. На его лице больше не было улыбки, а только упрямая решимость:

— Черта с два вы не хотите лечь со мной в постель, мисс Симпсон.

Эти слова Шона звучали в ушах Блэр и два дня спустя. На следующий день после памятного ужина она просто не выходила из своей квартиры, чтобы не встретить Шона во дворе. Пэм одолжила ей машину на неопределенный срок, но Блэр просто некуда было поехать. Приведя в порядок квартиру настолько, что сама осталась довольна, она проводила дни так, как ей советовал доктор. Она лежала на диване, подняв ноги повыше. Блэр читала, посмотрела два старых фильма по переносному телевизору, который она привезла с собой, ела, когда чувствовала, что проголодалась, и дремала.

Она слышала, когда грузовик Шона проезжал под окнами, но ни разу не позволила себе подойти к окну, чтобы посмотреть на него. А когда ближе к вечеру Гэррит выехал со двора на своем «Мерседесе», ей оставалось только гадать, куда он едет и с кем. Но Шон не вернулся к тому времени, когда Блэр собралась лечь спать, и она вдруг поняла, что сердится. Блэр сердилась и на него — за то, что еще не вернулся домой, и на себя — за то, что ей не все равно, где и с кем находится Шон.

На второе утро после совместного ужина в доме Шона она проснулась страшно недовольная собой. Как она могла позволить такому человеку, как Шон Гэрит, командовать ею? Ей здесь жить почти полгода. Несмотря на ее угрозы переехать, Блэр знала, что этого не сделает. Такую квартиру найти нелегко. И потом почему проблемы с домовладельцем должны заставлять ее сниматься с места? И не собирается она больше все время высматривать, нет ли его поблизости! Блэр будет жить как взрослая самостоятельная женщина. Именно такой она и была до встречи с Шоном Гэритом. Ей необходимо изменить свое поведение, и немедленно.

Блэр убрала постель, прошла на кухню и наклонилась, чтобы взять чайник, стоявший внизу в шкафчике. Несколько элементарных движений, и Блэр поняла, что после двух дней лежания мышцы стали вялыми, а связки жесткими.

Облачившись в черное трико, балетные тапочки и не забыв о паре синих шерстяных чулок для разогрева мышц, Блэр выбрала место у окна. Она специально оставила его свободным от мебели. Медленно и методично

она принялась выполнять упражнение на растягивание мышц. Блэр как раз выполняла вторую серию плие, когда услышала шаги на лестнице. Спустя мгновение в дверь постучали.

Блэр не сомневалась, что увидит перед собой Шона, но на пороге стоял монтер из телефонной компании.

— Мисс Симпсон?

— Да, это я. Входите, пожалуйста.

Блэр сделала шаг в сторону, пропуская мужчину. Он нес моток телефонного шнура и прямоугольную коробку.

— Один телефон, кнопочный, цвет слоновой кости, — прочитал он на бланке заказа. Монтер оказался еще совсем молодым человеком, едва за двадцать, с длинными волосами и смеющимися глазами.

— Все верно.

— Где вы хотите, чтобы он стоял?

Блэр указала на низкий столик у дивана.

— Я думаю, вот здесь.

Монтер критически осмотрел выбранное место.

— Полагаю, что все получится. Я могу поставить розетку под окном, а шнур протяну

под ковром, чтобы вы об него не спотыкались. Так подойдет?

— Просто отлично.

Парень занялся делом. Ему пришлось несколько раз ходить к своему грузовичку, и Блэр предложила:

— Почему бы вам не оставить дверь открытой? Так вы сможете войти даже с полными руками.

— Спасибо, — поблагодарил он.

Совершенно не задумываясь о том, как она выглядит, и помня только то, что ей нельзя слишком быстро остывать, Блэр накинула на себя рубашку и завязала ее узлом на талии. Она не стала ее застегивать и закатала до локтей рукава. Она пошла на кухню заварить чай, а монтер тем временем рассказывал ей, что учится в университете Нью-Йорка и подрабатывает установкой телефонов только в летние месяцы. Он получит диплом по маркетингу.

К тому моменту, как закипел чайник, монтер уже закончил с установкой телефона.

— Не хотите ли выпить чаю? — гостеприимно предложила Блэр.

Он мотнул головой:

— А колы не найдется?

Блэр рассмеялась.

— Сейчас будет. — Она наполнила стакан, бросила несколько кубиков льда и протянула парню. Тот выпил все одним глотком.

— Вы танцуете? — спросил он, глядя на ее балетные туфли.

— Да, я профессиональная танцовщица.

— Шутите! А как насчет того, чтобы показать мне пару па?

— А как насчет того, чтобы ты сию секунду убрался отсюда?

Они оба повернулись и увидели Шона, разглядывающего провинившихся свирепым взглядом. Парень не стал испытывать терпение пришедшего и пролепетал:

— Я... Я как раз... собирался уходить.

— Мы вас не задерживаем.

Монтер поставил стакан на стол, но тот опрокинулся, и кубики льда высыпались на столешницу. Он торопливо поставил стакан, закинул туда тающий лед и нервным жестом протер рукавом джинсовой куртки стол. Он попятился и принялся собирать инструменты.

Блэр была так разъярена, что с большим трудом смогла спокойно произнести:

— Спасибо, что поставили мне телефон.

— Не за что. Если у вас будут проблемы, только позвоните, мисс. — Он опасливо покосился на Шона и поправился: — Звоните нам. — Парень прошел мимо возвышающегося в дверях Гэрита и торопливо сбежал по ступенькам, явно довольный, что остался в живых. Шон с грохотом захлопнул за ним дверь.

Уперев руки в бока, Блэр гневно взглянула на него:

— Что ж, надеюсь, что ты доволен. Ну как же, до смерти напутал ни в чем не повинного мальчишку.

— Мальчишка он, как же! Откуда ты знаешь, что он безобиден? Разве я не предупреждал тебя, чтобы ты не открывала дверь незнакомым, когда больше никого нет поблизости?

— Мать предупреждала меня об этом с тех пор, как мне исполнилось шесть. И я совершенно не нуждаюсь в твоих нравоучениях. Кроме того, это не «незнакомый», как ты изволил выразиться. Я знала, что он из теле-

фонной компании. Мне достаточно было взглянуть на его фургон с яркими синими и желтыми полосами на боку. — Блэр буквально кричала, давая волю своему гневу, копившемуся с того вечера, как Шон поцеловал ее на пороге ее квартиры.

Но и он не собирался говорить тихо:

— Парень и в самом деле мог быть совершенно безобидным, но своим видом ты сумела бы соблазнить и святого. Ты хотя бы видела себя в зеркале? Или ты настолько привыкла разгуливать в подобном виде, что даже не соображаешь, как это действует на окружающих?

Совершенно сбитая с толку, Блэр осмотрела себя и, подняв на Шона глаза, ответила:

— Видишь ли, это моя рабочая одежда. И я не разгуливала, а разминалась, когда он приехал. И я в самом деле привыкла носить трико.

— Разумеется, ты не подозреваешь, как эти шерстяные штуки...

— Гетры.

— ...как эти гетры смотрятся на твоей фигуре, — в голосе Шона слышался неприкрытый сарказм. — Разумеется, это чистой

воды совпадение, что они как раз заходят за колено и заставляют обратить внимание на твои бедра. И я уж не говорю о том, что твое трико вырезано настолько глубоко, что вообще не было смысла надевать что-либо. Ну, конечно, я абсолютно уверен, что наш малыш не обратил на это никакого внимания, когда ты открыла ему дверь в таком виде. — Шон говорил, а сам медленно приближался к Блэр, пока не оказался от нее на расстоянии вытянутой руки.

— Если быть совершенно честной, — отрывнулась в ответ Блэр, — то, когда он пришел, я была одета несколько иначе. — Она с досадой развязала узел рубашки, и та свободно повисла на ее плечах. — Этой рубашки на мне не было. — Блэр скинула ее на пол, и Шон увидел глубокий вырез и тонкие бретельки ее костюма для разминки.

Он не мог оторвать глаз от ее груди под тонкой черной тканью трико, облежавшей фигуру как вторая кожа. Ему вдруг стало не хватать воздуха. Неожиданно его рука взлетела и легла Блэр на шею. Он притянул ее к себе таким быстрым и резким движением, что Блэр буквально впечаталась в него.

Она безуспешно молотила кулачками по его груди, пока Шон целовал ее. Другой рукой он обхватил ее за талию, оторвал от пола и понес к дивану. Опершись коленом о подушки, он уложил Блэр и сам лег рядом. Одной ногой Шон прижал ее ноги, пока его руки не давали ей увернуться от его поцелуев.

И хотя Блэр отчаянно пыталась вырваться, Гэррит сдержал свое обещание. Он не сделал ей больно.

Соппротивление Блэр начало ослабевать, и напор Шона несколько утих. Он словно дразнил языком ее губы, и Блэр уступила своему желанию. Одной рукой он ласково касался ее щеки, а другая благоговейно коснулась ее груди.

— Я стал ревнивым маньяком, Блэр, — прошептал Шон. — Я не хочу, чтобы другие мужчины смотрели на тебя. — Его руки стянули с плеч бретельки трико, и он с наслаждением прикоснулся к обнаженной груди.

— Нет, — возмущенно выдохнула Блэр. — Ты не имеешь пра... гово... — И она застонала. Но уже по другой причине. Шон будет разочарован. Ведь балерины все плоскогрудые.

— Мой бог, — негромко произнес Шон.

Блэр открыла глаза и увидела, как он очень внимательно рассматривает ее грудь. — Какой же у тебя потрясающий цвет кожи, Блэр. Просто удивительный, словно дорогой фарфор. — Его светловолосая голова склонилась к ее соску. Ей на мгновение показалось, что его ласки только плод ее воображения, но тут она ощутила дуновение его дыхания на своей коже. — Такая нежная и сладкая, — пробормотал Шон.

— Нет, Шон, не надо, пожалуйста...

— Почему? Объясни мне, почему не надо? — Его язык не отрывался от груди Блэр, пока она не уступила бархатной ласке его рта.

Ее пальцы скользнули в золотистые волосы и не давали ему оторваться от нее. Он обращался с ней так нежно, что Блэр захотелось заплакать.

— Потому... потому что... для этого... в моей жизни... нет места.

Шон приподнялся на локте, чтобы посмотреть на нее. Его взгляд показался Блэр лучом лазера.

— Ты не хочешь, чтобы кто-то или что-то помешало твоей карьере, так?

— Да, — резко бросила она, не зная, впрочем, чем вызвана такая буря эмоций — тем, что ей хочется, чтобы Шон принял этот ответ, или тем, что его рот оторвался от ее груди.

— Когда твои ноги перестанут болеть, ты вернешься на сцену и тебя ничто не остановит, так?

— Да.

— Ты не хочешь строить свою жизнь здесь.

— Не хочу.

— И тебе никто не нужен. Ты отказываешься вот от этого? — Шон сделал только одно движение, но оно ясно выражало смысл вопроса. Тонкая ткань трико была не слишком мощной преградой на пути его возбужденного члена.

— Да.

— Тебе это не нужно. — Он еще теснее прижался к ней.

— Нет, — почти прорыдала Блэр.

— Ты просто маленькая лгунья. Ты так хочешь меня, что даже испытываешь боль.

Его колено раздвинуло ноги Блэр, он лег

на нее сверху, словно защищая от всего и ото всех на свете.

— Тебе больно, Блэр. Позволь мне вылечить тебя, — страстно прошептал Шон. Вопреки ее протестам, ее тело жаждало этого мужчину, и они прильнули друг к другу.

И тут же услышали быстрый стук в дверь.

— Шшш, — прошипел Шон ей на ухо. — Прошу тебя, не отвечай. — Он даже зажмурился, как будто желая отгородиться от непрошеного гостя. Его лицо исказилось, словно от боли.

— Тетя Блэр, это я, Эндрю, — позвал высокий детский голос. — Тетя Блэр, вы дома?

4

Шон очень низко опустил голову и тяжело вздохнул. Медленно, нехотя он встал, освобождая Блэр.

— Тетя Блэр!

— Я иду, Эндрю, — откликнулась она и дрожащими пальцами постаралась натянуть на плечи лямки тренировочного трико. Блэр избегала смотреть на Шона. Она спустила

ноги с дивана и торопливо направилась к двери.

— Привет! — с фальшивой жизнерадостностью поздоровалась она, широко распахивая дверь.

— Вы были в ванной или что? — с детской непосредственностью поинтересовался Эндрю.

— Гм, нет. Мы с Шоном опробовали мой новый телефон. Напомни, чтобы я записала тебе номер для твоей мамы.

При упоминании имени его героя темные глаза мальчика обежали комнату.

— Привет, Шон, — жизнерадостно выпалил он и ринулся мимо Блэр в комнату.

— Привет, дружище! — Шон протянул руку, и мальчик с удовольствием хлопнул по ней растопыренной пятерней.

— Как ты сюда попал? — спросила Блэр.

— Я пришел пешком, — гордо ответил сын Пэм. — Я знаю, где можно срезать путь. Мама меня послала сказать вам обоим, что устраивает вечеринку сегодня вечером. Ну, на самом деле это не совсем вечеринка, просто к нам придут люди поесть стейков. В любом случае вас обоих ждут к восьми часам.

Мама сказала, что вы можете сэкономить бензин и приехать на одной машине.

— Здорово придумала твоя мама, — подал голос Шон.

— Я не знаю, — одновременно с ним произнесла Блэр.

Она бы с удовольствием расцеловала паренька за то, что тот предотвратил своим появлением неминуемую катастрофу. Какой бес в нее вселился? Почему она позволила Шону зайти так далеко? Его руки, губы заставили ее открыть в себе самой нечто такое, о чем она даже не подозревала. Его прикосновения кружили ей голову, лишали разума и воли, и все-таки Блэр каждый раз на них отвечала. В его присутствии Блэр теряла контроль над собой, и это ее пугало.

Когда Шон впервые поцеловал Блэр, ее сразил напор его поцелуя, поразила реакция собственного тела. Завораживающая власть его губ, вторжение его языка в ее рот — все это было для нее ошеломительным, даже пугающим. Она целовалась множество раз, но никогда мужчина не обладал над ней такой властью. Раньше Блэр всегда чувствовала некую отстраненность и лишь позволяла муж-

чине утолять его желание, непонятное для нее. Но теперь Блэр как будто прозрела. То, что казалось ей невысказанным еще несколько дней назад, вдруг стало необходимым. Она хотела, чтобы Шон прикасался к ней, делал ей признания. И в то же время Блэр понимала, насколько отношения с Шоном осложняют ее жизнь, нарушат ее привычное течение. И все же каждый его поцелуй порождал в ней острейшее желание, грозившее разрушить устои ее жизни.

Но еще более пугающим и опасным, чем ее собственная покорность, было его собственническое отношение к ней. Кто дал Шону Гэриту право следить за ней, указывать, кого она может, а кого не может приглашать к себе в квартиру, что ей следует, а чего не следует носить? Она прожила тридцать лет без его покровительства, и, с точки зрения Блэр, прожила вполне нормально, и уж как-нибудь обойдется без опеки и следующие тридцать лет.

После того, что случилось между ними только что, Блэр даже подумать не могла о том, чтобы провести в его обществе целый вечер.

— Я ужасно устала, Эндрю. Этим утром у меня очень болели ноги. Я уверена, что вы отлично обойдетесь без меня.

Эндрю развернулся к ней. Его глазенки горели под длинной челкой, явно нуждающейся в стрижке.

— Вы обязательно должны прийти, тетя Блэр. Мама сказала, что устраивает вечеринку для того, чтобы познакомить вас с остальными.

— Точно, Блэр, ты должна пойти, — насмешливо повторил за мальчиком Шон.

Она прочла вызов в его глазах. Его улыбка была откровенно похотливой, наглой. Если Блэр откажется от приглашения, Шон расценит это как трусость и будет абсолютно прав. Она одарила его вялой улыбкой.

— Хорошо, Эндрю, — Блэр с трудом сдерживалась. — Скажи маме, что я приду, и поблагодари ее за приглашение.

— Супер! Мама сказала нам с Мэнди, что мы можем лечь спать в половине девятого, если только не будем мешаться под ногами.

— Ты знаешь, малыш, мне на сегодня понадобится помощник, — серьезно обратился к Эндрю Шон. — Я работаю в доме на берегу. Ты не хотел бы заработать пару долларов?

— Вот здорово, Шон, конечно, хочу!

Мужчина улыбнулся:

— Позвони маме и скажи ей, где ты будешь. Задняя дверь открыта. Встретимся с тобой в кухне. Нам понадобится термос с холодной водой. Сегодня так жарко.

— Хорошо. Вечером увидимся, тетя Блэр,— и с этими словами Эндрю вылетел из комнаты и возбужденно затопал вниз по ступенькам.

Шон выждал минуту и повернулся к Блэр.

— У тебя на самом деле болят ноги? — В его голосе звучала искренняя обеспокоенность.

Приготовившаяся к сражению, заранее ожидавшая услышать его командный тон, Блэр опять оказалась беззащитной перед его заботой. Она пожала плечами:

— Немного.

— Может быть, тебе следовало бы показаться доктору?

— Нет, — резко бросила Блэр. Потом подумав, что она ведет себя слишком грубо, сменила тон: — Я вчера почти ничего не делала. Мне просто надо немного потренироваться.

— А я думал, что тебе надо хорошенько отдохнуть.

— Я, кажется, не спрашивала твоего мнения, верно? И то, что ты думаешь, меня совершенно не интересует.

— Разве?

— Да, не ин-те-ре-су-ет. — Ее грудь вздымалась от все нарастающего раздражения. Блэр злилась на Шона, потому что тот почему-то всегда оказывается правым, и злилась на себя за то, что все время пытается обороняться.

— То, что случилось здесь, — она нетерпеливым жестом указала на диван, — было ошибкой и не должно никогда больше повториться. И это, вне всякого сомнения, не дает тебе никакого права вмешиваться в мою жизнь.

— Я не вмешиваюсь, я просто проявляю заботу.

— Что ж, твоя забота мне тоже не нужна.

— Да-да, я помню. Тебе вообще никто не нужен.

— Я рада, что до тебя наконец дошло. Теперь ты можешь прекратить кудахтать надо мной все время.

— Тебе не нравится мое общество? Я тебя раздражаю?

— Оно меня не слишком привлекает, честно говоря. Ты чересчур властный, а мне не нравятся агрессивные мужчины.

— Значит, тебе не нравится, когда я тебя целую?

— Нет.

— Тебе не нравится, когда я тебя ласкаю?

— Нет, — крикнула Блэр, надеясь, что ее пронзительный голос прекратит поток вопросов Шона, которые он задавал так вкрадчиво, так трогательно.

— И когда я прикасаюсь к твоей груди и целую ее, ты тоже не испытываешь удовольствия?

— Нет!

— Какая же ты лгунья, Блэр!

И Шон был совершенно прав. Даже теперь ее тело дрожало при воспоминании о его прикосновении. Ей так хотелось вновь ощутить шелк его усов на своей коже. Но черт ее побери, Шону она ни словом об этом не обмолвится. Блэр смотрела на него и старалась изгнать чувственные образы из своих

мыслей. Ей казалось, что от гнева ее пронизывают электрические разряды. И снова Шон ее переиграл. Он соображал куда быстрее, чем она.

— Расслабься, Блэр. Я никогда в жизни не навязывался ни одной женщине. Если мои ласки внушают тебе отвращение, я никогда больше к тебе не прикаснусь. Но я не понимаю, почему мы не можем оставаться друзьями. Я заеду за тобой около восьми. А пока, как твой друг, я посоветовал бы тебе отдохнуть.

Они шли по дорожке к дому Дельгадо. До них доносились шум голосов и громкий смех.

— Судя по всему, вечеринка уже в самом разгаре, — заметил Шон.

— Так и есть, ты прав.

Гэрит, как и обещал, остановил машину у ее дверей за несколько минут до восьми. Блэр была уже готова, только не успела надеть драгоценности. Шон подождал у двери, пока она не вдела в уши жемчужные сережки и не подушилась.

Блэр не смогла бы придрататься к его ма-

нерам, даже если бы захотела. Шона не в чем было упрекнуть. Поймав его отражение в зеркале, Блэр увидела, что он и не думает на нее смотреть, а бездумно вертит медную дверную ручку.

— Она сломана?! — удивился Шон. — Напомни мне ее починить. — И тем же бесстрастным голосом он добавил: — Очень милое платье!

— Спасибо. — Белое платье из шитья застегивалось у шеи, оставляя спину открытой, плотно облегало грудь и талию, а ниже распускалось колокольчиком, закрывая ноги чуть ниже колен. К нему Блэр надела босоножки из золотых ремешков, застегивающиеся вокруг щиколотки. И тонкая золотистая полоска кожи, обвившаяся вокруг ноги, и длина платья как нельзя лучше подчеркивали изящество и стройность ее ног.

Когда они спускались, пальцы Шона легко коснулись ее обнаженной спины — он лишь хотел поддержать ее на лестнице. Он подвел ее к своему «Мерседесу», оживленно рассказывая о том, как Эндрю бежал по пляжу с мешком гвоздей. Он оступился, гвозди разлетелись в разные стороны, и им с Шоном

пришлось потом полчаса выбирать гвозди из песка и пересчитывать, чтобы ни один не потерялся.

— Я надеюсь, что мы собрали их все и никто не наступит на гвоздь босой пяткой, — закончил Шон свое повествование.

Блэр рассмеялась и ответила:

— Я тоже на это надеюсь. Ну как, заслужил Эндрю тот доллар, что ты ему заплатил?

— Мне пришлось заплатить маленькому хитрецу два доллара. Что ты хочешь? Инфляция.

К тому времени, как машина остановилась у дома Дельгадо, Блэр совсем расслабилась. Шон явно старался выполнять ее просьбу. Он вел себя как добрый друг, а не как возможный любовник.

Пэм приветствовала их с искренней радостью и крепко обняла обоих.

— Прибыла наша почетная гостья, — возвестила она собравшимся, сосредоточившимся вокруг подносов с закуской.

К Шону и Блэр двинулись люди, желавшие непременно познакомиться с лучшей подружкой Пэм, которую многие из них считали знаменитостью. Когда Блэр узнала, каки-

ми красками Пэм расписала ее успешную карьеру, значительно приукрасив ее, она бросила на подругу красноречивый взгляд, говоривший: «Ушам своим не верю». Но Блэр заметила, что и Шона приветствовали с не меньшим энтузиазмом. Женщины улыбались, мужчины держались с ним почтительно.

Среди всей этой суматохи Блэр нашла время поцеловать всех маленьких Дельгадо, одетых в пижамки, когда он или она отправлялись спать, повинувшись суровому приказанию матери.

— Ох уж эти дети! — воскликнула Пэм, когда последняя крошечная фигурка исчезла в коридоре. — Иногда я подумываю о воздержании.

И тут к ней подошел Джо Дельгадо со своей неизменной улыбкой на губах и в огромном фартуке с надписью «Шеф-повар — мастер на все руки». Он обнял жену за объемистую талию. И она тут же сменила гнев на милость:

— Ну не совсем о полном воздержании... — Пэм красноречиво подмигнула Блэр. Обе женщины рассмеялись.

— Я что-то пропустил? — добродушно

поинтересовался Джо. Он поздоровался с Блэр и чмокнул ее в щеку, потом обменялся крепким рукопожатием с Шоном. Дельгадо был полной противоположностью своей жене. Джо был мускулистым и гибким настолько, насколько Пэм была пухлой и мягкой. — Комната получается просто отлично, Шон. Мы не можем дождаться.

— Какая комната? — Теперь Блэр показалось, что она что-то пропустила.

— Шон пристраивает игровую комнату в задней части дома. Разве я тебе не говорила? — спросила Пэм.

— Не говорила, — Блэр посмотрела на Шона. Он стоял очень близко, но так, чтобы не искушать ее своей близостью.

— Мы никак не можем дождаться окончания строительства. Я тебе потом все покажу. А пока тебя ждут десяток человек, жаждущих с тобой познакомиться.

И на Блэр обрушились многочисленные вопросы. Приходилось ли ей танцевать в спектаклях с Барышниковым? Не слишком ли рано в десять лет начинать танцевать на пуантах? Придерживается ли она специальной диеты, чтобы оставаться такой худень-

кой? И все-таки сколько она весит? А правда, что когда-то они вместе с Пэм занимались у самой Джульетт Поуз? У нее настоящие ногти или накладные? Не хотелось бы ей проводить отбор претендентов на участие в шоу «Мы ищем таланты» на телевидении?

На этом вопросе Блэр сломалась и вежливо пообещала обдумать это предложение. Она чуть не подпрыгнула, когда чья-то тяжелая рука легла ей на плечо.

— Что тебе принести выпить? — спросил ее Шон.

Инстинктивно она на какое-то мгновение прижалась к высокому крепкому человеку, стоящему позади нее. Ее обнаженная спина коснулась его мягкой хлопковой рубашки. Блэр даже не сообразила, что нарочно склонила голову набок, только бы его шелковистые усы коснулись ее уха.

— Белое вино со льдом, — ответила она, стараясь внимательно слушать леди с местной телестанции, которая захлеб расхваливала свое шоу. Стоило Шону оторвать руки от ее плеч, как Блэр ощутила настоящий озноб.

Спустя секунду Гэрит вернулся с бока-

лом ледяного игристого вина. Бодрая трескотня женщины не прекращалась ни на мгновение.

— Блэр, мне кажется, тебя искала Пэм. Она на кухне.

— Прошу прощения, — извинилась Блэр, отходя от назойливой собеседницы. — Спасибо, — поблагодарила она Шона негромко.

— От болтовни этой леди завяли бы уши даже у каменного изваяния, — прошептал Шон ей на ухо. — Несколько лет назад она проделала то же самое со мной. Раз я ирландец, то, по ее мнению, мне просто было необходимо спеть в ее шоу песенку «Дэнни-паренек».

Блэр даже поперхнулась вином от смеха. У нее на глазах выступили слезы.

— Ты шутишь! — со смехом сказала она.

— Какие уж тут шутки!

— И ты спел «Дэнни-паренек»?

Шон хитро улыбнулся:

— Я откупился от нее чеком на сто долларов.

Они смеялись вместе, когда вошли в кухню, где царил невообразимый хаос. Пэм вы-

нимала из холодильника миски с картофельным салатом.

— Рада видеть вас обоих. Шон, покажи Блэр новую комнату.

— Разве тебе не нужна помощь? — спросила Блэр.

— Пока не нужна. Идите, веселитесь.

Они прошли через раздвижные стеклянные двери, выходящие во внутренний дворик. В ноздри им ударил аромат мяса, жарившегося на углях. Джо как раз раскладывал огромные куски на решетке.

— Все выглядит так, будто ты знаешь, что делаешь, — поддразнил его Шон.

— Сырое, полусырое, прожаренное, — перечислил Джо, указывая на секции решетки длинной вилкой, и отпил большой глоток пива.

— Забудь о пиве, а не то сожжешь мой кусок, — предупредил его Шон. Дельгадо отсалютовал вилкой. Все рассмеялись, и Блэр с Шоном пересекли дворик. — Теперь смотри под ноги, — предупредил ее Гэррит.

Он провел ее по доскам в недостроенное помещение.

— Здесь будет игровая комната? — спро-

сила Блэр, оглядывая голый цементный фундамент.

— Да. Вон там — камин. Здесь книжные полки и встроенный стол, если кому-нибудь из детей вдруг очень захочется учиться, — с улыбкой объяснял Шон. — Мы даже собираемся поставить маленький холодильник и телевизор.

— Наверное, будет здорово!

— Я собираюсь сделать стеклянную крышу, — продолжал Шон, указывая на потолочные балки. — Это сэкономит электроэнергию, потому что дети наверняка будут забывать выключать свет. Я собираюсь использовать... — Он вдруг замолчал и резко повернулся к Блэр. — Тебе ведь это совсем не интересно, правда?

— Нет, мне интересно. — И это в самом деле было так. Ее вдруг увлек энтузиазм Шона, когда он говорил о своей работе. Его руки, жестикулировавшие в такт его словам, были весьма красноречивы. Она до сих пор ощущала их спокойное, внушающее доверие тепло на своих плечах. — Детям это понравится.

— Мне кажется, Пэм и Джо тоже будут довольны. Теоретически, если все дети будут

здесь, то у них появится возможность уединиться.

— Я догадываюсь, что такая возможность появляется у них весьма нечасто.

Шон хмыкнул:

— Но и не слишком редко, иначе у них не было бы столько детей.

Блэр рассмеялась вместе с ним, подняла на Шона глаза, и вдруг их смех неожиданно умолк. Они оба ощутили, как близко стоят друг к другу. Лунный свет заливал недостроенную игровую комнату, оставляя на лице Шона глубокие тени. Блэр не могла разглядеть выражение его глаз, она только догадалась, что Гэрит внимательно смотрит на нее.

В свете луны его белокурые волосы отливали серебром, а лицо Блэр словно светилось. Шону отчаянно хотелось пробежаться пальцами по гладким волосам, собранным в классический низкий пучок на затылке, какие обычно носят балерины. Ему не терпелось коснуться губами ее влажных розовых губ. Его рот жаждал коснуться маленького ушка с жемчужной капелькой в нем, казавшейся такой же нежной, как и ее кожа. Его глаза следовали за лунным лучом, пока не уперлись в

ложбинку между маленькими округлыми грудями. В воображении его язык уже был там и ощущал ее теплую гладкую кожу.

В голове Шона бушевали фантазии. Он снова видел розовые соски Блэр, вновь чувствовал языком их бархатистую поверхность. Он как наяву слышал, как из горла Блэр вырываются такие возбуждающие его звуки удовольствия, когда он наслаждается ее грудью.

Гэррит уже не помнил, когда так желал женщину, как он возжелал Блэр с первой минуты, как только их глаза встретились. И с тех пор он не мог думать ни о ком другом. Его тело больше не подчинялось ему, он был одержим одной мыслью — он хочет Блэр, он просто умирает от желания. Но в этом не было никакого смысла. Ему никогда не нравились женщины типа Блэр. Из-за своего роста Шон всегда выбирал женщин повыше и с пышными формами. Блэр казалась ему просто куклой. Но куклой, которая живет, дышит, двигается и способна разжечь такой огонь в его чреслах, с которым он ничего не может поделать.

Ситуация застала его врасплох, и сам

Шон понимал это. Однажды он уже совершил ошибку, и это стоило ему очень дорого. Он потерял все. Но он произвел переоценку ценностей и сумел заново выстроить свою жизнь. И теперь он преуспевал во всем, кроме одного. Ему не с кем было разделить свою жизнь. Ему не встретилась женщина, с которой он бы рискнул пойти на это.

У Блэр Симпсон сейчас собственные проблемы. Она переживает кризис, с которым ей предстоит справиться. В его жизни она ни к чему. Это все только усложнит. К тому же Блэр заявила, что в нем не нуждается.

И вот сейчас и здесь он стоит рядом с Блэр и ничего не может поделать со своим желанием. Шон не мог думать больше ни о чем, только о том, как ему хочется поцеловать Блэр, остановить ее неискренние протесты, схватить ее в объятия, утонуть в ней и умолять ее освободить его от мучений.

Его чувства, вероятно, так явственно отразились на его лице, что Блэр даже окликнула его встревоженно. Шон помотал головой, пытаясь прийти в себя, и залпом выпил остатки коктейля в своем стакане.

— Что ж, я полагаю, что нам следует присоединиться к остальным.

Блэр отпила из своего бокала всего несколько глотков. Она так отчаянно за него цеплялась, что ее пальцы онемели. Стекланный сосуд казался ей последним оплотом здравого смысла. Шон повернулся и повел ее обратно через внутренний дворик в дом. Джо по-прежнему стоял у гриля. Теперь он обсуждал с адвокатом проблемы преступности на городских улицах.

На кухне их ожидало столпотворение. Там собрались дети, и каждый стремился первым рассказать матери об исходе битвы подушками. Эндрю и Мэнди кричали, перебивая друг друга. Пятилетняя Анджела рыдала навзрыд, по ее щекам катились неутешные слезы. Трехлетний Пол уселся на полу и радостно взвизгивал, довольный такой неразберихой. А Пэм пыталась увещевать своих отпрысков, одновременно выуживая из кастрюли с кипящей водой маленькие кукурузные початки и раскладывая их на блюде.

Несмотря на возбужденное поведение детей и беспокойство Пэм, Шон и Блэр не

смогли удержаться от смеха при виде этой картины.

— Что происходит? — поинтересовался Гэрит.

— Я думаю, что они слишком возбуждены, чтобы спать, — Пэм с угрозой оглядела своих отпрысков. — Я сейчас позову папу, и он будет очень сердиться.

Дети не обратили на это предупреждение никакого внимания.

— Почему бы мне не попробовать уложить их в постель? — мужественно предложила Блэр.

— Но ты же пришла в гости, — запротестовала Пэм, втайне надеясь, что Блэр не передумает.

— Я твоя подруга, а у тебя сейчас и без того хлопот полон рот, — твердо сказала Блэр. — Дети, хватит. — В ее голосе оказалось достаточно суровости, чтобы привлечь их внимание. — Эндрю, шагом марш, — ее палец взметнулся в направлении двери в спальню. — Давай, Мэнди, теперь твоя очередь. Анджела, к тебе это тоже относится.

— Я заберу вот этого, — Шон подхватил на руки маленького Пола и усадил к себе на

шею. Малыш издал восторженный вопль и вцепился Гэриту в волосы.

— Я тебя не просила помогать, — заметила Блэр, когда они вышли из кухни в маленький коридорчик, ведущий в детские спальни.

— Я не мог тебе позволить управляться с этими непоседами в одиночку.

Детские спальни были смежными, так что Шон и Блэр могли уложить в кровать бунтовщиков и следить за теми, кто уже улегся. Спал только самый младший. Он спал в детской корзинке. Девочки занимали двухспальную кровать в той же комнате, что и малыш. В другой, на двухъярусной кровати, размещались мальчики. Эндрю как старший спал наверху.

— Покажи пример своей сестричке и засыпай, — шептала Блэр на ухо Мэнди. — Дай папе с мамой принять гостей, им же сейчас просто некогда заниматься с вами! Вы же не маленькие, должны понимать. Договорились?

— Договорились, — зевая, ответила девочка. Анджела уже засыпала.

— Оставить вам свет? — спросила Блэр.

Но в сонную тишину вдруг ворвался голос Эндрю.

— Мэнди — младенец, Мэнди — младенец, — нараспев повторял мальчишка со своей кровати.

— Эндрю, поостынь, — сурово приказал ему Шон.

— Но ведь так и есть, — начал оправдываться мальчик. — Ей приходится спать с Анджелой. Я не хочу, чтобы меня кто-нибудь пихал в кровати, пока я сплю.

— Мамочка и папочка тоже спят в одной кровати, — запротестовала Мэнди.

— Но никому из нас не разрешается спать с ними и даже заходить к ним в комнату по ночам, если только не сверкает молния и не гремит гром, — внесла свою лепту Анджела.

Блэр обернулась на Шона, встретила его смеющимся взглядом и снова сосредоточила все свое внимание на девочках.

— А по субботам мы можем войти к ним в комнату только после того, как закончится «Одинокий ковбой», — шепелявя, поделился важной новостью Пол. Он так и не лег, а продолжал сидеть в кровати.

Шон не удержался и хохотнул, но тут же закашлялся, чтобы скрыть это. Он подтолкнул Блэр к выходу.

— У них и вправду о-очень большая кровать, Блэр, — светским тоном продолжала Мэнди.

— Неужели? — Блэр никак не могла придумать, как отвлечь внимание детей от этой темы.

— И у Шона стоит такая же большая, верно? Я ее видел, — гордо объявил Эндрю.

— А ты видела кровать Шона? — обратилась к Блэр Анджела.

— Н... нет. Все, девочки и мальчики, спокойной ночи.

— А у тебя такая же большая кровать, как у Шона? — поинтересовалась Мэнди.

— Нет, дурочка, — авторитетно вмешался Эндрю. — Разве ты не видела тот диван, на котором ей приходится спать?

На личике Мэнди появилось искреннее сочувствие.

— Может, если ты хорошо попросишь, Шон пустит тебя спать в свою большую кровать. Он живет совсем близко от тебя.

— Наш папочка не возражает, когда ма-

мочка спит с ним, — поддержала сестру Анджела.

Щеки Блэр стали пунцовыми, хотя она и припомнить не могла, когда в последний раз краснела.

— Ладно, все, — голос Шона зазвучал угрожающе. — Спокойной ночи, дети. — Он убедился, что все малыши закрыли глаза, и только потом вышел. Блэр бросила быстрый взгляд на спящего малыша, который, к счастью, не мог участвовать в этой живой дискуссии, и присоединилась к Шону. Она попыталась пройти мимо него, но он преградил ей путь.

— Ты не хочешь меня ни о чем попросить? — В его голубых глазах искрилось веселье.

— Да нет, пожалуй, — Блэр чувствовала, как все еще горят ее щеки.

Гэррит весело рассмеялся. Обнимая ее за талию, Шон сказал:

— Пойдем что-нибудь съедим.

Ужин, приготовленный Пэм, несмотря на все препятствия, оказался просто великолепным, так же как и стейки, поджаренные Джо. Гости, не стесняясь, наполняли свои та-

релки и рассаживались где придется, в гостиной или во внутреннем дворике.

Блэр заметила, что на нее и Шона присутствующие бросали осторожные взгляды исподтишка. Гэрит не проявлял к ней какого-то особенного внимания, но все время оказывался рядом с ней. Он оживленно участвовал в общем разговоре, но часто наклонялся к Блэр и шептал что-то на ухо. Если же она разговаривала с кем-то еще, то чувствовала на себе его внимательный взгляд.

Шон приносил ей еду и напитки, а потом Блэр решила отнести грязные тарелки на кухню. Она сбросила остатки в мусорное ведро и вымыла тарелки. Она как раз вытирала руки бумажным полотенцем, когда за ее спиной вдруг возник плотный коренастый мужчина — один из гостей.

— Это было настоящее пиршество, — с энтузиазмом заявил он, потирая руки.

Блэр сразу весьма критически оценила его. Это был один из тех надоедливых мужчин, которые не представляют себе разговора с женщиной, если при этом они не могут лапать ее. Такие типы всегда приводили Блэр в ярость. Почему, интересно, они вбивают себе

в голову, что их прикосновение может быть приятно женщине? Как только их познакомили, Блэр старалась держаться от него подальше. Он в первую же минуту ей сказал: «Я мог сразу догадаться, что вы танцовщица. У вас такие ноги!» Замечание показалось ему самому очень лестным, а Блэр — отвратительным.

— Да, еда была чудесной, — согласилась Блэр и направилась к двери.

Мужчина преградил ей дорогу.

— Вы часто ездите в Нью-Йорк?

— Я только что переехала, мистер...

— Стэн Коллиер. Зовите меня просто Стэном, как и все мои друзья, — его голос прозвучал интригующе.

— У меня пока не было повода вернуться в город.

— А вот я вынужден каждый день мотаться туда и обратно на поезде. Правда, иногда мне приходится оставаться в городе на деловой ужин, тогда я ночую в квартире, принадлежащей нашей компании. Очень милое местечко. Весьма уединенное, знаете ли.

Блэр просто не могла поверить своим ушам. Если бы этот тип не был таким отвра-

тительным, он вызывал бы жалость. Каким образом он оказался в гостях у Дельгадо? Вряд ли Пэм и Джо одобрили бы его поведение.

— Не сомневаюсь, что это милое место. А теперь прошу меня простить...

— А почему бы нам не устроить маленькое развлечение? Вы могли бы приехать в город и позвонить мне, и мы бы с вами...

— Прибереги свое гостеприимство для кого-нибудь другого, Коллиер. Мисс Симпсон не интересуется твоим предложением. — Толстяк Стэн развернулся с удивительной быстротой, как только с порога раздался насмешливый голос Шона.

Блэр с облегчением прислонилась к кухонному шкафчику. Она не боялась этого фигляра, просто ей не хотелось устраивать сцену на вечеринке у Пэм.

— Эй, Гэррит, спокойно, спокойно, — с деланным хладнокровием заговорил Стэн. На его бычьей шее выступил пот. — Я просто пошутил с дамой. Ты разве шуток не понимаешь?

— Шутки я понимаю, — на мрачном лице Шона не появилось даже тени улыбки. —

Только я не услышал ничего забавного. Иди сюда, Блэр.

Он протянул руку, и женщина ухватилась за нее, как за спасательный круг. Шон прижал ее к себе — это, конечно, была своего рода демонстрация, предпринятая больше для наглеца, чем для Блэр. Как бы то ни было, Блэр прижалась к нему, с радостью ощущая себя в безопасности возле этого сильного человека. Они вышли из кухни.

— Я надеюсь, ты хотела, чтобы я тебя спас? Или ты находишь Стэна привлекательным? — прошептал Шон ей на ухо, склонив пониже светловолосую голову.

— Ох, прошу тебя, — она вздрогнула в его объятиях. — А Пэм и Джо хорошо знают этого типа?

— Все в Тайдлэндсе знают о нем и о его похождениях. Или, во всяком случае, слышали его рассказы об этом. Я почти уверен, что все его подвиги — это лишь плод его воображения.

— Но почему Пэм и Джо пригласили его?

— Его жена замечательная женщина. Ее все обожают, а Стэна терпят только ради

нее. Он не только на тебе упражнялся. Коллиер не пропускает ни одной юбки.

— А я-то думала, что какая-то особенная, раз он на меня глаз положил, — с преувеличенным сожалением заметила Блэр.

Шон рассмеялся, потом серьезно посмотрел на нее.

— Ты и в самом деле особенная. Но я сомневаюсь, что человек с таким низким вкусом, как у Стэна, мог бы это разглядеть. — Он коснулся мизинцем жемчужной капельки в ее ухе. — Я не слишком к нему милосерден.

У Блэр перехватило дыхание, она не могла произнести ни слова. Остроумный ответ застрял у нее на языке, и Блэр просто стояла и смотрела в глаза Шону, утопая в их бездонной синеве.

— Не хочешь ли выпить кофе? — Это прозвучало так, словно Гэррит спросил: «Не хочешь ли заняться любовью?»

Блэр понимала, как ей надо было ответить: она и сама в состоянии налить себе чашку кофе, но ее губы произнесли совсем другое:

— Да, с удовольствием. Без сахара и чуть-

чуть сливок. — Шон медленно отошел от нее, по-прежнему не отрывая от нее взгляда.

Ошеломленная, Блэр подошла к креслу и села. Она делала вид, что слушает женщину, которая рассказывала о том, в каком ужасном состоянии находится танцевальная школа в городе. Но думала Блэр совсем о другом. Ее сердце продолжало отчаянно биться, и она никак не могла успокоить его. Шум в ушах заглушал голос ее собеседницы. Шон сдержал свое слово. Он не сказал ни единого слова, не позволил себе ни одного жеста, нарушившего бы их уговор. Он вел себя как друг.

Тогда почему ее так тянет к нему? Почему она ведет себя как камикадзе?

Блэр не хотела признаться даже самой себе, как это приятно, когда о тебе заботятся. Она всегда была независимой, рано ушла из родительского дома и вот теперь была готова принять его покровительство. Если бы несколько месяцев назад с ней попытался бы познакомиться мужчина, похожий на Стэна, она бы быстро от него избавилась. У нее в запасе нашлось бы острое словцо, заставившее бы его потерять дар речи, покраснеть до кор-

ней волос и усомниться в собственной значимости. Блэр никак не хотела признать, какое удовольствие ей доставило то, что Шон выиграл эту битву вместо нее. Его мужская сила оказалась не менее впечатляющей, чем его поцелуи.

— Это просто замечательная идея! — ворвался в ее мысли восторженный возглас Пэм. — Что ты об этом думаешь, Блэр?

— Ну, я... — Она замялась. Принимая из рук Шона чашку с кофе, Блэр осознала, что была предметом разговора, который она пропустила мимо ушей. — Признаться, я не все уловила из вашего разговора, — призналась Блэр. — А о чем шла речь?

Пэм пришла ей на помощь, даже не подозревая об этом.

— Местная танцевальная школа просто ужасна. Я хотела, чтобы Мэнди начала заниматься балетом, но мне жаль тратить деньги впустую. А ты знаешь, что если ребенка с самого начала учить неправильно, то его мускулам будет нанесен непоправимый ущерб. Как ты думаешь, ты не смогла бы вести несколько классов, пока ты здесь?

— Что ж...

~&

— Я бы тоже хотела заняться балетом, — вступила в разговор одна из женщин. — Ничего сверхъестественного, вы понимаете, просто какие-нибудь упражнения, чтобы сохранить форму.

Ее с энтузиазмом поддержали и другие.

— Вы хотите, чтобы я вела занятия балетом? — удивленно переспросила Блэр.

— Да! А почему нет?

5

Блэр оглядела выжидательно смотрящих на нее женщин и смущенно рассмеялась.

— Ну, во-первых, я не преподаватель.

— Но ты танцуешь. И ты лучшая из тех, кого мне доводилось видеть. Не надо скромничать, — горячо возразила ей Пэм, сообразившая, что ее подруга не в восторге от такой перспективы и собирается отказаться от этого предложения. — Ты любишь танцевать, и раз тебе пришлось на время оставить профессиональную сцену, почему бы тебе не заняться преподаванием?

Остальные закивали в знак согласия.

— Это может повредить твоим ногам? —

Блэр обернулась на звук низкого, спокойного голоса, раздавшегося у ее уха, и встретила глазами с внимательным взглядом Шона.

— Вряд ли! Врач говорил мне, что минимальная нагрузка пойдет только на пользу и не даст ногам потерять силу. Тогда возвращение через полгода будет не таким трудным.

— Значит, все улажено? — Лицо Пэм Дельгадо засветилось от счастья.

— Подожди, Пэм, подожди. Ты же знаешь, что необходим класс для занятий.

Женщина озадаченно нахмурилась:

— Ну да, как же я могла забыть!

— Вам, как я понимаю, нужна просторная комната с деревянным полом? — спросил Шон.

Блэр повернулась к нему:

— Да.

— Я совсем недавно купил старый спортивный зал и намеревался переделать его в фитнес-центр. Там есть большой зал. Вы можете его использовать. Я проведу все необходимые работы по реконструкции. Это не займет много времени.

— Здорово! — Пэм восторженно захлопала в ладоши.

— Но я не хочу этим заниматься за деньги, — запротестовала Блэр. Ей казалось, что ее увлекает мощный поток, которому она не в силах противостоять.

— Я не стану брать с вас арендную плату, а вы не будете брать денег со своих учеников. Пусть это станет общегородским проектом. — Шон молча оглядел собравшихся и увидел, что с ним согласны.

— Но мне будут нужны записи и что-то, на чем их можно будет слушать, и...

— Я купил проигрыватель на полицейском аукционе в прошлом месяце. Я вам его подарю, — вступил в разговор Джо.

— И потом у нас с тобой столько пластинок с танцевальной музыкой, — добавила Пэм. — Так что, как видишь, Блэр, путь к отступлению закрыт!

Блэр задумчиво прикусила нижнюю губу. Она прожила в Тайдлэндсе всего неделю и успела заметить, что время здесь течет совсем не так быстро, как в большом городе. Ей предстоит провести здесь долгие шесть месяцев. Если она чем-нибудь не займется, то на-

верняка сойдет с ума. Так, может быть, преподавание и есть решение ее проблемы?

— Я могла бы обучать основам балета детей не старше двенадцати лет, — медленно заговорила Блэр. — А вам, дамы, я могла бы предложить нечто вроде аэробики, только без особо трудных упражнений.

— Этим мы можем заняться самостоятельно, — добавила одна из женщин.

Пэм взяла подругу за руки:

— Так ты согласна, Блэр? Скажи да! Прошу тебя! Тебе это тоже пойдет на пользу. Если бы я так не считала, я бы никогда этого не предложила.

Блэр взглянула на Шона. Он не сводил с нее внимательного взгляда, но не пытался как-то повлиять на ее решение. Блэр пожалала плечами и снова перевела взгляд на Пэм:

— Как ты сказала, а почему бы и нет?

Все гости разошлись. Остались только Шон и Блэр. Они настояли на том, чтобы помочь Дельгадо привести в порядок дом и помыть посуду.

— А окна вы не моете? — шутливо поинтересовалась Пэм, когда Блэр загрузила последнюю тарелку в посудомоечную машину.

— Я мою окна только тогда, когда не могу рассмотреть, что делается на улице, — парировала она, закрывая дверцу и включая машину. Та взвыла так, словно была на последнем издыхании. — Она справится с посудой? — поинтересовалась Блэр.

— Господи, надеюсь, что да. Ну не должна же она сломаться именно сегодня вечером. Это было бы слишком жестоко. Кстати, я не успела поблагодарить вас с Шоном за то, что вы угомонили мой выводок.

— Это доставило нам удовольствие, — заметил Шон, входя в кухню из внутреннего дворика, где они с Джо выпили по последней чашке кофе. Он подмигнул Блэр, и та едва сдержалась, чтобы не захихикать.

Их веселье осталось незамеченным, потому что Пэм направилась к Джо и рухнула в его объятия.

— Отличная вечеринка, любовь моя, — объявил Джо, крепко обнимая жену. — Ты превзошла себя.

— Спасибо, но я совершенно без сил.

— Тогда нам остается только пожелать вам доброй ночи. — Шон взял Блэр за руку и повел к двери.

— Я не собиралась вас выгонять, — извинилась Пэм, провожая их вместе с Джо к выходу.

— Мне кажется, что Блэр тоже очень устала. И потом ей надо о многом подумать.

— Неужели я в самом деле согласилась преподавать балет детишкам и домохозяйкам? — словно не веря своим ушам, переспросила Блэр.

— Определенно так, — жизнерадостно подтвердила Пэм.

— Но я надеюсь, все понимают, что это временно. Только пока я живу здесь.

Улыбка Пэм увяла.

— Об этом я как-то не подумала. Я уже привыкла к тому, что ты живешь в нашем городке.

На мгновение все замолчали, и первым заговорил Шон:

— Блэр здесь пробудет по меньшей мере полгода. И я никогда не расстанусь так легко со своими жильцами.

Все рассмеялись, благодарные ему за то, что он снял возникшее напряжение.

— Если я сумею втиснуть мое жирное те-

ло в старое трико, я первой приду на занятия для домохозяек, — объявила Пэм.

— Только не худей слишком сильно, я так полюбил тебя толстенькой, — попросил Джо, обнимая жену и тычась носом ей в шею.

— Мы поняли намек, — сухо заметил Шон.

— Спокойной ночи и спасибо за вечер, — попрощалась Блэр, когда Гэрит вывел ее за порог.

— Спокойной ночи, — хором ответили Пэм и Джо.

— Джо, я хотел бы поговорить с тобой о крыше в игровой комнате, но так как завтра суббота, то я не стану звонить до того, как кончится «Одинокий ковбой», — пошутил Шон.

Они услышали, как Пэм задохнулась от удивления, а Джо от души расхохотался, и закрыли за собой дверь.

Шон и Блэр все еще смеялись, когда он мягко остановил «Мерседес» на подъездной дорожке.

— Хочешь кофе или рюмочку на ночь? — поинтересовался он, выключая мотор.

— Нет. Ты был прав. Мне столько надо обдумать. Необходимо продумать упражнения, подобрать музыку. — Блэр выразительно вздохнула: — Господи, что я наделала?

Шон хмыкнул, вышел из машины и обошел ее, чтобы открыть дверцу своей спутнице. Не успела Блэр коснуться ногами земли, как Шон подхватил ее на руки.

— Теперь мы должны еще больше заботиться об этих хрупких коленях, — заявил он. — Ты последняя надежда для тучных женщин Тайдлэндса.

Еще на вечеринке Шон закатал рукава рубашки. Его руки, в плену которых снова оказалась Блэр, были крепкими, но одновременно теплыми и нежными. Чтобы подавить нарастающее внутри желание, Блэр поинтересовалась:

— Как ты думаешь, кто-нибудь на самом деле станет заниматься балетом?

— Я уверен, что придут многие. Все мечтают выглядеть так, как ты. Это, разумеется, невозможно, но ты даришь им надежду. — На верхней ступеньке он резко опустил голову и чмокнул Блэр в лоб. — Спокойной ночи,

дорогой друг. Спасибо, что ты пошла со мной на вечеринку. Я замечательно провел время.

Шон поставил женщину на ноги, но его быстрый легкий поцелуй совершенно лишил ее сил, и она оступилась. Неловкое движение спровоцировало приступ боли.

— Ой, — вскрикнула Блэр, когда в ее колено словно вонзился раскаленный железный прут.

— Что? Что случилось, Блэр? — Шон опустился на одно колено, чтобы лучше видеть, а Блэр нагнулась и принялась растирать болезненную точку.

— Нет... Ничего, — запинаясь ответила она, стараясь побороть приступ головокружения и тошноты, вызванный острой болью. — Я просто неловко встала на ноги. Чертовски больно.

— Господи! Прости, пожалуйста, Блэр, — в его голосе звучала искренняя тревога. Он приподнял ее юбку и положил теплую ладонь на колено.

— Здесь нет твоей вины, Шон. Так часто бывает. К счастью, на этот раз все случилось у самой двери. В последний раз такое было, ко-

гда я в субботу делала покупки в «Блумингдейле».

Она попыталась рассмеяться, чтобы прогнать его тревогу и собственную боль, но, когда Шон поднялся, его лицо оставалось мрачным. Он снова поднял ее на руки, внес в темную квартиру и усадил в кресло.

— Шон...

— Оставайся здесь, — попросил Гэррит, а сам нашел выключатель лампы. — У тебя есть лекарство, чтобы справиться с этим?

Блэр покачала головой:

— У меня нет рецепта на болеутоляющее. Я не хотела его принимать.

— А как насчет аспирина?

— Да, пару таблеток аспирина я могу выпить.

— Где он? — Шон потянул на себя диван и превратил его в кровать. Было что-то очень интимное в том, как Шон разворачивает простыни, на которых Блэр спала накануне.

— В ванной, в ящичке над раковиной. Но послушай...

Блэр обращалась уже к пустому месту, потому что Шон скрылся в ванной комнате. Она услышала, как мужчина порылся в ап-

течке, негромко выругался, потом открыл воду. Шон вернулся в комнату со стаканом воды и двумя таблетками аспирина, лежащими как подарок на его широкой ладони.

— Тебе не нужно растереть колено какой-нибудь мазью?

Блэр проглотила таблетки.

— Нет. Я просто подниму ноги повыше, когда лягу спать. Не беспокойся об этом. К утру все будет в порядке.

— Но что все-таки с твоими коленями? Почему возникают эти приступы? — спросил Шон. Блэр не успела его остановить. Он уже опустился на пол и принялся расстегивать золотые ремешки ее босоножек.

— Что-то со связками. Стоит мне неправильно наступить на ногу, как начинается приступ боли. Связки ослабели, и теперь не всякое движение дается без болезненных ощущений.

Стоя на коленях, Шон поднял на нее глаза.

— Тебе надо зайти в ванную или я могу сразу уложить тебя в постель?

Вопрос лишил Блэр дара речи, но потом она опомнилась, сообразив, что это просто глупо.

— Мне, кажется, уже лучше, — пробормотала она, стараясь не встречаться с мужчиной взглядом.

Шон снова поднял ее и отнес к двери ванной комнаты. Опустив ее на пол, он удостоверился, что Блэр крепко стоит на ногах.

— Остаток пути можешь пропрыгать на одной ножке.

— Ты все преувеличиваешь.

— Кто-то должен по-настоящему лечить твои ноги. Ты этим совсем не занимаешься, как я вижу.

Блэр метнула в него яростный взгляд и захлопнула дверь у него перед носом.

— Эй, полегче, — обиженно крикнул он через дверь.

Когда через несколько минут Блэр снова открыла дверь, Шон уже поджидал ее на пороге.

— В чем ты спишь?

— Шон! — резко одернула его Блэр. — По-моему, ты переходишь все границы.

Замечание Блэр не остановило Шона.

— Если тебе приятнее спать в чем мать родила, тогда...

— В верхнем ящике комода есть футбол-

ки, — сдалась Блэр. Если Шон решил изображать из себя сиделку, ей ничего не оставалось, как подыгрывать ему.

Шон вернулся с футболкой с надписью «42-я улица».

— Ты участвовала в этом шоу?

— Да. А ты его видел?

— Да.

— Тогда ты наверняка меня запомнил. Я отбивала чечетку.

— Очень смешно, — отозвался Шон.

Этот разговор служил только одной цели — снять неловкость ситуации, когда Блэр необходимо будет снять платье.

— Как это снимается? — Голос Шона звучал хрипло. — Вверх или вниз?

— Я сама справлюсь.

— Вверх или вниз? — Шон не собирался отступать, и Блэр не находила в себе достаточно сил, чтобы перечить ему.

— Вниз, — прошептала она и опустила глаза.

Блэр нагнула голову, и Шон легко растегнул пуговицу у ворота, потом постепенно спустил одно за другим плечи платья. Блэр

видела, как неуверенно двигаются его руки, словно он примерял платье, а не снимал его.

— Там есть пуговица, — пробормотала Блэр. Ей хотелось, чтобы жест вышел нетерпеливым, но пальцы подвели ее, и она долго пыталась нащупать пуговицу на поясе. Путаясь в складках ткани, Блэр наткнулась на его ладонь. Пытаясь отыскать злополучную пуговицу, она лишь подталкивала руки Шона кверху, все ближе к своей обнаженной груди. И оба они пожалели, когда злополучная пуговица наконец нашлась.

Белоснежное платье упало к ее ногам, и Блэр осталась в одних коротких трусиках.

— Я его потом повешу, — Шон имел в виду платье. Его теплое дыхание оевало ее щеку, шею, грудь. Он помог Блэр натянуть футболку. Майка почти прикрыла трусики Блэр. — Вот так, — в голосе Шона слышалось явное облегчение.

Он снова поднял ее на руки, донес до дивана и уложил так бережно, словно мать новорожденного малютку. Блэр поспешно накрылась пледом.

— Мне повесить платье в шкаф? — озабоченно спросил Шон.

— Да, спасибо, — буркнула Блэр, боясь, что ее голос может выдать то, что она чувствовала в эту минуту, — ее желание.

Шон аккуратно повесил наряд на вешалку и отправил его в шкаф.

— Тебе принести что-нибудь? Может быть, чаю или кофе?

Блэр покачала головой. Волосы, освобожденные от шпилек, рассыпались по подушке.

— Нет, все просто замечательно.

Шон присел на край дивана и долго молча смотрел на Блэр. Если бы он обнял ее, призналась себе Блэр, она не стала бы сопротивляться. Ей так хотелось снова ощутить его губы на своих губах! Она жаждала прикосновения его ласковых рук к своему телу, пробуждающих в ней чувства, которым она не давала возможности вырваться на свободу, отрицая само их существование. Она хотела, чтобы Шон нашептывал ей нежные слова на ухо, пробуждая желание. Блэр никогда не позволяла другим мужчинам произносить их. А сейчас ей так хотелось, чтобы эти слова произнесли губы Шона!

Но Гэррит не обнял ее. Вместо этого он негромко спросил:

— Тебе нужна подушка под ногу?

— Ты прав, вероятно, так будет лучше.

Шон вытащил вторую подушку у Блэр из-под головы, избегая прикасаться к шелку ее волос, и откинул край пледа. Шон даже зубы стиснул, когда увидел ее обнаженные ноги. Ее обтянутая майкой грудь казалась такой трогательной, но четко обозначившиеся соски возбуждали его. Плоский живот и узкая полоска кожи между краем футболки и трусиками пробудили в нем желание.

Стараясь сохранить хладнокровие, Шон пристроил подушку под коленом Блэр и все-таки не удержался — провел рукой по твердой округлости икры, скользнул по тонкой лодыжке. Блэр вздохнула и закрыла глаза. Темные ресницы трепетали, словно крылья маленькой птички.

И тут Блэр почувствовала на животе прикосновение его пальцев. Шон все-таки не устоял!

— Блэр, пожалуйста, открой глаза и посмотри на меня.

Она медленно подняла тяжелые ресницы. Лампа освещала только одну сторону его лица, а вторая оставалась в глубокой тени.

Ямочка на подбородке казалась глубже, а сам подбородок казался еще более мужественным и упрямым, чем обычно. Волосы Шона словно светились в золотистом свете лампы.

— Я хочу тебя, — в голосе Гэрита Блэр услышала страстную настойчивость. — Ты это знаешь. Я не могу и не хочу это скрывать. — Кончики его пальцев коснулись ее щеки. — Когда ты поймешь, насколько мы хорошие друзья, — в его голосе послышалась легкая насмешка, — я поцелую тебя вот сюда, — палец Шона коснулся ее губ, спустился по щеке к шее, потом к груди. — И сюда. — Он ласкал ее сосок сквозь тонкий хлопок футболки и получил ответ. — И сюда. — Он коснулся ее пупка. — И сюда. — Пальцы двинулись вниз. — Всюду.

Блэр безотчетно выгнулась навстречу Шону, и с ее губ сорвался приглушенный стон. Шон взял ее лицо в свои ладони, большие пальцы нежно касались высоких скул.

— Шон, — выдохнула она.

— Спокойной ночи, — Гэрит наклонился и легко коснулся ее губ, чуть пощекотав усами.

Он торопливо выключил лампу, пересек комнату и вышел. Блэр прислушивалась к его

шагам, пока они не стихли в отдалении. Потом она услышала, как хлопнула дверь его дома.

Она оказалась одна в темноте. Там, где его пальцы касались ее тела, кожа горела огнем. Блэр осталась наедине со своими эротическими фантазиями. Наедине с пустотой, разверзшейся внутри ее и требовавшей, чтобы ее заполнили.

Блэр допивала вторую чашку чая, сидя у стола на кухне, и одновременно другой рукой энергично растирала колено. И тут она услышала шаги Шона на лестнице. Он негромко постучал.

— Входи, — откликнулась она, не вставая. Проснувшись утром, Блэр надела шорты и топик на узких бретельках, потом проверила, сможет ли она наступать на ногу. Слава богу, нога ее не подвела — она могла ходить и не испытывала сильной боли.

Шон открыл дверь и вошел. Увидев Блэр, он нахмурился:

— Почему ты встала?

— Пью чай, — ответила Блэр с улыбкой.

— Очень остроумно! Разве твое колено не болит?

— Я могла бы сказать тебе что-нибудь вроде: «Болит, только когда я смеюсь» или «Болит, только когда я дышу», но я никогда не опускаюсь до таких банальных шуток.

— Значит, колено болит.

Блэр рассмеялась, увидев, как глубокая суровая складка легла меж бровей Шона.

— Расслабься! Ничего у меня не болит. Не думаю, что могла бы станцевать главную партию или пробежать бостонский марафон, но ходить я могу. Хочешь чаю?

— Терпеть не могу чай!

— В самом деле? А мне казалось, что все ирландцы любят чай. Или, может, ты мне споешь «Дэнни-паренек»? — поддразнила она Гэрита.

— Тебе явно стало лучше. Ты опять остра на язык. Если бы ты и так уже не пострадала, я бы тебя обязательно наказал за твою непочтительность.

— Это каким же образом? Положил на колено и отшлепал?

Его глаза пробежались по ее стройной фигуре, задержались на груди, натянувшей тонкую ткань.

— Есть куда более приятные методы дис-

циплинарного воздействия. — Ему не пришлось прибегнуть к демонстрации. Одни только его слова заставили учащенно забиться сердце Блэр, а язычок, который Шон называл острым, буквально прилип к небу. — Я зашел, чтобы узнать, не захочешь ли ты взглянуть на свою будущую студию.

Блэр оставалось только надеяться, что она хорошо справилась со своей ролью. Ее ядовитые замечания были только средством защиты от обаяния Шона. Стоило ей только услышать его шаги на лестнице, как у нее бешено забилось сердце и вспотели ладони. Шон Гэрит стал героем ее фантазий. Всю ночь она мучилась, вспоминая его поцелуи и грезя о поцелуях в будущем.

Раз за разом Блэр повторяла себе, что не может уснуть только потому, что у нее болит колено и она вынуждена лежать неподвижно на спине. Но наступило утро, а Шон все не шел у нее из головы. И теперь ей оставалось только надеяться, что круги под глазами удалось скрыть с помощью косметики.

Ее пугала собственная зависимость от едва знакомого мужчины. Все произошло слишком быстро, и ей никак не удавалось

снова взять вожжи в свои руки. Когда она выпустила их из рук, Блэр вспомнить не могла, но предполагала, что это случилось в тот самый момент, когда она открыла дверь массажисту и увидела перед собой Шона Гэрита.

Блэр поняла и то, что они не могут остановиться на полпути. Им никогда не стать друзьями, и говорить об этом значило лишь лгать друг другу. И они оба знали об этом. Шон признался сразу, что хочет стать ее любовником. От этого признания Блэр, как ни странно, ощутила себя невероятно счастливой. Но она ясно отдавала себе отчет в том, что для нее невозможно связать свою жизнь с женщиной, а тем более с Шоном Гэритом, с которым у нее явно нет ничего общего.

Единственное, что остается, — это не встречаться. С глаз долой, из сердца вон. Выбираясь этим утром из постели, Блэр твердо решила не поддаваться больше искушению. И вот теперь при первом же испытании ее решение подверглось пересмотру.

— Я смогу приехать туда сама, если ты объяснишь мне, где это находится. Уверена, что тебя ждет работа. — Блэр встала и подошла к раковине, чтобы сполоснуть чашку. Ее

не слишком беспокоила невымытая чашка, просто это давало ей повод повернуться к Шону спиной. Она находила его чертовски привлекательным. Джинсы сидели на нем как влитые, подчеркивая все достоинства фигуры, облекая мускулистые бедра. Футболка-поло не давала забыть о широких плечах и мощной груди.

— Сегодня суббота, а по субботам я, как правило, не работаю. Сообщаю на будущее, к твоему сведению.

— Тогда тебе точно не захочется везти меня туда, потому что это часть твоей работы. Я сама съезжу сегодня или завтра.

— Но ты не сможешь войти в здание, потому... — Шон порылся в карманах джинсов. Блэр подумала, что лучше ему было бы этого не делать, так как ткань еще явственнее обозначила его мужское достоинство. — Потому что единственный ключ находится у меня.

Облегчение оттого, что она успешно справилась с задачей, сменилось глухим раздражением. Шон вертел ключ на металлической цепочке у нее перед носом.

— Я полагаю, что смешно даже надеять-

ся, что ты просто дашь мне ключ, — сказала Блэр.

На лице Шона появилось выражение глубокого сочувствия.

— Мне очень жаль! — Выражение его ярких синих глаз, правда, говорило совсем об обратном.

— Да-да, как же. Ты весь измучился от сожалений.

Широкая улыбка обнажила его белоснежные зубы.

— Собирайся, поехали. Ты уже позавтракала? Как насчет дюжины пончиков по дороге?

— Пончики! — возмутилась Блэр. — Если я вообще завтракаю, то съедаю только баночку обезжиренного йогурта.

Шон пожал плечами:

— Должен признаться, что тебя не так-то просто сбить с праведного пути. Ладно, поехали.

Едва дав ей время собраться, Гэррит помог Блэр спуститься по ступенькам, готовый в любую секунду подхватить на руки, если нога снова подведет ее, и усадил на переднее сиденье своего старенького грузовичка.

— Можешь быть доволен, тебе удалось произвести на меня впечатление, — с сарказмом заметила Блэр, оглядывая потертые сиденья, из которых клочьями вылезала вата. Голый пол был завален старыми чертежами и какими-то инструментами. Блэр раньше не приходилось видеть таких.

Шон только улыбнулся в усы, заводя мотор и выезжая со двора:

— Любишь меня, люби и мой грузовик.

Невзирая на ее протест, он все-таки остановился возле булочной и вышел оттуда с пакетом свежайших пончиков. Гэрит поставил пакет на сиденье между ними, и желудок Блэр призывно заурчал, когда кабина наполнилась соблазнительным ароматом. Шон расхохотался. По дороге он остановился еще раз, купил молока, и потом они наконец отправились через весь город на потрепанном грузовичке посмотреть помещение для студии.

Решив заняться пончиками позже, Шон не дал Блэр ни малейшей возможности быть самостоятельной — он подхватил ее на руки и понес к входной двери.

— В этом нет необходимости, Шон, — упрямо сопротивлялась Блэр, когда он свер-

нул на мощенную камнем дорожку, а не воспользовался хорошо утоптанной тропинкой, вьющейся среди высохшей травы.

— Это еще как посмотреть! Вчера я видел, как тебе было больно. А если уж говорить начистоту — я уж точно не собираюсь упускать случай прикоснуться к тебе. Ты разве еще не поняла, что все дело именно в этом?!

Блэр благоразумно умолчала о том, насколько ей самой хотелось снова очутиться в его объятиях. Ей нравилось прижиматься к его мощной груди, чувствовать на своей щеке его теплое дыхание. А руками она обхватила Шона за шею как раз в том месте, где колечки светлых волос ложились на воротник рубашки. Прикосновение его голой руки к ее обнаженным ногам пронзало ее словно током. А второй рукой, поддерживающей ее спину, он легко касался пальцами ее груди.

— И потом, какие могут быть счеты между старыми друзьями? — прошептал Шон ей на ухо.

Блэр немедленно опустила руки и обиделась, услышав его едкий смех. Гэррит аккуратно поставил ее на ноги, удостоверившись, что

колени не подведет ее снова. Он вставил ключ в замочную скважину и предупредил:

— Тут пока еще полный беспорядок, так что не паникуй. Дай мне неделю, и все будет сделано.

Шон правильно поступил, когда предупредил ее. Иначе ее возглас ужаса мог быть еще громче. Помещение оказалось просто в катастрофически плохом состоянии. Пол нельзя было даже разглядеть из-за усеявших его обломков. Огромные куски штукатурки осыпались с потолка. Стены были испещрены выбоинами и отверстиями, о предназначении которых Блэр даже не могла догадаться. Весь зал выглядел так, словно здесь дал волю своему гневу страшный и ужасный великан и оставил все как есть, чтобы окружающие смогли замереть в изумлении от его силы и дерзости.

Блэр обернулась к Шону. Она выглядела растерянной, в зеленых глазах застыло беспомощное выражение. Он обнял ее за плечи, успокаивая:

— Ну-ка выше нос! Я же просил тебя не паниковать.

— Но это... Это невозможно.

— Никогда не говори «невозможно». Тебе бы следовало взглянуть на многие дома до того, как я их отреставрировал. Они целый век простояли и начали разрушаться. А этому зданию всего-то лет сорок. — Он рассмеялся, видя ее недоумение. — В понедельник утром я первым делом пришлю сюда рабочих. Они доломают все, что еще не сломано. Потом придут другие и займутся стенами, потолком и так далее. Что скажешь насчет пола?

Шон отодвинул в сторону груды мусора, чтобы Блэр смогла рассмотреть паркет. Она опустилась на одно колено.

— Да, мне кажется, пол подойдет.

— Его отцикляют и покроют лаком. Стеклянная крыша выглядит прочной и вроде не течет, но я потом все проверю.

Теперь, когда первый шок от увиденного прошел, Блэр смогла оценить и достоинства этого зала. Она посмотрела и на стеклянный потолок.

— Мне нравится, — объявила она. — Терпеть не могу студии, где всегда темно.

— Что именно тебе понадобится, Блэр? Я признаю свое полное невежество — не

представляю, как должен выглядеть танцкласс.

— Одна стена должна быть полностью зеркальной. — Блэр говорила, а Шон запоминал. — Разумеется, нужен станок. Я думаю, что смогу назвать тебе адреса в Нью-Йорке, где ты сумеешь все это достать.

— Согласен. Что еще?

— Еще понадобится что-то вроде раздевалки.

— Здесь есть раздевалка. Она в другом конце зала, там же туалеты и душевые. Есть здесь и маленький кабинет, которым ты сможешь воспользоваться. Вполне возможно, тебе захочется установить где-то проигрыватель, поставить пластинки и все такое прочее. Я все устрою.

— Шон, — в голосе Блэр зазвучало беспокойство. — Мне не нравится, что ты будешь тратить на это деньги. Теперь-то я понимаю, что эта реконструкция обойдется тебе в круглую сумму. Думаю, лучше, пока не поздно, надо честно сказать Пэм, что из этой затеи ничего не выйдет. Ты...

— С расходами я сам разберусь. Я сам вызвался привести в порядок это здание. Ес-

ли оно будет и дальше оставаться в таком состоянии, оно просто разрушится, и пользы от этого никому не будет. Эта развалина и так как бельмо на глазу. Пусть здесь лучше будет танцкласс. Есть по крайней мере цель, ради которой стоит потрудиться.

— Но ведь это временно, — воскликнула Блэр. — Это была хорошая идея, и только...

— Правда? — Казалось, его взгляд проникает ей в душу.

Мгновение Блэр стояла молча под этим пронизывающим взглядом.

— Да. Как только я смогу вернуться на сцену, я опять буду танцевать на Бродвее, — непреклонно заявила она.

— Тогда тебе не следует волноваться о том, что будет с этим зданием, — холодно ответил Шон. — Я говорил тебе вчера, что купил его потому, что собирался превратить его в фитнес-центр. Сейчас мы проведем первую реконструкцию. Это будет своего рода вложением денег, ведь в любом случае это будут необходимые затраты.

Удивленная его резким тоном и неожиданной враждебностью, Блэр отвернулась и пошла к дверям, выбирая дорогу между об-

ломками. Ей просто было необходимо увеличить расстояние между ними. Ей нужно было пространство, воздух. Она не могла ясно размышлять, стоя рядом с ним. На какое-то мгновение Блэр вдруг показалось, что она не так уж и сильно хочет возвращаться обратно на профессиональную сцену. Разумеется, она хочет! Ради этого она только и живет. Но этот разговор еще раз показал Блэр, как сексуальность Шона влияет на ее способность здраво рассуждать.

Чем больше Блэр осматривала зал, тем невероятнее казалось ей его превращение в танцкласс. Шон в это время занимался своим делом. Он простукивал стены, выискивая пустоты, прощупывал деревянные перекрытия.

Блэр добралась до двери в маленький кабинет, о котором упоминал Шон, и потянула ее на себя. После нескольких попыток дверь подалась. Блэр подошла к окну. При свете, лившемся сквозь пыльное стекло с мутными подтеками в верхней части двери, можно было заметить, что и эта комната была такой же запущенной, как и все остальное помеще-

ние. Блэр почувствовала даже запах плесени, ударивший ей в ноздри.

Но вот мышей, разбежавшихся в разные стороны при ее появлении, Блэр никак не ожидала увидеть. Только ее отчаянный визг не позволил одному из зверьков вскарабкаться на ее ногу. Блэр продолжала визжать, когда пришедшая в ужас мышка развернулась и скрылась под батареей в дальнем углу.

— Блэр! — В голосе Шона слышалась неподдельная тревога. Он торопливо бросился к ней через завалы мусора.

А она стремглав вылетела из кабинета, совершенно забыв о той опасности, которой подвергает свои ноги.

— Будь осторожна, Блэр, — предупредил ее Шон. — Не надо... Подожди...

Высоким прыжком Блэр оказалась в его объятиях. Она обхватила его за шею, обвила ногами его бедра, крепко прижалась к нему и спрятала лицо у него на груди. Шон быстро шагнул в сторону на свободное пространство. Одной рукой он гладил Блэр по голове, а другой крепко прижимал к себе. Женщина дрожала. Ее судорожное дыхание грело ему шею.

— Тише! Все в порядке! Ты со мной. —

Гэрит бормотал еще какие-то нежные слова, уткнувшись в ее волосы. — Что там было? Змея? Паук? Крыса?

Она подняла к нему побелевшее лицо, на котором сияли расширившиеся от ужаса изумрудные глаза.

— Крысы? Господи! Нет, это, кажется, были мыши. Неужели там могли быть и крысы? — Ее передернуло, она крепко зажмурилась и снова уткнулась в его крепкую шею.

— Но ведь это были всего лишь милые маленькие мышки, и ты наверняка перепугала их до смерти своим визгом.

Блэр покачала головой:

— Я их просто не переношу. Маленькие зверьки с вытаращенными от страха глазами разбегаются кто куда. Кошмар! И эти их глазки-бусинки... Я никогда не могла понять, почему люди держат дома морских свинок, хомяков и прочую живность такого рода.

— Обещаю не дарить тебе никого меньше сенбернара, договорились?

Блэр вдруг осознала, что Шон произнес эти слова прямо ей в ухо, что его губы отодвинули прядь волос, ощутила их влажное

прикосновение на своей коже. Его усы ласкали ей шею, а зубы чуть покусывали кожу.

Блэр подняла голову и отодвинулась.

— Я чувствую себя просто душой. Надо же было так на тебя наброситься.

— Я не возражал против этого, можешь мне поверить. — В глазах Шона заискрились шуточные огоньки, а на губах появилась довольная улыбка.

И только тут Блэр осознала, в какой позе они стоят. Его руки придерживали ее за бедра и прижимали к себе. А ее скрещенные лодыжки находились на уровне его талии. Блэр густо покраснела, оценив всю двусмысленность позы.

— Я... Теперь все в порядке. Можешь меня отпустить.

— Никаких проблем, правда? — с детской наивностью поинтересовался Шон.

— Шон, я же говорю — все в порядке! — с угрозой проговорила Блэр, и он рассмеялся.

— Ладно, но позволь мне хотя бы вынести тебя отсюда. — Гэррит пронес ее до парадной двери и вышел со своей ношей на крыльцо. Блэр старалась избегать его взгляда. А Шон наслаждался каждым движением, ка-

ждым соприкосновением их тел. Переступив порог, он с сожалением опустил Блэр на цементный пол и повернулся, чтобы закрыть дверь. К тому времени, как он закончил, Блэр была уже на полдороге к грузовичку.

— Я должен был сам отнести тебя, а ты лишила меня этого удовольствия, — Шон старался говорить как можно серьезнее.

— Я тебе говорила, что со мной все в порядке. Если я не стану давать нагрузку ногам, то они не будут меня слушаться.

Блэр показалось, что Шон весьма витиевато выругался, но она все-таки уселась в кабину и захлопнула дверцу. Если он еще раз к ней прикоснется, она просто взорвется, разлетится на куски и никогда больше не станет прежней Блэр Симпсон. Если она позволит Шону прикоснуться к ней, как ей того хочется, она никогда больше не будет принадлежать самой себе. Она пропадет.

Шон завел мотор и начал спокойную беседу:

— Не волнуйся о ремонте. Через несколько дней ты это помещение просто не узнаешь.

— Я надеюсь, — отозвалась Блэр. Как он

может вести себя как ни в чем не бывало?! Неужели он не видит, что она дрожит мелкой дрожью от возбуждения? А может быть, для него обычное дело — держать женщин в объятиях, нашептывать им нежные слова, чтобы они таяли в его руках, забывая о пристойности, о морали, обо всем на свете, забывая самих себя?! Или после каждого обольщения Шон Гэрит идет дальше в блаженном неведении, словно ничего не произошло?

— И первым делом я расставляю кругом ловушки, чтобы избавиться от мышей.

— Спасибо за заботу, — как можно любезнее поблагодарила Блэр.

— Ты все еще хочешь есть или страх лишил тебя не только аппетита, но и чувства юмора? — поинтересовался Шон, когда грузовичок свернул на широкую аллею, ведущую к городскому парку. Блэр проигнорировала его замечание и сидела как каменная, когда машина въехала под развесистые ветви дуба и остановилась. — Завтрак подан, мадам, — Шон произнес это очень величественно, как хорошо вышколенный дворецкий.

— Пошел ты к черту, — ответила Блэр,

но уголки ее губ уже дрожали от усилий сдержать улыбку.

— Тише, тише, никаких грязных ругательств. А то я не смогу уважать тебя. А если я перестану испытывать к тебе уважение, тогда берегись! — Его палец пробежался вверх от колена по внутренней поверхности бедра Блэр. Она перехватила игривые пальцы, прежде чем они коснулись края шортов.

Ей так хотелось, чтобы ее голос звучал убедительно, когда она произносила следующие слова:

— Что ж, а я тебя вообще никогда не уважала.

Ей пришлось изо всех сил навалиться на дверцу грузовичка, чтобы выбраться наружу. Блэр чуть не вывалилась на сочную зеленую траву. Шон все еще смеялся, когда сел напротив нее за столиком для пикника, выложив пончики и поставив на стол пакет молока.

— Какой грациозный пируэт! А что ты исполнишь на бис? Не забудь только про свое колено!

Блэр тщетно старалась придумать достойный ответ, но так и не нашлась и очень расстроилась. Она рассмеялась вместе с ним.

Шон протянул Блэр покрытый глазурью пончик:

— Это вам, мисс! — Но заметив, что Блэр собирается отказаться, посмотрел на нее с угрозой.

— Ну если только половинку, — уступила она.

— Нет-нет, внутри взбитые сливки, а сверху шоколадная глазурь, так что придется съесть его целиком, — сказал Гэрит, откусывая внушительный кусок от своего пончика. — Другого выхода нет!

Блэр съела два и, к удовольствию Шона, облизала пальцы, испачканные глазурью. Когда они поели, Шон сбросил крошки на землю.

— К птицам ты отвращения не питаешь, надеюсь? А то у них тоже глазки-бусинки.

— Но они не бегают! И не пищат так мерзко!

— Это правда, — Шон улыбнулся и отряхнул руки. Они смотрели, как стайка воробьев накинулась на неожиданное угощение. — Как насчет молока? — поинтересовался он, открывая пакет.

— Только глоточек. У нас есть чашки?

— Чашки?! — Шон изобразил искренний

ужас. — Что за удовольствие от пикника, если есть как в гостях? — Он протянул Блэр пакет.

Она с подозрением посмотрела на оторванный угол и сказала:

— Я думаю, что он слишком велик для моего рта. Ну ладно — очень хочется пить. — Она сделала два больших глотка, прежде чем почувствовала, как молоко струйками потекло у нее по подбородку. Блэр опустила пакет и попыталась вытереть молоко ладонями.

Но ее пальцы перехватили сильные руки Шона. Он встал из-за стола и подошел к ней со словами:

— Позволь мне. — Гэррит словно зачарованный смотрел на две молочные ниточки, слившиеся в одну и прокатившиеся по ее груди, образовав крошечное сливочное озерко у нее на груди.

Шон долго смотрел на каплю, потом нагнулся и слизнул ее. Он услышал, как Блэр коротко, удовлетворенно вздохнула, и спрятал улыбку. Очень медленно Шон поцелуями собрал все молоко с ее кожи. Шон не торопился, он с наслаждением двигался вверх от

груди к шее, намеренно тратя больше времени, чем следовало бы.

После нескольких долгих минут он достиг ее рта, облизал ее губы, причиняя ей мучения тем, что не позволяет себе большего. Когда Шон оторвал голову, то услышал ее стон протеста.

— Все чисто, — с усмешкой объявил Шон.

Блэр казалось, что она вся кипит от желания. Пока рот Шона пробуждал инстинкты, дремавшие в ее теле, по ее коже пробежали электрические разряды. Все ее чувства невероятно обострились. И вот теперь Блэр чувствовала, что у нее нет другого пути. Она должна упасть в эту пучину, которая поглотит ее.

— Не совсем, — прошептала она и потянулась к нему. На его усах осталась крохотная крошка глазури. Она растаяла на кончике языка Блэр. Пораженная собственной смелостью, она легко провела языком по верхней губе Шона, дразня его своими прикосновениями.

Пальцы Шона сомкнулись крепче вокруг ее запястий, он подался вперед и прижался к ней. Его голос звучал глухо:

— Мисс Симпсон, если вы не из тех дамочек, что обожают заниматься любовью на столах для пикника, я предлагаю вам немедленно прекратить ваши попытки соблазнить меня.

Голова Блэр резко дернулась. Шон подмигнул ей, смачно поцеловал в раскрытый от изумления рот и заявил:

— И кроме того, у нас еще очень много работы. Сами видели! Так что не будем терять времени на глупости.

6

Им обоим и вправду было чем заняться, и следующая неделя пролетела очень быстро. Шону приходилось делить свое время между домом, над которым он работал, игровой комнатой Дельгадо и танцклассом. Он подобрал специалистов для каждого объекта и каждый день после обеда лично проверял, как они работают. Гэрит хотел быть уверенным в том, что их работа соответствует его высоким требованиям. Если Блэр не могла его сопровождать, то Гэрит давал ей полный отчет.

Обычно это происходило за ужином в

его доме, в ее квартире или в одном из великолепных ресторанов на побережье. Если Блэр и чувствовала некоторую неловкость из-за того, что проводит с Шоном слишком много времени, то она оправдывала себя тем, что все это исключительно в интересах дела.

Как-то вечером к ней зашли Пэм и Джо и принесли обещанный проигрыватель.

— Мы подумали, что тебе может понадобиться несколько дней, чтобы разобраться с ним, — пояснил Джо, внося технику в дом и устанавливая на кухонном столе.

— А где же дети? — спросила Блэр.

— Они дома под присмотром Эндрю. Когда нас нет рядом, он правит ими как настоящий тиран, так что нам придется вернуться сразу, пока они его не убили. Мы записали Мэнди на твои занятия по понедельникам и средам.

— Мне кажется, ко мне записались все девочки этого города, — ответила Блэр. Она рассказала им, что ее телефон начал звонить не переставая, как только в местной газете появились первые объявления. Пересуды тоже стали неплохой рекламой для ее студии. — Женщины тоже записываются. При-

дется ограничить запись, иначе мне вообще не уйти из зала. Все женщины просто с ума посходили, как только раньше они жили без танцев?!

— Я знала, что эта идея просто ниспослана свыше, — сказала Пэм. — Значит, ты начинаешь через три дня. А зал уже будет готов?

— Шон клянется, что все будет готово. Все получается гораздо лучше, чем я смела надеяться.

— Только Шон смог справиться со всем этим хаосом за такое короткое время. Он ведет себя просто как надсмотрщик над рабами, но люди, которые на него работают, готовы пойти в огонь и в воду по его призыву, — заметил Джо.

— Ты выглядишь отлично, — отметила Пэм. — Как твои колени?

— Они становятся крепче с каждым днем.— Каждое утро Блэр выполняла предписанные упражнения, а после обеда отдыхала, устраивала для ног теплую ванну и лежала, подняв их повыше. — А ты не передумала мне помогать? Если я покажу тебе нужные па, ты, я думаю, сможешь вести занятия. Мы

с тобой продумаем программу занятий, у меня есть идеи.

— Я не могу дождаться, когда ты начнешь занятия!

В этот момент дверь приоткрылась, и в дверь просунул голову Шон.

— У меня только два чизбургера, два пакетика чипсов и два молочных коктейля — шоколадный и ванильный. Но мы готовы поделиться? Правда? — с озорной улыбкой обратился он к Блэр.

Блэр торопливо подошла к нему и взяла у него из рук пакет с едой. Шон обменялся рукопожатием с Джо. Дельгадо решил объяснить:

— Мы с Пэм уже уходим. Мы оставили тушеное мясо в духовке и кучу беспокойных детей дома.

— Тушеное мясо! — Шон облизнулся. — О детях я уж не говорю!

— Я бы поменяла порцию жаркого на чизбургер, только бы съесть его спокойно без детей, — заявила Пэм, вопросительно глядя на Гэрита. Но Шон и Блэр не поддержали ее смелое предложение. — Не могу вас за это

винить, — со вздохом согласилась мать семейства.

Дельгадо ушли, но Пэм успела заговорщически подмигнуть Блэр. Та сразу поняла значение этого подмигивания. Она отлично знала, что они с Шоном стали предметом горячего обсуждения в городе и романтические сердца ждут продолжения истории.

Сплетники были бы разочарованы, если бы узнали, как обстоят дела на самом деле. После завтрака в парке Шон ни разу не прикоснулся к ней, если того не требовала элементарная вежливость. Никаких сексуальных намеков, никаких разговоров по душам, никаких романтических сцен. Он обращался с ней как с хорошим и добрым другом или партнером по бизнесу.

Каждый вечер после совместного ужина Шон легко целовал ее в щеку на пороге дома, словно добрый столетний дядюшка, но никакого страстного продолжения не следовало. Блэр говорила себе, что просто счастлива тем, что Шон наконец пошел навстречу ее желаниям. Но ей вдруг оказалось очень сложно сконцентрироваться даже на простейшей задаче. Когда она целиком и полностью отдава-

лась своим тренировкам, над ухом словно продолжал звенеть какой-то назойливый комар. И в душе появилась тревожная неуспокоенность, с которой Блэр никак не удавалось справиться.

Шон, как и обещал, подготовил зал к началу занятий вовремя. Вечером накануне открытия он повез Блэр посмотреть все в последний раз. В зеркальной стене отразилось ее изумленное лицо. Зал совершенно преобразился. Пол, отделанный так, как это необходимо в танцклассе, сверкал. Станок, заказанный в городе, расположился у стены именно так, как просила Блэр. Отделанные плиткой душевые и раздевалки сверкали. В кабинете появился небольшой стол, шкаф, легкое кресло и телефон.

— И здание на сто процентов свободно от мышей, — добавил Шон, открывая дверь кабинета.

Блэр справилась наконец с оцепенением и едва сумела пролепетать:

— Шон... Это даже... слишком. Мне хотелось что-нибудь удобное, но это просто люкс. Я никогда не работала в такой великолепной студии на Манхэттене.

— Я уже говорил тебе раньше, что это вложение денег, — Шон пожал плечами. — Я просто трезво планирую свое будущее.

Блэр не стала возражать. Если он намеревался разжечь ее энтузиазм и увлечь новым делом, то ему это удалось. Блэр не могла дожидаться завтрашнего утра и своего первого занятия.

К тому моменту, когда первый урок закончился, ее энтузиазм угас, и Блэр была готова признать себя побежденной. Ей пришлось иметь дело с двадцатью пятью возбужденными малышками и двадцатью пятью заботливыми мамашами.

— Ты, наверное, пошутила, когда обещала, что это мне понравится, — пробормотала она, обращаясь к Пэм, рухнувшей в кресло в ее крошечном кабинете. Блэр мысленно поблагодарила Шона за его предусмотрительность. Именно он сообразил поставить еще одно кресло для посетителей.

Пэм засмеялась и повернулась к Мэнди, которая стояла рядом, чтобы привести в порядок волосы дочери после занятий.

— Подожди, вот к тебе придут тридцать пять бесформенных толстух, мечтающих за

две недели стать такими же стройными, как и ты. Здесь они потанцуют, а потом отправятся домой к своим заначкам шоколадных батончиков. — Пэм никак не могла справиться с резинкой на конце косички Мэнди. — Что ты делаешь? — обратилась она к подруге.

— Пишу объявление, — со вздохом ответила Блэр, ставя последнюю точку маркером на белоснежном куске картона. Она повернула надпись лицом к Пэм.

— «Мы будем рады видеть мам каждое первое занятие месяца. В остальные дни просьба оставлять детей у входа. Благодарю вас. Блэр Симпсон», — вслух прочитала Пэм. — Ты быстро учишься, малышка. Хвалю!

Блэр и вправду многому научилась за следующие две недели. Ей пришлось напоминать взрослым женщинам, что нельзя болтать, когда выполняешь сложные упражнения. Она узнала, что дети не могут танцевать без жевательной резинки во рту, и потом она обязательно оказывается у них в волосах или на полу. Блэр не смущали маленькие неприятности, когда девочки не успевали добежать до туалета и там быстро справиться со свои-

ми трико. Она узнала, что женщины могут становиться мегерами, если запретить им приносить термосы с кофе в танцзал.

Каждый вечер за ужином, который теперь всегда проходил в компании Шона, Блэр пересказывала ему новости. При этом глаза у нее горели, она оживленно жестикулировала. Она даже не представляла, насколько счастливой выглядит, как редко вспоминает про свои колени, которые, вопреки ее опасениям, почти не причиняли ей неприятностей, когда она осторожно демонстрировала па. Потом Блэр буквально падала в постель и засыпала спокойным сном усталого, но довольного собой человека. И каждое утро она вставала с радостью и принимала вызов следующего дня.

Ближе к вечеру в пятницу, когда она уже запирала дверь после последнего урока, она заметила, что Шон ждет ее в «Мерседесе», припаркованном у тротуара. Блэр помахала ему рукой и пошла навстречу по дорожке, а не по траве, которая благодаря постоянной заботе Шона наконец начала оживать.

— Почему ты так задержалась? — крикнул Гэррит через спущенное окно машины.

Блэр не сомневалась, что все уходившие с занятий женщины заметили его машину.

— Я принимала душ последней — вот и задержалась.

— Ты любишь шампанское?

— Только если оно очень холодное, — уточнила Блэр.

— Тогда тебе крупно повезло. Бутылка простояла во льду целый день. — Шон вышел из машины, подошел к Блэр, галантно взял ее под руку и подвел к «Мерседесу». — Пэм пообещала, что попросит Джо отогнать твою машину домой. Сегодня у нас праздник, и мы отметим его пикником на берегу океана.

— Чему обязана такой высокой честью?

— Тому факту, что, как это ни удивительно, ты остаешься в трезвом уме после двух недель занятий с девочками и дамами городка Тайдлэндс, — шутливо пояснил Шон, заводя мотор и выезжая со стоянки. Он был в шортах и футболке. Закатное солнце играло на тонких волосках, покрывавших его тело.

— Согласна, эту дату стоит отметить. Но тебя не смущает, что дама, которую ты пригласил на свидание, одета подобным образом? — После душа Блэр надела легкую блуз-

ку и джинсовую юбку на пуговицах. Ее волосы все еще были влажными. Блэр решила дать им возможность высохнуть без помощи фена. Последнее время она должна была быть в неизменной форме каждый день, а это требовало и времени, и усилий.

Шон изучающе взглянул на нее, скосив глаза.

— Нет, меня это не смущает. — А когда Блэр строго посмотрела на него, он рассмеялся и ответил: — Ты же знаешь, что для меня ты всегда красавица. — Гэррит протянул руку и положил ладонь на колено Блэр.

И их обоих немедленно пронзило ударом тока, дошедшим до их сердец. Шон впервые прикоснулся к ней подобным образом после нескольких недель, когда он вел себя исключительно корректно. И это прикосновение мгновенно возродило напряжение и страсть, которые они оба тщетно пытались побороть.

— Как твои ноги? — спросил он.

— Отлично, — глухо ответила Блэр и закашлялась. — Вчера я говорила с врачом. Он одобрил мой режим и сказал, что мне следу-

ет продолжать наши занятия. Он назначил мне консультацию через месяц.

Пальцы Шона чуть сжали ее колено, потом с явной неохотой легли на руль. Машина свернула на подъездную аллею, ведущую к дому на берегу, выстроенному в викторианском стиле, с верандой по всему периметру, башенками по углам и филигранной деревянной резьбой.

— Это один из тех домов, что я отреставрировал на продажу. Владельцу принадлежит эта часть пляжа, но он разрешает мне приезжать, когда их нет дома. Хозяева сейчас в Европе, так что уединение нам гарантировано.

Шон так произнес эти простые слова, что сердце Блэр вдруг замерло, а потом забилось, словно птица в клетке. Закат окрашивал пейзаж всеми оттенками синего. Океанский бриз охладил ей щеки, как только Блэр открыла дверцу машины и вышла.

— Не так быстро, — окликнул ее Шон, когда женщина толкнула калитку, ведущую на участок. — Мне не унести все это одному.

— Господи, сколько же ты всего набрал?!

Шон взял с собой плед, корзинку для

пикника и даже пластмассовое ведро со льдом.

— Ты не могла бы взять плед и корзинку? Эта штукавина слишком тяжелая, — он кивнул головой на ведро.

— Ведро? — удивилась Блэр.

— Нет, — сухо ответил Шон. — Его содержимое. Там две бутылки шампанского.

— Две?

— Совершенно верно. Я собираюсь напоить тебя и воспользоваться твоей беспомощностью.

Блэр весело рассмеялась и направилась к калитке. Они обогнули дом и пошли к пляжу по тропинке среди высокой прибрежной травы. Шон расстелил плед на песке, и Блэр устроилась на нем, вытянув перед собой ноги. Разместив все принесенное, Шон и Блэр расслабились, с удовольствием вдыхая терпкий соленый воздух.

— Нет ничего прекраснее природы, — восхищенно произнес Шон. Его воодушевление привело к неожиданному результату. Он стащил через голову футболку, потом снял кроссовки, затем настала очередь шортов. И к

изумлению Блэр, освободившись от них, Шон предстал перед ней абсолютно голый!

Блэр задохнулась, потеряла дар речи. При виде его великолепной фигуры у нее из легких как будто выкачали весь воздух. Все тело Гэрита казалось сплошным переплетением мускулов. Светлые вьющиеся волосы, золотистой паутиной покрывавшие загорелое тело, спускались тонким ручейком по плоскому животу и растекались густой порослью, охватывающей чресла. Природа щедро одарила Шона мужской статью — мощный член и под ним два хранилища зрелости и силы.

Прикованная к месту, Блэр смотрела на протянутую к ней руку.

— Присоединишься ко мне?

Блэр покачала головой, все еще ошеломленная. Шон не настаивал. Вместо этого он развернулся и направился к полосе прибоя. Блэр крикнула ему в спину:

— Не сейчас.

Шон вошел в сверкающую воду с естественностью морского бога. Кружевные волны прикасались к его щиколоткам и икрам благоговейными поцелуями. Гэрит нырнул под

набегающую волну, которая приняла его, как истомившаяся в ожидании любовница. Вскоре Блэр увидела мощные взмахи его рук за полосой прибоя. Шон плыл прочь от берега. Возвращаясь назад, он расслабился и позволил прибою нести его.

На мелком месте Гэрит встал и, сложив руки рупором, позвал Блэр:

— Иди сюда! Вода замечательная.

Блэр покачала головой и нашла в себе силы крикнуть в ответ:

— Слишком холодно.

И только потом она осознала, что даже не смотрела ему в лицо. Ее глаза были прикованы к потемневшим от воды волосам, сбегаящим от живота вниз к тому, что было скрыто водой. В свете сумерек эта часть его тела то появлялась, то исчезала в набегающих и отступающих волнах. Прибой как будто дразнил Блэр, то демонстрируя, то снова пряча сокровище.

Когда Шон вышел на берег и бегом направился к пледу, Блэр отвернулась и проворговала что-то невразумительное о красоте заката. Шон тяжело дышал после плавания, а Блэр совсем по другой причине. Но ей

стало легче, когда она боковым зрением увидела, что Шон натягивает шорты. Она с облегчением выдохнула воздух, услышав звук застегивающейся «молнии».

— Да, это было здорово. — Он провел рукой по мокрым волосам. — А теперь я проголодался. А ты?

Проголодался? О чем он говорит?! Внутри Блэр все стонало, но не от того голода, который имел в виду Шон. Никогда, доживи она хоть до ста лет, ей не забыть, как он выглядел в лучах заходящего солнца. Бронзовое тело, которое могло вдохновить скульптора или художника. Даже когда он был одет, Блэр видела красоту его тела, при одном взгляде на Шона у Блэр захватывало дыхание. А обнаженный он потряс ее воображение и возбудил нестерпимое желание.

Чтобы скрыть чувство неловкости, Блэр беспечно спросила:

— А что у нас на ужин? — Она смотрела куда-то мимо плеча Шона, пытаясь избежать пронизательного взгляда его синих глаз.

— Салат с омарами, яйца со специями, французский длинный батон, острый гарнир

из маринованных овощей и пирожные с клубникой.

— Это настоящее пиршество! Только не говори, что все приготовил сам.

— Мне бы очень хотелось быть настолько хорошим поваром, но увы. Это шеф-повар из ресторана «Лайтхауз» собрал для меня корзинку. — Шон вынул бутылку из ведерка со льдом и отряхнул прилипшие к ней льдинки. — Но начнем мы все-таки с шампанского.

Шон ловко оборвал фольгу, отогнул проволоку и вынул пробку из бутылки. Тонкий аромат дорогого шампанского волновал ноздри, рождая предвкушение удовольствия. Шон вынул из корзинки два бокала на тонких ножках и наполнил их, потом поставил бутылку обратно в ведерко.

Он прикоснулся своим бокалом к бокалу Блэр.

— За самую изящную, самую красивую, самую... сексуальную учительницу танцев, которую мне доводилось встречать.

Блэр рассмеялась, но приняла тост, поблагодарив Гэрита величественным кивком. Они оба сделали глоток и одновременно вздохнули от удовольствия, наслаждаясь хо-

лодным напитком. Шон нагнулся к ней и запечатал влекущие алые губы поцелуем:

— Поздравляю с хорошо сделанной работой.

— Спасибо.

В поцелуе не было жадной страсти, а лишь щемящая нежность, от которой у Блэр заныли соски. Шон оторвался от ее губ слишком быстро.

Она помогла ему разгрузить корзинку, и они набросились на изысканные деликатесы, как голодные волки. Первая бутылка шампанского опустела за несколько минут. Они почти закончили вторую, когда Блэр, слизав последние крошки пирожного со своих пальцев, со вздохом удовлетворения растянулась на плече. Она была сыта.

— Я сейчас лопну, — протянула она, поглаживая живот.

— Отлично, — спокойно отозвался Шон. Собрав все в корзинку, он лег рядом с ней.

Блэр повернула голову и взглянула на него.

— Все было восхитительно. Спасибо тебе! Здесь просто замечательно — настоящий рай!

— Это ты замечательная, — с нажимом произнес Шон. — Ты замечательно выгля-

дишь, у тебя замечательный голос, и ты замечательная на вкус. — Он преодолел несколько дюймов, разделяющих их, и прижался к ее губам в страстном поцелуе. Возможно, голод желудка они утолили, но голод чувств остался неутоленным у них обоих.

Шон наслаждался ртом Блэр, как экзотическим фруктом, созданным только для него. Ее пальцы погрузились в его пшенично-серебристую шевелюру, она наслаждалась прикосновением к завиткам волос на шее, ерошила их, накручивала на пальцы. Блэр не давала ему поднять голову и оторваться от ее губ. Она прильнула к Шону всем телом, вдыхая исходящий от его кожи аромат солнца, моря и ветра. Блэр отвечала на поцелуй Шона, гладя его широкие плечи.

Когда они оторвались друг от друга, им обоим не хватало воздуха. Им пришлось приложить усилия, чтобы сфокусировать взгляды, затуманенные страстью.

— Мне так хотелось поцеловать тебя все эти недели, Блэр. Боже, как же мне было трудно не прикасаться к тебе. — Произнося эти слова, Шон легко покусывал кончики ее пальцев, лаская подушечки языком.

— Так почему же ты не прикоснулся ко мне?

— Я не хотел давить на тебя. Ты не была к этому готова.

— И ты думаешь, что я готова сейчас? — Голос Блэр снизился до шепота, потому что Шон дотронулся языком до нежной кожи между пальцами.

— Если нет, то смилуйся надо мной, Блэр. Я умираю от желания. Будь милосердна!

Он снова поцеловал ее, и его рука, пустившаяся путешествовать по ее телу, заставила Блэр задрожать от предвкушения.

— Тебе холодно? — забеспокоился Шон.

— Немного.

— Сядь-ка, — Шон помог ей сесть между его поднятыми коленями. Блэр оперлась на его обнаженную грудь. Он накинул ей на плечи свою футболку и притянул Блэр к себе. — Ты такая хрупкая и маленькая, — прошептал Шон. Его язык очень эротично коснулся крошечной впадинки за ее ухом. — Ты не сломаешься, если я буду любить тебя?

— Мы этого не узнаем, пока не попробуем, правда? — Блэр взяла его руку и положила себе на грудь. — Прикоснись ко мне, Шон.

Блэр сама не понимала, откуда взялась у нее эта смелость. И не знала, куда подевалась ее привычная осторожность и трезвый ум. Она осознавала только одно — ее крепостная стена, столь тщательно возводимая, начинает рушиться. Ее прошлое больше не имело для нее никакого значения. Пропади он пропадом, этот Коул, если воспоминание о нем мешает ей любить Шона. В это мгновение Блэр не желала помнить о том, кто она и кто он, что их жизни никак не связаны, что они совершенно разные люди. Ей было необходимо, чтобы Шон касался ее, чтобы он утолил желание, мучившее ее с самой первой их встречи, чтобы заполнил пустоту, зияющую у нее внутри. Только это и имело сейчас значение.

Его пальцы легли ей на грудь, принимая ее дар, и начали ласкать ее легкими движениями.

— Ты обворожительна. Восхитительна. — Блэр чувствовала себя обнаженной, тонкая ткань ничего не скрывала. Шон чуть приподнял ее, целуя в шею, наслаждаясь ее кожей.

— Я снова хочу увидеть тебя, — прошептал он, а большие пальцы его рук ритмично

поглаживали ее соски, завораживая, гипнотизируя, сводя с ума. — Когда я раздевал тебя той ночью, они были твердыми, как камешки. Это из-за того, что я смотрел на тебя? — Блэр кивнула, прислонилась головой к его плечу. Шон легонько дунул на волоски, вившиеся по ее грациозной шее.

— Я хочу посмотреть, как они будут наливать желанием от моего прикосновения. Я хочу целовать их, попробовать их на вкус, ощутить их на языке, взять их в рот, прижаться к ним лицом.

Блэр застонала, когда требовательная рука проскользнула под ее блузку, чтобы получить то, о чем говорили его слова. Прикосновение его ладони огнем обожгло ее прохладную кожу. Сосок напрягся между его пальцами. Блэр нашла рот Шона, такой же жадный и требовательный, как и ее собственный. Их языки сплелись в схватке, где не было побежденных. Его рука продолжала ласкать Блэр очень нежно, не причиняя боли.

Их поцелуй стал глубже, Шон осторожно лег на спину и потянул на себя Блэр. Он лишь заменил одно удовольствие на другое. Одна его рука ласкала шелковистые темные

волосы, а другая гладила атласное бедро, про-
бравшись под юбку. Блэр задержала дыхание,
когда его пальцы коснулись краешка ее тру-
сиков, и с облегчением вздохнула, когда ее
одеяние не стало препятствием для ласк Шо-
на. Сильные руки проскользнули под резинку
и легли на округлые упругие ягодицы.

Оторвавшись от его ненасытного рта,
Блэр спросила:

— Шон, зачем ты раздевался передо
мной?

Он прерывисто дышал, но ответил:

— Мне захотелось заставить тебя хоть
как-то прореагировать. Спровоцировать те-
бя, чтобы ты ответила мне. Я хотел посмот-
реть, влечет ли тебя ко мне. Так ты хочешь
меня?

Блэр опустила голову, прижимаясь к гру-
ди Гэрита. Его уязвимость тронула ее.

— Да, да, — прошептала она, а ее губы лас-
кали соленую от морской воды кожу. — Ты
прекрасен. Я всегда это знала. У тебя не было
необходимости соблазнять меня таким обра-
зом. Разве ты не знал этого?

— А ты хотя бы догадываешься, насколь-
ко я хотел тебя, Блэр? Знаешь ли ты, что мое

тело не давало мне ни минуты покоя с тех пор, как я впервые увидел тебя? — Шон чуть изменил положение и резким голосом спросил: — Знаешь ли ты, как сильно я хочу оказаться сейчас внутри тебя?

Могла ли Блэр отрицать очевидное, когда его рука лежала на ее ягодицах, между ними не осталось ни дюйма и она ощущала, как его тело напряглось от желания?

Блэр шевельнулась, заставив Шона задохнуться:

— Мне кажется, я догадываюсь. — Инстинкт руководил ею. Она чуть потерлась о тело Шона.

— О боже... — простонал он. Его голова откинулась назад, глаза закрылись. — Блэр, ради всего святого, не делай больше так. Я хочу заняться с тобой любовью, но не здесь. Идем.

Шон помог ей подняться, ловкими, торопливыми движениями собрал вещи и широким быстрым шагом двинулся к машине. Блэр едва успевала за ним. Ветер трепал ему волосы, вечерний воздух охлаждал кожу, но он не обращал ни на что внимания. Гэрит двигался к «Мерседесу» с целеустремленностью

человека, одержимого одним-единственным желанием.

Как только все вещи оказались на заднем сиденье, Шон завел мотор. Блэр свернулась клубочком рядом с ним. Ее голова лежала на его плече, рука на бедре. Ее пальцы сжимались и разжимались, становясь тем настойчивее, чем ближе они подъезжали к дому.

— Тебе лучше прекратить это, — предупредил Шон, когда они проскочили на красный сигнал светофора.

— Или что будет? — шепотом поинтересовалась Блэр.

Шон схватил ее руку и прижал к своему пенису, позволяя Блэр убедиться, насколько трудно ему контролировать себя.

— Если тебе хочется что-нибудь приласкать, то приласкай его. Он просто умоляет об этом.

На мгновение Блэр застыла, напуганная его откровенным жестом. Но, когда первый шок прошел, она не нашла достаточных оснований убрать руку. Ее пальцы довели Шона почти до безумия.

— Это для меня слишком, — признался он. — Слава богу, мы уже дома.

Машина свернула на подъездную аллею. Увиденное поразило их и совсем не обрадовало. У лестницы, ведущей в квартиру Блэр, стояли две многоместные машины, полные народа. На машинах в разных позах тоже развалились люди. Кто-то устроился на ступеньках, кое-кто облюбовал перила. В ночном воздухе звучали разговоры и смех. Создавалось полное впечатление, что цыганский табор разбил здесь свою стоянку.

И это было недалеко от истины.

Шон смачно выругался.

— Что, черт побери, происходит?

Блэр согнала с лица выражение крайнего изумления и рванула дверцу.

— Это мои друзья, — выдохнула она и, пряча глаза от Шона, открыла дверцу и громким радостным криком, совершенно не соответствовавшим ее настроению, приветствовала приехавших.

Какой-то молодой человек поднял ее в поддержке над головами, и Блэр буквально перелетала от одного к другому, здороваясь и обнимая друзей. Ее приехали навестить человек двенадцать-пятнадцать. Блэр никак не

могла их пересчитать, потому что никто не стоял на месте.

— Где ты пропадала?

— Мы ждем тебя несколько часов.

— Почему у тебя ноги в песке?

— Надеюсь, мы тебе не помешали?

На нее с частотой автоматной очереди обрушились вопросы и комментарии.

— Уф, — Блэр провела пальцами по спутанным волосам. — Мы с Шоном поехали на пикник после занятий, чтобы отпраздновать... Ах да, это Шон Гэрит, мой домо... мой друг.

Она указала на Шона, который с напряженным выражением лица прислонился к «Мерседесу». Глаза всех присутствующих обратились к нему, посыпались приветствия. Шон поздоровался без всякого энтузиазма.

— Что ж, теперь мы продолжим вечеринку, которую вы начали на берегу. Веди нас, — приказал один из молодых людей. Он положил ладонь на ягодицы Блэр и подтолкнул ее к лестнице.

Несколько недель назад она на такой жест даже внимания бы не обратила. А теперь Блэр залилась румянцем и только на-

деялась, что Шон этого не заметил. У двери она стала рыться в поисках ключа.

Когда кончился поток хвалебных отзывов о ее новом жилище, Блэр увидела, что Шон не присоединился к ее гостям.

— Шон, пожалуйста, поднимайся, — крикнула Блэр.

— Мне бы не хотелось вам мешать. — Но почему его голос звучит так холодно и отстраненно, хотя еще несколько минут назад он буквально сгорал от охватившего его желания?

— Ты нам не помешаешь, прошу тебя.

— Ладно, иду.

Блэр хотела подождать Шона у двери, но кто-то из приехавших втащил ее в квартиру, донимая вопросом, где у нее стоят стаканы. Бутылки с вином, уже открытые и, судя по настроению собравшихся, наполовину уже опустошенные, переходили из рук в руки. За ними следовали кусочки сыра, коробки крекеров, упаковки копченых устриц.

— Ну и как тебе живется в этом захолустье? — спросил кто-то, криком перекрывая грохот стереосистемы, которую уже успели настроить на волну новомодной музыки.

— Просто отлично, — крикнула в ответ Блэр, улыбаясь. Но где же Шон? Ага, вот он, с насмешкой смотрит на парня с прической как у панка, в маечке на тоненьких бретельках и красных шароварах. Блэр хотелось объяснить Шону, что этот парень на самом деле потрясающий танцор. — Я веду танцевальные занятия, представляете?!

Все разразились совершенно неуважительным хохотом.

— С кем ты занимаешься? С толстыми домохозяйками и их ненаглядными чадами? — Этот комментарий сопровождался новым взрывом почти истерического веселья.

— Да, я веду занятия для детей и домохозяек, — Блэр как будто оправдывалась. — Но это очень здорово. Всем очень нравится. Некоторые...

— О господи! — Одна из женщин прижала ладони к ярко покрашенным щекам. — Наша Блэр превратилась в настоящую училку.

Все снова закатились от хохота. Блэр вдруг почувствовала, как ее собственная радостная улыбка вянет.

— Не так важно, чем ты занимаешься здесь, Блэр, если это никак не повредит твоей

карьере в Нью-Йорке, — мудро рассудил один из парней. — Это уже в крови, ты же знаешь. Когда я не смогу больше танцевать, я покончу с собой.

Блэр быстро оглянулась на Шона, стоявшего возле окна. По выражению его глаз она поняла, что он не стал бы мешать молодому человеку исполнить свое намерение сию же минуту.

— Я не собираюсь заниматься этим всю жизнь. — Она отвернулась от Шона. — Это — дело недолгого времени. Мой доктор сказал...

— Да что они, эти доктора, черт побери, вообще знают?

— Точно, разве они когда-нибудь танцевали? Им разве приходилось лежать полгода, а потом снова набирать форму?

— Я уж не говорю о том, что вся карьера Блэр тем временем летит коту под хвост, — раздался чей-то звонкий голос. — Как ты думаешь, насколько короткая память у продюсеров? Полгода? Забудь об этом! Через шесть месяцев они станут спрашивать: «Кто такая эта Блэр Как-ее-там?»

— Нет, подождите-ка минутку. — К Блэр

подошел самый молчаливый молодой человек и обнял ее. — Они просто завидуют тебе, Блэр. Вот и все. — Он обвел рукой окружающих. — Ты скоро вернешься и будешь танцевать еще лучше, чем прежде.

Блэр потянулась к нему и чмокнула в щеку:

— Спасибо. Я очень надеюсь на это.

— Я знаю, что так и будет.

На мгновение в комнате воцарилась тишина, никто не спешил выразить свое согласие. Блэр с трудом сглотнула вдруг появившийся в горле ком тревоги и весело продолжала:

— Ладно, выкладывайте все новости.

Следующие полчаса в разговоре больше не возникало никаких мрачных тем. Гости рассказывали о том, что произошло после ухода Блэр, вспоминали старые приключения. У Блэр вдруг возникло странное ощущение, что она больше не чувствует себя своей среди них. Эти люди, с которыми ее столько связывало, вдруг показались ей невероятно молодыми, незрелыми, неоперившимися. Они были сосредоточены только на себе, погружены только в свои проблемы. И Блэр неожиданно

стало скучно. Они говорили только об одном — о танцах.

На Шона никто не обращал внимания, и он не старался привлечь его к себе. Гэриту порой казалось, что у него вот-вот треснут зубы, так сильно он сжимал челюсти. Пальцы сами собой сжимались в кулаки. Ему хотелось одним движением очистить комнату от этих незваных гостей и согнать это затравленное, испуганное, печальное выражение с лица Блэр.

Наконец кто-то напомнил остальным, что пора двигаться обратно в город, и вечеринка была закончена. Некоторые обнимали Блэр, желали ей скорейшего выздоровления и просили пообедать или поужинать с ними, когда она приедет в Нью-Йорк. Другие, более толстокожие, просто сбежали вниз по лестнице, стараясь занять в машинах место поудобнее. Под веселые крики пассажиров и переливчатые трели клаксонов автомобили выкатились за ворота. Уезжавшие предложили Шону и Блэр продолжить вечер, который они начали пикником на пляже.

Когда Блэр вернулась в квартиру, то обнаружила, что Шон тоже ушел, оставив ее

одну. А она даже не заметила, когда это случилось. Но это Блэр устраивало. Никогда в жизни она не чувствовала себя такой одинокой. Несколько минут Блэр бесцельно бродила по квартире, ни о чем не думая, ничего не делая, не обращая внимания на окружающий ее разгром. Именно такой ей виделась в это мгновение ее собственная жизнь.

У нее никого нет. У нее ничего нет. Эта псевдожизнь, которую она ведет в Тайдлэндсе, всего лишь обман, мираж. Она не принадлежит этой жизни. И никогда не сможет принадлежать. У нее есть только одно. Только одна вещь в ее жизни постоянна.

Преисполненная решимости, Блэр схватила сумочку и быстро сбежала по ступенькам. Ее машину Джо подогнал к дому, как Пэм и обещала Шону. Блэр уселась за руль и на полной скорости помчалась к своей студии. Ей даже не пришло в голову, что находиться одной в пустынном здании ночью может быть опасно.

Она быстро отперла дверь, прошла в свой кабинет и включила проигрыватель, стоявший на столе. Сорвав с себя юбку, она натянула трико, которое она держала на вся-

кий случай в ящике стола, надела балетные туфли и аккуратно завязала ленты вокруг щиколоток. Блэр подошла к станку и сделала несколько разминочных упражнений. На натертый паркет падал только свет из открытой двери ее кабинета.

Ее тело покрылось тонкой паутиной пота. Она выбрала пластинку и поставила на проигрыватель. Заняв исходное положение у зеркальной стены, Блэр начала двигаться в такт музыке. Сначала темп был медленный и размеренный, но он все нарастал, и вот уже Блэр летала бешеным вихрем по пустому залу.

— Что, черт побери, ты здесь делаешь? — гулко раздался в пустом зале мужской голос.

Блэр не остановилась, ее отточенные движения не сбились. Она не стала оправдываться или извиняться, а просто ответила Шону:

— Я делаю то, для чего родилась.

7

Шон, встревоженный яростным темпом танца Блэр, метнулся к проигрывателю и поднял звукосниматель. Музыка резко смолкла. Наступила гнетущая тишина.

Блэр, выполняя серию фуэте, закружилась все медленнее, как балерина из музыкальной шкатулки, и наконец остановилась. Несколько мгновений она стояла не шевелясь, опустив руки, нагнув голову, воплощение смиренного отчаяния. Когда женщина подняла голову, Шон увидел, что по ее щекам струятся слезы — две едва заметные мокрые дорожки в луче света, падавшем из открытой двери ее кабинета.

— Не останавливай меня, — попросила она, разом потеряв всю свою гордость. — Я должна танцевать. Сейчас, именно в эту минуту. Прошу тебя.

— Тебе нельзя танцевать с такой нагрузкой. Это опасно!

Блэр обняла себя руками и чуть согнула колени.

— Мне больно сейчас, — выкрикнула она.

Шон смотрел на нее со смешанным чувством. Никогда еще Блэр не казалась ему такой красивой. Волосы покрывали ее голову и плечи словно шелковый шарф. Зеленые глаза, полные слез, казались глазами обиженного ребенка, и Шону захотелось пожалеть ее.

Она так отчаянно пыталась не обращать внимания на очевидные факты.

И в то же самое время сердце Шона переполняла ярость. Как могла Блэр позволить кучке идиотов испортить ее такое хрупкое счастье? Ему хотелось подойти к ней, взять ее за плечи и хорошенько потряхнуть, чтобы она поняла, что мнение ее так называемых друзей не имеет никакого значения. Но сердце Шона вдруг наполнилось такой любовью к этой женщине и желанием ее защитить, что его пронизала дрожь. Его сила ничего не значит, если он окажется не в силах помочь Блэр. Гэрит почувствовал свою слабость и испугался.

— Что ты хочешь, чтобы я сделал? — спросил он хриплым шепотом.

— Поставь иглу на начало третьей части и помоги мне.

— Помочь тебе?

— Танцуй со мной.

В другое время Шон просто расхохотался бы ей в ответ. Уж кем-кем, а танцором он точно не был. Шон Гэрит был лесорубом, докером, подсобным рабочим на нефтепромысле, игроком в футбол, борцом, но только не

танцором. Но жалобный голос Блэр прогнал желание засмеяться. Шон ощутил лишь глубокую грусть из-за того, что именно в этом он не в силах ей помочь.

— Блэр, я не могу. Я даже не представляю...

— Я помогу тебе. Тебе только нужно будет поддержать меня и поднять.

Шон вытер вспотевшие вдруг ладони о шорты:

— Я могу уронить тебя.

— Нет, — Блэр покачала головой. — Ты меня не уронишь. Я в этом уверена. Пожалуйста, помоги мне.

Перед этой просьбой, идущей из самой глубины души, Шон не мог устоять.

— Ладно, я согласен, — услышал он свой собственный голос. Мужчина поставил иглу на конец второй части, чтобы дать себе время вернуться к Блэр.

Она стояла в пятой позиции и подсказывала Шону:

— Встань сзади. Первые три минуты танцую только я. Просто следуй за мной. Я дам тебе знать, когда тебе надо будет приблизиться и поднять меня.

Комнату заполнили божественные звуки музыки Рахманинова, Блэр начала танцевать. Она скользила вокруг Шона, превратившись в ту, кого она изображала. Балерина превратилась во влюбленную женщину — чувственную, агрессивную, танцующую для своего любовника. Каждое ее движение было отточенным, совершенным и вдохновенным, грешным и соблазнительным.

— Сейчас, когда я приближусь вплотную к тебе, обними меня за талию и наклони, чтобы я могла коснуться руками пола.

Шон затаил дыхание. Он страшно боялся сделать что-нибудь не так, но несказанно удивился, когда его мощная рука в нужный момент подхватила Блэр. Инстинкт подсказал ему, когда помочь ей подняться. Она снова унеслась в танце прочь от него.

— Когда я вернусь, положи руки мне на бедра и подними меня над головой, — подсказывала ему Блэр, двигаясь в такт музыке. Она почти застала Шона врасплох, когда побежала к нему навстречу и в прыжке полетела вверх. Но он успел схватить ее и высоко поднять. Блэр показалась ему невесомой. —

А теперь медленно пройди по кругу, — в голосе Блэр слышалась радость.

Шон поднял голову. Блэр парила в его руках, прогнув спину, распрямив руки. Она казалась летящей в небе птицей.

— А теперь медленно опусти меня, — попросила Блэр. Она обняла руками его шею, ее колени коснулись его груди, и она соскользнула вниз по его телу, и наконец ее ноги коснулись пола.

Весь танец она подсказывала Шону, что надо делать. Когда музыка достигла крещендо, она двинулась к нему, выполняя пируэты.

— Встань на одно колено, — Блэр немного запыхалась. Мелодия закончилась на пронзительной ноте, и Блэр перевесилась спиной через плечо Шона, упираясь пуантами ему в бедро. Финал.

Музыка давно отзвучала, а они не шевелились. Потом Блэр легко выпрямилась. Она осталась стоять спиной к своему партнеру. Не вставая с колена, Шон развернул ее лицом к себе.

Ее щеки были мокрыми от слез, но теперь это были слезы радости, а не боли.

— Спасибо тебе. Это было... прекрасно.

— Это ты прекрасна, — его руки чуть сжали тело Блэр, словно Шону хотелось убедиться, что перед ним женщина из плоти и крови, а не волшебное создание, посланное небом, чтобы околдовать его. Он притянул ее поближе к себе и прижался головой к ее животу.

Блэр была рада этому, ее пальцы легко скользнули в белокурые пряди. Шон чуть повернул голову, и Блэр почувствовала тепло его дыхания на своей коже, которую не могла защитить тонкая ткань трико. И его губы начали ласкать ее, покрывая поцелуями ее тело, спускаясь все ниже и ниже.

— Шон, — Блэр показалось, что она произнесла его имя вслух, но ни единого звука не сорвалось с ее губ. Она прижалась к нему, обессиленная. Шон усадил ее к себе на колени и начал исступленно целовать. Его язык исследовал ее рот, покорно раскрывшийся ему навстречу. Его руки ласкали ее волосы, шею, плечи и руки. Блэр полностью покорила его воле и сама жаждала его прикосновений, и только это усмирило его яростный напор. Ее руки обхватили мощную шею Шона, привлекая его все ближе к себе.

Когда Шон оторвался от нее, чтобы глотнуть воздуха, он произнес:

— Давай выбираться отсюда.

Через несколько минут они уже сидели в машине и направлялись домой. Фургон, взятый у Дельгадо, пришлось оставить уже во второй раз за день. Они не могли пойти в квартиру Блэр. «Вечеринка» только что закончилась, и Шону не хотелось, чтобы разгром в ее квартире снова напомнил Блэр о недавнем шумном набеге ее приятелей.

Он привез ее к своему дому. Они вышли из машины, миновали веранду, прошли по первому этажу и поднялись рука об руку по широкой лестнице. Блэр доверчиво прижалась к Шону. В огромной спальне Блэр застенчиво взглянула на него и сказала:

— Мне нужно принять душ.

Шон весело улыбнулся.

— Мне тоже. Идем сюда. — Он указал на дверь в углу комнаты, и Блэр сделала шаг по направлению к ней. Она так и не сняла пуанты, и здесь ее обувь выглядела нелепо. Шон последовал за ней. Он не стал включать мощный светильник дневного света на потолке, а ограничился только боковой лампой, заливав-

шей ванную комнату теплым оранжевым светом.

Шон открыл прозрачную дверцу душевой кабины и пустил воду. Когда ванная наполнилась паром, они медленно разделись, не сводя глаз друг с друга. Его футболка легко слетела с мускулистого тела, за ней последовали кроссовки и шорты. Шон получил привилегию спокойно смотреть, как Блэр стягивает трико со своего хрупкого тела. Она небрежно бросила его на танцевальные туфли.

Ее прежняя застенчивость исчезла, и она, не стесняясь, рассматривала его нагое тело. Он дал ей такую возможность и не шевелился, пока ее глаза спускались все ниже и ниже, рассматривая каждый дюйм его великолепной плоти. Ее пальцы смело преодолели разделяющее их расстояние, и она коснулась его пениса.

Если бы Блэр смотрела в глаза Шону, а не на то, что так робко ласкала, она бы увидела, как в его зрачках пробегают молнии. Его лицо застыло от напряжения, руки сжались в кулаки, ногти впились в ладони и побелели. И это напугало бы Блэр. Но она ощутила

лишь его немедленную эрекцию, сразу же отдернула руку и подняла на Шона глаза.

— Я не сделаю тебе больно, Блэр, — пообещал он с подкупающей искренностью.

Она робко улыбнулась:

— Я знаю.

Шон нагнулся к ней и коснулся губами ее губ. Он шагнул в душ и потянул Блэр за собой. Они моментально оказались под сильными струями воды, и только потом Шон намылил руки и начал мыть спину Блэр. Его пальцы гладили ее спину, ягодицы, и он удивлялся шелковистости ее кожи, так непохожей на грубую кожу его мозолистых ладоней. Блэр застонала от удовольствия, когда он провел по ее бедрам и коленям.

Шон развернул Блэр к себе лицом и протянул ей мыло, чтобы она намылила спину ему. Ей пришлось встать на цыпочки, чтобы достать до его широких плеч. Она видела, как струйки воды стекают по его спине к мощным мускулистым ягодицам. Она никак не могла набраться смелости снова прикоснуться к нему.

Когда они снова оказались лицом к лицу, Шон намылил ее груди, нежно сжимая их

скользкими пальцами. Он украсил мыльной пеной ее соски и засмеялся, когда розовые бутоны проступили сквозь нее. Его руки двигались по ее животу вниз, к аккуратной узкой полоске темных волос.

Шон вопросительно поднял бровь, и Блэр, смущаясь, объяснила:

— Мне приходится пользоваться бритвой. Это из-за костюмов.

Шон понимающе кивнул. Она закрыла глаза, благодарная ему за то, что он больше не стал ее расспрашивать и так быстро удовлетворил свое любопытство. Но ее глаза сразу распахнулись, когда его пальцы нырнули между ее ног. Глаза Шона казались удивительно синими даже в таком неярком свете.

— Обними меня за шею, Блэр, — сказал он.

Она повиновалась и спрятала лицо у него на груди. Шон ласкал ее, и Блэр стонала, когда одно ощущение сменялось другим, следуя ритму его пальцев. Она глотнула теплой воды, стекающей по волосам на его груди. Шон убрал руку и прижал Блэр к себе, но так, чтобы его колени оказались между ее бедрами.

— Шон, — задохнулась она, инстинктив-

но выгибаясь ему навстречу и ощущая силу его желания. — О, Шон...

Он разомкнул объятия, выключил воду, помог Блэр выйти из душа, обернул ее в пушистое полотенце и насухо вытер. Потом торопливо вытерся сам.

Подхватив Блэр на руки, Шон отнес ее в залитую лунным светом комнату и, удерживая свою драгоценную ношу одной рукой, быстро сбросил покрывало с кровати. Он уложил Блэр на прохладные простыни, лег рядом и повернулся на бок, чтобы видеть ее лицо.

— Я все-таки боюсь раздавить тебя, — прошептал Шон, прижимая ее к себе.

Их губы слились, сомкнулись, даря друг другу жар желания. Его язык дразнил и ласкал внутреннюю поверхность ее губ.

— Сделай так же, — попросил Шон.

Блэр повиновалась и услышала его глубокий стон. Награда побуждает к действиям. И когда их губы снова слились, ее язык проник в рот Шона, дразня его, лаская, разжигая его страсть и сводя с ума.

— Блэр, Блэр, господи, ты просто потрясающая!

Его губы добрались до ее уха и занялись им. Крепкие белые зубы чуть покусывали мочку. Его язык увлажнил ее, а пушистые усы высушили.

— Прошу тебя, Шон, — она повернула к нему голову. Шон понимал, о чем его просит Блэр. Он приник к ее губам медленным, глубоким поцелуем.

— Это так приятно, восхитительно.

Блэр прижалась обнаженной грудью к мягким вьющимся волоскам на груди Шона. Они щекотали и дразнили ее соски, пока они не напряглись в ожидании более изощренной ласки. Тогда Блэр своим соском потерлась о сосок Шона.

С губ мужчины сорвался крик наслаждения, и он крепче прижал ее к себе. Его рот спустился к ее груди, язык легко, словно крылышко бабочки, ласкал ее соски. Потом Шон взял один сосок в рот и начал его посасывать. Блэр казалось, что он вытягивает из нее душу, и она с радостью соглашалась на это.

Пульсирующая ласка его губ отдалась в Блэр такой же пульсацией внизу живота. И, словно повинувшись невысказанной просьбе, его рука скользнула между ее ногами. Паль-

цы Шона нежно и умело ласкали ее, Блэр слышала только собственное прерывистое дыхание.

Ее рука скользнула вниз и опустилась на его обнаженное бедро. Блэр еще крепче притянула его к себе, она не могла больше выносить эту страстную пытку.

— Люби меня, Шон.

— Я люблю тебя, — прошептал он, и его пальцы повторили изысканную ласку. — Я люблю тебя всю. Почувствуй это.

Сладостная пытка длилась бесконечно долго, пока Блэр не оказалась в чувственной ловушке, из которой уже не было выхода. Она больше не властвовала над своим телом, оно подчинялось только Шону. Тогда Блэр вцепилась в него, не решаясь повторить свою просьбу, выгнулась, прося его войти в нее, и Шон перевернул ее на спину.

Он встал на колени, перенося свой вес, и принялся целовать то, что любил. А Блэр жалобно повторяла его имя, судорожно вцепившись ему в волосы.

Шон был очень осторожен. Он очень медленно вошел в ее лоно. Она со вздохом облегчения приняла его, Шон осторожно

двинулся дальше. Шон смотрел в лицо Блэр, он видел, как она закусилла нижнюю губу, и тут же осознал, в чем дело.

— Блэр! — прозвучало в тишине спальни его удивленное, испуганное восклицание. — Это невозможно!

Она распахнула глаза.

— Не останавливайся! Умоляю тебя, Шон! Только не останавливайся!

— Но я не могу же...

— Прошу тебя, Шон, если ты на самом деле любишь меня, не останавливайся.

Он вгляделся в ее лицо, все еще не веря и в то же время испытывая к ней невыразимую нежность.

— Господи, конечно, я люблю тебя. Разве ты не догадалась об этом раньше?

— Тогда прошу тебя, не останавливайся больше. — Ее руки надавили на его бедра.

Шону всегда было трудно справиться с собственной страстью, но он так любил Блэр, что не хотел испугать ее или причинить ей боль. Очень осторожно, медленно он углубился в ее лоно. Годы тренировок Блэр облегчили ему задачу, и все-таки он не двигался до

тех пор, пока не почувствовал, как ее мышцы расслабились и напряжение спало.

Приподняв голову, он легко поцеловал ее. Блэр открыла глаза.

— Тебе больно?

Она покачала головой.

— Нет. — Это было лишь движение губ, а не звук. То, что происходило между ними, лишило ее голоса и сил.

— Ты уверена?

Блэр кивнула.

— Почему ты не сказала мне раньше, Блэр?

— Ты действительно хочешь узнать об этом именно сейчас? — чуть раздраженно поинтересовалась она.

Блэр почувствовала, как тело Шона затряслось от сдерживаемого смеха.

— Нет, сейчас я предлагаю дойти до конца по обоюдной договоренности. — Он опустил голову и поцеловал Блэр в ямочку на шее. Его язык ласкал нежную кожу.

Блэр выгнула спину.

— Как ты думаешь, у тебя получится? — выдохнула она, пока губы Шона ласкали ее соски.

— У нас вместе все получится, разве ты этого еще не поняла?

— Я не верила, что такое может случиться в самый первый раз. — Губы Блэр едва заметно шевелились у плеча Шона.

— Я уверен, что это случается нечасто. — Указательный палец Шона гладил хрупкую ключицу, прикасался к пульсирующей жилке на тонкой шее. — И только в том случае, если мужчине удастся добиться такого приза, как ты.

Блэр обиженно шлепнула его по спине. Шон легонько укусил ее за ухо и пощекотал усами чувствительную кожу за ухом.

— Ах, Шон Гэрит, за один вечер ты превратил меня в развратницу. Поцелуй меня, — взмолилась она, обхватывая тоненькими пальчиками его голову и притягивая к себе.

Блэр целовала его, когда Шон вдруг оторвался от ее губ и неожиданно спросил:

— Блэр, кто такой Коул?

Голова Блэр упала на подушку, она посмотрела на него широко раскрытыми глазами. Когда они пришли в себя после урагана страсти, Шон зажег в изголовье ночник, заливавший теперь мягким светом их разгоряченные тела. Когда он задал свой вопрос, Блэр

заметно побледнела. Шон видел, как в ее глазах отражается свет лампы.

— Я тебе говорила, что с этим мужчиной я жила вместе некоторое время.

— Прости меня, но я позволю себе напомнить тебе, что ты как раз не жила с ним в самом прямом смысле этого слова.

При болезненном воспоминании Блэр снова закрыла глаза.

— Ты прав, мы были любовниками.

Шону вдруг стало стыдно, что своими расспросами он уничтожил радостное удовольствие Блэр, созданное им самим.

— Не рассказывай, если это причиняет тебе боль.

— Нет, я хочу, чтобы ты знал. — Она с силой сжала руку Шона.

Он не торопил Блэр, дал ей время собраться с мыслями. Пальцы Шона легко массировали ее лоб, пока он рассматривал ее красивое лицо с тонкими точеными чертами.

— Когда Коул появился в Нью-Йорке, я прожила там уже несколько лет. Я была старше его. Он только что окончил колледж. Его приезд в Нью-Йорк стал вызовом его отцу. Слэйтер-старший был тренером школьной

футбольной команды. Он не мог представить себе ничего более ужасного, чем видеть собственного сына балетным танцовщиком. И это несмотря на то, что Коул отличался атлетическим сложением и был проворнее любого футболиста из тех, кого тренировал его отец.

Блэр вздохнула, взяла широкую ладонь Шона и положила себе на живот, бездумно поглаживая его сильные крупные пальцы.

— Коулу надоело, что дома на него все время давили, поэтому он отправился в Нью-Йорк и в буквальном смысле слова голодал, пока не нашел место официанта, чтобы оплачивать уроки танцев. Мне он понравился, потом мне стало его жалко, и я предложила ему поселиться у меня, пока он как следует не устроится.

Мы все больше влюблялись друг в друга. Мы привязались друг к другу. Все стали говорить о нас как о «паре». Он просто горел от нетерпения позвонить домой и сообщить отцу, что он живет с женщиной и эта женщина старше его. Видишь ли, Коулу особенно хотелось доказать отцу, что он настоящий мужчина, хоть и балетный танцовщик.

— И что же было дальше? — задал вопрос Шон, когда Блэр умолкла.

— За те полтора года, что мы прожили под одной крышей, он ни разу не смог доказать это.

Шону вдруг показалось, что Блэр тает у него на глазах, и он покрепче прижал ее к себе, словно не желая позволить ей исчезнуть. Теперь он понял, почему у нее нет никакого опыта в любовных объятиях. Эта наивность показалась ему очаровательной и неповторимой, но несколько неожиданной в ее возрасте. Гэррит решил было, что Блэр попросту переигрывает, но теперь он понимал, что она была абсолютно искренней.

— И что же случилось? — спросил он, касаясь губами ее лба.

— Однажды Коул решил, что не может больше так жить, и бросился под поезд в метро.

— Черт побери! — Шон охнул и зажмурился, прижимая Блэр покрепче. Он знал, какую боль должна была испытать тогда Блэр, и ему захотелось взять на себя часть этой боли.

— Ты любила его? — все-таки решился спросить он после долгого молчания.

— Да, хотя теперь я понимаю, что мое чувство к нему не было настоящей романтической любовью. Мне кажется, я жалела его, я переживала за него из-за того непонимания, что разделяло Коула и его родителей. Я ведь сама тоже всю жизнь страдала от такого непонимания и прекрасно могла себе представить, что испытывает Коул. Он нуждался во мне, чтобы чувствовать себя мужчиной. И мне он был нужен. Ведь Коул не уставал повторять, насколько я хороша. А это не слишком хорошая основа для любых отношений. Но мне не представился случай полюбить кого-нибудь еще. Танец был единственной любовью в моей жизни.

Сердце Шона дрогнуло.

— Был?

Блэр подняла на него глаза, пальцем провела по пышным усам.

— Только не торопи меня. Я не хочу сейчас брать на себя никаких обязательств. Скажу тебе только одно. Еще час назад я считала, что наивысшее наслаждение мне дарит только танец, когда я двигаюсь так, что мне самой не в чем себя упрекнуть. Но теперь я

знаю, что существует и другое наслаждение, о котором я просто не подозревала.

— Я рад, что смог подарить тебе его, — торжественно объявил Шон, но его выдали веселые огоньки в глазах.

Блэр подозрительно посмотрела на него.

— Ты никогда даже не намекнул на то, откуда у тебя такие познания в любовных делах. Если не считать несомненно обширной практики, была ли у тебя опытная наставница?

Шон по-прежнему улыбался, но его глаза затуманились.

— Одно время мне казалось, что рядом со мной появится миссис Шон Гэрит, но из этого ничего не вышло.

— О! — Эта новость не обрадовала Блэр, и она даже пожалела, что вообще коснулась этой темы. Может быть, ей лучше было вообще ничего не знать. Возможно, она никогда не сможет примириться с тем, что узнала.

Шон разгладил морщинку между ее бровями.

— Блэр, в моих словах нет ничего трагического. Я сам все решил. Это не была безответная любовь. Я редко вспоминаю о той женщине, а если и вспоминаю, то с полным

безразличием. Когда-нибудь я расскажу тебе всю эту скучную историю, но только не сейчас. Не сейчас, когда ты лежишь рядом со мной, обнаженная, во всей своей красе.

— Ты тоже хорош собой, — Блэр снова залюбовалась его телом без единого изъяна. — И ты совсем не плохой танцор, этого я уж совсем от тебя не ожидала. — Она гладила волоски на его груди.

Шон застонал и закрыл лицо руками.

— Я бы умер от стыда, если бы кто-нибудь меня увидел. Я уверен, что выглядел как какой-нибудь неуклюжий дебил, играющий с цветком.

— Ничего подобного. — От возмущения Блэр даже села в кровати. — Ты двигался очень грациозно. И... — Она отвела глаза.

— Что, Блэр? — Шон снова притянул ее к себе.

— Ты оказался рядом, когда ты был мне нужен. Спасибо. — В ее глазах снова заблестели слезы.

Он чмокнул оба мокрых глаза.

— Не благодари меня, — попросил Шон хриплым шепотом. — Я тоже отчаянно нуждаюсь в тебе.

Когда на следующее утро Блэр проснулась в широкой постели, она увидела, что Шона рядом нет. Она села, лениво потянулась и стала рассматривать спальню, которую ей не удалось осмотреть накануне. Увиденное ей понравилось. Эндрю Дельгадо говорил ей, что у Шона большая кровать, но постель и вправду оказалась королевских размеров. В спальне преобладали синие и желтовато-коричневые тона, составлявшие изысканный контраст с желтыми стенами в остальных комнатах особняка. Широкие шторы были закрыты и не пропускали света. Можно было безошибочно определить, что эта комната принадлежит мужчине, и тем не менее она не выглядела аскетичной.

Блэр спустила ноги с кровати. Паркетный пол оказался холодным. Блэр прошла к двери и открыла ее. Прислушиваясь к звукам в доме, она прокралась по коридору и перевесилась через перила лестницы. Блэр даже подпрыгнула от удивления, услышав звук закрывшейся задней двери. Она была на площадке лестницы, когда Шон вышел из кухонной двери и увидел ее.

Они оба удивились. Она потому, что

Шон был невероятно красив в своих старых затертых до белизны джинсах, не достающих ему до пупка. А он потому, что еще ни разу он не видел на лестнице в своем доме обнаженной красавицы со спутанными после сна волосами, с опухшими от поцелуев губами и розовыми сосками прелестно-округлых грудей. Солнце, ворвавшееся в стеклянную стену площадки, обливало ее фигуру золотистым сиянием.

Блэр спустилась на две ступени вниз по лестнице, но напряженный взгляд Шона остановил ее. Мягким шагом хищника он устремился ей навстречу, бросив одежду на пол.

Гэрит взлетел по ступенькам, не касаясь перил, не глядя себе под ноги. Он был как слепой, как будто к Блэр его влекло мощным магнитом.

Ему оставалось преодолеть еще пару ступенек, когда Шон остановился. Он тяжело дышал и не сводил глаз с ее губ. Губы Блэр припухли от любовных ласк, и Шон выругал себя за то, что набросился на нее с такой яростью. Его взгляд скользнул по совершенной линии ее плеч, чуть покатых, как у бале-

рин, по округлости ее грудей, увенчанных крупными розовыми сосками.

Они оказались на уровне его глаз. Шон ласкал их взглядом, мысленно целовал, и сила его желания была такова, что соски Блэр набухли и стали твердыми. Его губы под густыми усами чуть тронула улыбка, и он нежно погладил сначала один сосок, потом другой. Потом он пощекотал грудь Блэр усами. Его рука обхватила ее грудь, а губы мягко обхватили сосок. Его язык описывал круги, щеко-тал, порхал, гладил, пока Шон не почувствовал, что Блэр вот-вот упадет. Тогда он поддержал ее.

Стоя на две ступени ниже Блэр, он ласкал ее бедра, пока его рот выписывал эротичный орнамент на ее животе. Блэр уже знала это теплое и влажное прикосновение его языка к прохладной коже. Шон спустился еще на ступеньку ниже. Его пальцы легли на бедра Блэр.

И теперь его губы двигались быстрее, осыпая поцелуями бедра, колени, голени. Он встал на колени и поцеловал ее ступни, пальцы. Потом Шон снова двинулся наверх, и когда он принялся целовать внутреннюю по-

верхность ее бедер, Блэр пришлось ухватиться за его плечи. И тут его рот добрался до самого потаенного места, и тело Блэр размякло, превратившись в податливый сосуд с жидким медом.

Она почувствовала, что ослабела настолько, что едва ли сможет удержаться на ногах. Тогда Блэр медленно опустилась на ступеньку.

Шон стоял перед ней и ждал. Блэр подняла на него глаза, оглядела его внушительную фигуру и встретила с ним взглядом. Она облизала внезапно пересохшие губы. От этого движения у Шона быстрее забилося сердце. Но это было его единственное движение. Он стоял не двигаясь, надеялся и ждал.

Трясущимися пальцами Блэр расстегнула пуговицу на его джинсах и опустила «молнию». Ее пальцы проскользнули внутрь, стягивая джинсы вниз. Руки Шона ласкали мочки ее ушей, гладили щеки. Блэр потянулась вперед, ее язык прошелся нежной лаской по плоскому животу, она пощекотала пупок кончиком языка. Его руки вцепились ей в плечи, и Блэр почти физически ощущала, как пульсирует кровь в его венах. Ее пальцы ласкали его пенис. Дрожая от желания, Шон за-

рывался руками в ее темные шелковистые волосы, шепотом признаваясь, как нужно ему нежное прикосновение ее губ к его коже, сокровенная влага теплого рта.

Когда Шон наконец остановил ее, она охотно уступила ему и с радостью отдалась властному вторжению, охватив его тело своим. Они наслаждались друг другом, и ничто не было им преградой, ничто не могло оторвать друг от друга: ни холод ступеней, ни впившиеся в спину Блэр перила лестницы. Они так хотели друг друга, что разрядка наступила через несколько яростных, полных страсти мгновений. Когда их дыхание успокоилось, Шон поднял голову, нежно улыбнулся и ласково сказал:

— Доброе утро.

8

Если бы Блэр было позволено прожить еще раз самые счастливые дни своей жизни, она выбрала бы день премьеры на Бродвее мюзикла «Женщина года», в котором она участвовала, и субботу и воскресенье, кото-

рые она провела с Шоном после того, как они стали близки.

Теперь Блэр казалось невероятным, что они предавались любви на лестнице, когда ее жилище и его дом были в двух шагах. Шон зашел в ее квартиру и отыскал шорты и майку.

— Я там все убрал, — сообщил он, протягивая ей вещи. — У тебя весьма неряшливые друзья.

Одевшись, Блэр с Шоном направились на кухню. Спустя несколько минут на сковороде зашкворчал бекон, Блэр разбила шесть яиц — и яичница была готова. Шон вынес поднос с тарелками, тостами, кофе и апельсиновым соком на веранду, и они набросились на еду, только сейчас поняв, насколько проголодались.

— Разумеется, тебе придется заплатить за мое гостеприимство, — заговорил Шон. — Я собираюсь заставить тебя отработать этот роскошный завтрак.

Блэр, сидевшая в уголке дивана и потягивавшая кофе со сливками, посмотрела на него с подозрением.

— И что мне придется делать? — поинтересовалась она.

Шон рассмеялся, видя хмурое выражение ее лица.

— Ничего незаконного. Держу пари, тебе это даже понравится.

Ее глаза полыхнули зеленым огнем.

— Ну если это такого рода работа...

— Вот это да! Мне кажется, я пробудил к жизни чудовище, — Шон возвел глаза к потолку. — Нет, я имел в виду нечто иное: ты сможешь мне выкрасить комнату в одном из домов.

Блэр наморщила нос:

— Но это уж слишком! Рабский труд, я считаю.

— Совершенно верно, но зато ты пользуешься привилегиями в спальне.

— Значит, мне придется красить, да? А я-то все гадала, почему ты сегодня решил меня одеть в самые невзрачные шорты и самую старую майку. А лифчика я не получу?

— Нет. Но не вздумай жаловаться. Так и быть! Я разрешу тебе надеть трусики.

— Ага, конечно, самые маленькие и са-

мые прозрачные, которые ты только сможешь найти в моем барахле.

— Нимб святого никогда не казался мне особенно привлекательным, — в глазах Шона запрыгали лукавые зайчики. — Сейчас я в этом уверен как никогда раньше.

Они очень быстро навели порядок на кухне, и, пока Шон носил в грузовик необходимые инструменты, Блэр застелила постель.

— Ты что, никогда его не моешь? — спросила она, усаживаясь в машину, захлопывая с трудом поддающуюся дверцу и чуть не вывернув себе при этом руку. Ей так и не удалось преодолеть свое неприязненное отношение к грузовичку.

— Уборка уничтожит все его своеобразие, — невозмутимо парировал Шон.

Он привез ее к дому, который реставрировал в настоящий момент. Это был старинный, выстроенный в прошлом веке особняк на берегу океана. Капитальный ремонт уже закончили, но Шону надо было все убрать, чтобы клиенты могли привести в дом декоратора. — Я сказал хозяевам, что выкрашу эту комнату, так как здесь очень высокие потоло-

ки. Два слоя краски я уже положил. Остался последний.

Гэрит втащил в комнату банки краски, валик на длинной ручке и кисть. Сначала Шон провел Блэр по всему дому, а потом они принялись за работу. Время летело быстро.

Блэр стояла на лестнице и орудовала отверткой, закрепляя выключатель. Шон тихонько подошел к ней и встал сзади. Блэр так увлеклась работой, что не заметила его до тех пор, пока его руки не коснулись ее ягодиц.

— У тебя самая симпатичная в мире маленькая задница, — сказал он, чуть ущипнув ее сквозь мягкую ткань выношенных шорт. — Тебе кто-нибудь об этом говорил?

— Представь себе, многие.

— Что? Кто же это? Я их убью, — прорычал Шон, просовывая руки под майку и накрывая ладонями ее грудь.

— Я не смогу привинтить эту штуку ровно, если ты немедленно не прекратишь, — предупредила его Блэр.

— К черту ее. Повернись и поцелуй меня, женщина.

Стараясь выглядеть рассерженной, но не слишком в этом преуспев, Блэр повернулась

к нему лицом. Их лица оказались на одном уровне.

— Вот это здорово, — бормотнул Шон, прикасаясь к ее щеке. — Наконец-то я смогу поцеловать тебя, не рискуя сломать себе шею.

— Что ж, если это причиняет тебе такие неудобства, мы просто можем перестать целоваться.

Шон откинул голову назад и улыбнулся.

— Ты даже не представляешь, насколько я изобретателен. — Его руки подхватили Блэр сзади и сняли с лестницы. — Обними меня ногами за пояс. Видишь, как здорово получается. Неплохо было бы, если бы у тебя возникло желание обнять меня еще и за шею. — Блэр послушалась. — Ты удивительно способная ученица!

— А ты просто обманщик! Ты не сам это придумал. Точно так я обнимала тебя в тот день, когда испугалась мышей, помнишь?

— Признаюсь, я намотал это на ус и при первом же удобном случае применил на практике. А теперь помолчи и поцелуй меня.

Они дразнили друг друга легкими, жальщими поцелуями, пока их желание не разгорелось настолько, что этого стало недостаточ-

но. Шон прижался губами к ее губам и поцеловал ее долгим глубоким поцелуем. Его язык двигался взад и вперед, вызывая в памяти воспоминания о той ночи, когда они любили друг друга.

Он мог с легкостью держать Блэр одной рукой, а другая ласкала ее грудь. Его пальцы описывали круги, пока не сомкнулись вокруг набухшего бархатного соска.

— Давай разденемся и займемся этим всерьез.

— М-м-м-м, — Блэр покрывала его лицо легкими поцелуями, похожими на капельки воды, падающие на разгоряченный металл. Ее бедра больше вжались в него, она скрестила лодыжки. Блэр чувствовала, как нарастает желание Шона, как пульсирует его плоть, и начала двигаться, тереться об него.

— Блэр, прошу тебя, — простонал Шон и спрятал лицо у нее на шее. Они долго стояли не шевелясь, цепляясь друг за друга, давая желанию утихнуть. Им все равно придется выбрать более удобное место и время.

Оторвавшись от ее благоухающей кожи, Шон участливо спросил:

— С тобой все в порядке? — Блэр по-

смотрела на него томным взглядом и покачала головой. Он рассмеялся. — Я тоже не могу этим похвастаться. Но нам придется пока остановиться. Еще один последний поцелуй?

Шон нежно поцеловал ее, едва касаясь ее губ.

— Мистер... гм, Гэрит. Мы пришли.

Голова Блэр резко дернулась назад. Она увидела на пороге рабочих, смотрящих на нее и Шона с живейшим интересом. На их лицах расплылись ухмылки. Блэр попыталась вырваться и встать на ноги. Но она напрасно старалась, Шон ее не отпустил.

— Привет, Лэрри, Гил. Познакомьтесь с мисс Симпсон. Блэр, это братья Лэрри и Гил Моррисы, мои лучшие рабочие. Они наводят последний лоск перед тем, как домом займется дизайнер по интерьерам.

Неужели он в самом деле ждал, что Блэр запросто поздоровается с ними, словно они встретились на вечеринке? Или Шон забыл, в каком компрометирующем положении их застали?

— Зд... — Блэр не смогла договорить и закашлялась. — Здравствуйте, как поживаете-

те? — Она свирепо посмотрела на хитрое лицо Шона.

— Привет, — мужчины ответили ей одновременно.

— Мы с Блэр закончили эту комнату, так что она в вашем распоряжении. Мы собираемся отправиться на ленч. Принести вам что-нибудь?

Блэр заерзала, пытаясь освободиться. Но Шон не отпускал ее.

— Гм, нет. Нет, сэр. Мы поели перед тем, как отправиться сюда, — ответил один из мужчин. Кажется, это был Лэрри.

— Мы скоро вернемся и вам поможем. Пока.

— Увидимся, мистер Гэрит, мисс Симпсон. Шон так и пронес Блэр мимо удивленно раскрывших рты рабочих и донес до грузовичка.

— Я сейчас тебя убью, — прошипела Блэр сквозь стиснутые зубы.

— Не убьешь, — ответил Шон с уверенностью. — Ты меня поцелуешь и сейчас, и потом во время ленча, и будешь меня целовать при каждом удобном случае.

И он оказался прав. Блэр именно так и поступила.

— Это полнейший разврат, — заявила Блэр, поливая морской водой ногу Шона.

— Да, но это замечательный способ смыть краску.

— Но у меня не было никакой краски там, где ты пытался меня отмыть.

— Вот видишь? Я же говорил, что это срабатывает.

Блэр рассмеялась и наклонилась поцеловать его.

К закату весь город знал, что Шон Гэрит взял с собой в один из реставрируемых домов женщину, чего он никогда раньше не делал. Это расстроило местных сплетников, потому что до этого Шон никогда не смешивал работу и удовольствия.

Именно братья Моррисы рассказали обо всем в городке. Шон и Блэр вернулись и помогали им приводить дом в порядок. Гэрит придумывал для них все новые и новые задания, так что братья смогли уйти только на закате, но посплетничать все равно успели.

Отпустив рабочих, Шон отвел Блэр на частный пляж. И она с радостью присоединилась к нему, когда он снова купался голый в волнах прибоя.

И теперь они сидели на мокром песке, и легкие волны накатывались на них, приятно щекоча подошвы. Блэр устроилась на ногах Шона лицом к нему.

Он нагнул голову и прикоснулся к нежной коже ее груди. Шон чуть прикусил ее, потом поднял голову и изобразил энергичное пережевывание.

— Надо побольше соли, — заявил он и вылил ей на грудь пригоршню воды, только чтобы увидеть, как сжимаются ее соски.

— Ну и шутки у тебя, — Блэр шутливо толкнула его в плечо.

— Я люблю тебя, Блэр.

Шон произнес эти слова так серьезно и так крепко обнял ее за плечи, что Блэр ни на минуту не усомнилась в его искренности. Она долго смотрела на него, потому что это неожиданное признание застало ее врасплох, потом уставилась на какую-то точку на груди Шона.

— Ты... говорил это прошлой ночью. — Она произнесла эти слова так тихо, что Шон едва слышал их в шуме океанского бриза.

Он приподнял ей подбородок.

— Да, говорил. Но тогда меня захватила

страсть. Я хотел сказать тебе об этом сейчас, когда мы не занимаемся любовью, чтобы ты поняла, насколько серьезно я говорю это. Я совершенно не собирался влюбляться в тридцать восемь лет, но я просто потерял голову. Я в самом деле люблю тебя, Блэр.

— Шон...

Он приложил палец к ее губам, заставляя замолчать:

— Тебе не нужно ничего говорить. Я просто хочу, чтобы ты об этом знала.

На горизонте вставала луна, протягивая по волнам серебристую дорожку. Ее лучи играли в светлых волосах Шона, золотили его брови, зажигая золотистые искры в его глазах. Блэр провела по его лицу кончиками пальцев, прикоснулась к кустистым бровям, пробежала подушечками по прямому носу, обвела скулы, добралась до ложбинки на подбородке.

— Тебе трудно поверить, что я люблю тебя, верно?

— Почему ты об этом спрашиваешь? — волнуясь, проговорила Блэр.

— Ты позволишь мне небольшой любительский сеанс психоанализа? — Блэр энер-

гично кивнула. — Когда ты росла, тебя окружала стена непонимания. Твои родители не принимали тебя такой, какая ты есть, и ты отдалилась от них, отгородилась и стала еще более неприступной, чем была. Твоим родителям не удалось понять твоей одержимости танцами. Они хотели, чтобы ты была нормальной, такой, как все. И ты так и не смогла справиться с тем, что в юности тебя воспринимали критически. И даже теперь, добившись успеха, ты продолжаешь искать одобрения, понимания. Вот почему твои друзья так огорчили тебя во время вечеринки. Их мнение много для тебя значит.

У Блэр на глаза навернулись слезы. Как он смог так хорошо понять ее? Как Шон сумел произнести вслух все то, в чем она не могла признаться даже самой себе? Откуда он узнал, как она относится к себе и к своей жизни?

Не успев взвесить все «за» и «против» такой откровенности, Блэр услышала свой голос:

— Я никогда не была такой, как все. Я всегда выделялась. Мои родители, вместо того чтобы поощрить мои интересы, воспринимали мою увлеченность театром и танцами как блажь, юношескую дурь. Я была не

похожа на своих правильных братьев и сестер. Ну что мне было делать, если я родилась такой?! Я уехала в Нью-Йорк с настроением «Ну я вам всем покажу». — Она гордо вскинула голову и горько рассмеялась. — Я до сих пор не дождалась их одобрения. Несмотря ни на что, я остаюсь для них белой вороной.

— Мне очень жаль, — сказал Шон. — Я знаю, как это тебя ранит. Мнение родителей имеет значение, но мнение остальных не должно волновать тебя, Блэр. Разве ты не понимаешь, что ты ищешь одобрения своих поступков, но на самом деле тебе необходимо, чтобы тебя приняли как личность! — Шон взял ее лицо в свои ладони и повернул к себе. — Ты человек, и неважно, будешь ли ты снова танцевать или нет. Твой талант — это божий дар, и если Он решил наградить тебя им, то какое тебе дело до того, что думают об это люди? Что они думают о тебе? Я люблю тебя, Блэр, но я знаю, что это тебя пугает. Ты окружила себя стеной, и я боюсь, что ты никогда не позволишь мне разрушить ее. Можешь ли ты разрешить мне любить тебя? Сможешь ли ты сама полюбить меня? Разрушишь ли ты сама эту стену, что все-таки стоит между нами?

Да. Это было возможно, только возможно, что она сможет полюбить его. Блэр представила себе жизнь без Шона, и эта перспектива показалась ей безотрадной и мрачной. Шон Гэррит наполнил ее дни светом, смехом, простой, безыскусной радостью жизни. И все-таки она боялась давать какие-либо обязательства. Слишком долго Блэр ждала любви. Мысль о том, чтобы принять его любовь, пугала ее, потому что однажды Шон мог разлюбить ее, и тогда она снова останется одна.

Но Шон сказал, что любит ее. Сможет ли она полюбить его? Блэр должна все обдумать, но только не сейчас, когда он так близко к ней... обнаженный, желанный, родной.

Блэр приложила палец к его губам, заглянула ему в глаза, словно пытаюсь проникнуть в душу. И она дала ему единственное обещание, которое могла себе позволить:

— Если я позволю себе полюбить кого-нибудь, то этим человеком будешь ты.

— Нет, вы только посмотрите на них! — воскликнула Пэм, открыв дверь и приветствуя гостей, приехавших к ней на воскресный ужин. — Вы оба просто светитесь от счастья.

— Пожалуй, ты права, светимся, особенно после пятницы. — Шон обращался только к Блэр, прямо глядя ей в лицо. Он все еще никак не мог понять, почему раньше его жизнь казалась ему полной, хотя в ней не было Блэр. Эта женщина стала неотъемлемой частью его существования, и Шон до сих пор удивлялся, как он прожил все эти годы, не зная ее. Ему так нравилось последние два дня просыпаться и видеть Блэр рядом, свернувшуюся калачиком и занимавшую так мало места на его огромной кровати.

Шон до сих пор не мог поверить, что ее кожа настолько нежна, а шелковистые волосы буквально переливаются, когда он перебирает их пальцами. Он смотрел, как Блэр накладывает макияж в его ванной комнате, и удивлялся, что она пользуется всеми этими кисточками, щеточками, баночками, чтобы еще больше подчеркнуть свою сияющую красоту. Он все время отвлекал ее вопросами о том, что находится в каждом из флакончиков.

Шон испробовал все ее духи на разных частях ее тела, и этот смелый эксперимент завершился в широкой кровати. Шон решил, что ее волосы, ее дыхание, ее кожа источают

божественный пьянящий аромат, с которым не сравнятся никакие духи.

Когда в его ванной комнате и спальне разместились коллекция косметики и одежды, он вдруг ощутил, насколько бесцветной была его жизнь без этих примет женского присутствия. Его жизнь была пустой, а он об этом даже не подозревал. Но не любая женщина могла ее заполнить, а только это хрупкое маленькое создание с железной волей. Шон знал, что в этот момент своей жизни Блэр очень уязвима. Ее слова, произнесенные на берегу в волнах прилива, он воспринял как обещание. Блэр *полюбит* его. Он все сделает для этого.

И сейчас, на пороге дома Дельгадо, Шон всмотрелся в ее лицо и увидел, как смягчаются ее черты при воспоминании о том вечере.

— Но ты оказался рядом и помог мне. Без тебя я бы не справилась.

Он наклонился к ее уху и прошептал:

— После танцев мы занялись кое-чем еще, и без меня ты бы точно не справилась.

Блэр рассмеялась.

— Пожалуйста, пожалуйста, не обращайтесь на меня никакого внимания, — ядовито

заметила Пэм. — Вы можете продолжать ваш разговор и обмен шуточками, а если я вам понадобится, то я тут рядом.

Они расхохотались в ответ на ее тираду. Пэм посторонилась, и гости вошли в дом. Этим утром телефон зазвонил в доме Шона как раз в тот момент, когда он только что вышел из душа, оставив Блэр еще раз сполоснуть волосы. Звонила Пэм, она приглашала его поужинать и поиграть в карты.

— Кстати, ты не видел Блэр? Я никак не могу до нее дозвониться.

Шон посмотрел в направлении ванной комнаты, где в дверях стояла Блэр. На ней были только крошечные трусики. Она вытирала полотенцем волосы.

— Да, — медленно ответил он. — Я ее видел.

— Тогда передай ей мое приглашение.

— Обязательно передам. — Полчаса спустя телефонная трубка все еще валялась рядом с аппаратом, где ее оставил Шон.

— В этом доме, как обычно, бедлам, — объявила Пэм Шону и Блэр. — Малыш спит, но Анджела и Мэнди ссорятся с того самого момента, как я забрала их из воскресной

школы. Я боюсь, они его разбудят. Мальчики были страшно горды тем, что получили новый футбольный мяч. Но как раз минут пять назад они разбили этим мячом новую настольную лампу. Так что детей мы выставили на задний двор. Садитесь.

Шон и Блэр снова рассмеялись, потому что Пэм выложила все это на одном дыхании. Шон уселся на один из диванов, усадил Блэр рядом с собой и обнял ее за плечи.

Через несколько минут Пэм внесла поднос с четырьмя стаканами и блюдо с сырами и крекерами.

— Мы можем закусить, пока лазанья будет готова, — сказала она.

— Я могу думать только о двух симпатичных штучках, которыми я мог бы полакомиться, — прошептал Шон на ухо Блэр и многозначительно посмотрел на ее грудь.

Джо, услышавший его слова, поперхнулся вином. Пэм, ничего не слышавшая, поинтересовалась:

— Что такого смешного я сказала? Что ты говоришь, Шон? Что происходит? Кто-нибудь скажет мне или нет? — К ее досаде, ни-

кто не соизволил удовлетворить ее любопытство.

Ужин стал настоящим цирковым представлением с участием пяти шумных, голодных маленьких Дельгадо. Как всегда, все воздали должное превосходной стряпне Пэм, и за столом царила приятная атмосфера. Все шутили, подкалывали друг друга. Когда Блэр помогла Пэм убрать посуду, они вернулись в гостиную к мужчинам, чтобы поиграть в карты.

— Неужели через несколько недель мы сможем играть в карты в игровой комнате?! — вздохнула Пэм, пока Джо сдавал карты.

— А я-то считал, что строю ее для детей, — с иронией заметил Шон.

— Все верно, но детям иногда все-таки необходимо спать, — заметил Джо.

Двое игроков явно плохо следили за игрой. Рука Шона то и дело искала бедро Блэр под столом и делала там, что ей вздумается. Дело кончилось тем, что Блэр уронила все свои карты на стол. Пэм посмотрела на эту парочку, открыв рот, а они залились хохотом. Джо снова налил всем вина, был произнесен тост, и тут Шона и Блэр снова пришлось

призывать к порядку, потому что они никак не могли оторвать глаз друг от друга.

Наконец, когда всем пришлось довольно долго ждать, чтобы Блэр сделала ход, а она смотрела неподвижным взглядом на руку Шона, лежавшую рядом с ее, Пэм не выдержала:

— Послушайте, ребята, может, вам лучше на время уединиться в нашей спальне?

Шон и Блэр с удивлением посмотрели на нее. Неужели все так заметно? Джо хихикнул:

— Черта с два они туда пойдут. Если кто и займет нашу спальню, то только мы сами. А групповой секс мне не по вкусу. И потом, как тебе не стыдно предлагать им такое, — произнес Джо с деланой суровостью. — Я уверен, что мысль об удобной уютной постели даже не закрадывалась в их светлые головы.

Пэм фыркнула:

— Вот на это я не поставлю даже свои противозачаточные таблетки.

— Противозачаточные таблетки... — Блэр поперхнулась и уставилась на Шона.

Он встретил ее ошеломленный взгляд та-

ким же ошеломленным взглядом. Потом Шон пожал плечами и виновато улыбнулся.

— Боже мой, я не могу в это поверить! — воскликнула Пэм, прикрывая рот рукой. — Вы двое взрослых людей и даже не подумали о... Ох! — и она не смогла сдержать приступ хохота. — Вам лучше быть поосторожнее, а не то у вас будет столько же детей, сколько у нас.

— Шон, мы не можем. Я говорю серьезно, — Блэр уперлась руками ему в грудь, стараясь увернуться от его горячих поцелуев.

— Я повторял тебе тысячу раз. — Он откинулся на подушки и с силой ударил кулаками по матрасу. — Если этому было суждено случиться, то это уже случилось. Один раз перед тем, как ты пойдешь к врачу, не повредит.

— Ну, конечно, опять этот вздор. Все парни, начиная с Адама, говорят именно так.

— Ты слышала самого Адама? Где? Не в Эдеме ли?

Борясь со смехом, Блэр сурово ответила:

— Не уходи от темы или... Ах, Шон, ну пожалуйста... — Она убрала его руку от своей груди. — Я согласилась спать с тобой в одной

постели при условии, что ты будешь себя хорошо вести. Я уйду, если ты не прекратишь.

Он изобразил из себя кающегося грешника. С тяжелым вздохом Шон заложил руки за голову и сказал:

— Ладно. Я буду держать руки при себе, если ты снимешь свою ночную рубашку.

Во взгляде Блэр появилось неприкрытое изумление.

— Если ты не можешь удержаться, когда я одета, почему я должна тебе поверить, что ты не станешь ничего предпринимать, если я все сниму?

— Поверь мне на слово, как верному другу, — веско сказал он.

— Ну конечно, как же. Это все равно что поверить тебе, что еще один раз ничего не изменит. Я лучше разбираюсь в физиологии, чем вы можете себе представить, мистер Гэрит.

— Ну прошу тебя, Блэр, — заныл он. — На мне же ничего нет, а ты одета, и из-за этого я смущаюсь.

Блэр рассмеялась, приподнялась на локте и заглянула ему в лицо.

— Да ты не испытывал смущения ни

единого раза за всю свою бесстыжую жизнь. — Не протянуть руку и не прикоснуться к нему стало для Блэр настоящим испытанием ее воли. После того как Пэм, сама того не желая, напомнила ей о риске забеременеть, Блэр поклялась самой себе, что не станет спать с Шоном, пока не сходит к врачу. О материнстве она пока не думала.

— Прощу тебя. Я хочу только посмотреть на тебя.

Блэр обреченно вздохнула, сдаваясь:

— Хорошо. Но помни, ты дал мне слово. — Она стянула ночную рубашку через голову. — Вот. Теперь ты счастлив?

— Невероятно, — заявил он и немедленно пригвоздил ее к постели тяжестью своего тела.

— Шон, ты...

— Обнаженная женщина, лежащая рядом в постели с изголодавшимся мужчиной, никогда не должна верить ему на слово. Это урок номер один. — Свои слова он перемешал поцелуями, лаская ее грудь.

— А какой же... урок... номер... два? — выдохнула Блэр, выгибая спину и подставляя ему соски. Ее решимость растаяла как снег

под солнцем от изысканного наслаждения, которое дарили ее телу губы, руки, колени Шона между ее бедрами.

— Урок номер два... состоит в том... что мы можем... любить друг друга... иначе. — Его рот и его пальцы вознесли ее на пик удовольствия, никогда не испытанного раньше. Ее ногти впились в мускулы его спины. — Не хочешь... немного... поучиться?

Уроки не кончались всю ночь.

— У тебя ничего не получится, — проворкотал Шон.

— Конечно, ничего не получится, если ты не будешь сидеть спокойно. — Маленькие серебряные ножницы в ее руке отстригли выбившийся волосок. — Если ты не даешь мне покоя всякий раз, когда я пытаюсь накраситься, то самое меньшее, что ты можешь сделать, — это позволить мне подстричь тебе усы.

Он схватил ее за запястье.

— Но ты можешь отстричь больше, чем мне хочется.

— Я не трону ни единого волоска без крайней на то необходимости. — Последнее

слово растворилось в поцелуе, когда Блэр прижалась губами к его губам. Шон запротестовал, когда она выпрямилась и снова взялась за ножницы.

Зазвонил телефон в спальне, и Шон сорвался с низкого табурета и закричал:

— Спасен телефонным звонком. — Он вылетел из комнаты, а на лице Блэр осталась довольная, счастливая улыбка.

— Блэр, это тебя, — раздался удивленный голос Шона.

Она увидела изумление на его лице, когда он передавал ей трубку. На ее молчаливый вопрос он только пожал плечами.

— Алло?

— Блэр, я пытаюсь дозвониться до тебя с восхода солнца. Где ты и кто это подходил к телефону?

— Барни? — Меньше всего на свете Блэр ожидала звонка от своего агента. Она просила его не звонить до тех пор, пока сама не даст ему знать, что совершенно здорова. Он тогда ругался, злился, мерил шагами свой офис, упрашивал, умолял, уговаривал, потом пригласил на ленч, и они оба напились, пыта-

ясь залить спиртным нарастающий конфликт. — Откуда ты...

— От Пэм Дельгадо. Я нашел твой новый номер в телефонной книге, звонил тебе сотню раз, но никто не брал трубку. Тогда мне пришло в голову позвонить ей. Она мне сказала, что я могу найти тебя по этому номеру. Кто этот парень? Да ладно, не имеет значения. Ты сидишь?

Обычно Барни менял тему разговора, как заяц меняет направление, убегая от погони. Блэр постепенно привыкла к этой его гиперактивности за те семь лет, что он был ее агентом. Но за два месяца, проведенные вдали от Нью-Йорка, она настолько расслабилась, что теперь ей пришлось как следует напрячься, чтобы успевать за ним.

— Нет, я не сижу, но...

— Как тебе понравится участие в новом шоу, где звездой будет Джоэл Грей?

Какое-то мгновение ее мозг отказывался принимать информацию. А потом мысли понеслись с такой быстротой, что Блэр никак не могла собрать их.

— Но... Ведь в шоу уже набраны артисты.

— Это верно, но пятеро танцоров выле-

тели, кажется, из-за конфликтов с профсоюзом. Впрочем, я точно не знаю, в чем причина. Да и какое это имеет значение? Режиссер позвонил мне сегодня ни свет ни заря и поинтересовался, где ты.

— Он спрашивал обо мне? — Блэр прижала руку к груди, словно пытаюсь сдержать бешеное биение сердца.

— Что-то в этом роде, — Барни заговорил как агент. — Он сказал, что хочет посмотреть моих лучших девочек, а ты определенно одна из них.

— Да, но...

— Ты снова в обойме, Блэр. — Он назвал ей время и место просмотра. — Бери свои туфли — они сказали, будут нужны мягкие, а не балетные, — и неси свою задницу на ближайший поезд, идущий в город. Кстати, возможно, тебе придется спеть, но ты можешь провалиться. Поэтому просто покажи силу звука, на которую ты способна.

Шон уже натянул джинсы и рабочую рубашку. Теперь он сидел на краю кровати, которую они вместе застелили, и смотрел на нее как живой укор. Захваченная воодушевлением Барни, Блэр не смотрела на Шона.

— Ты на самом деле считаешь, что я справлюсь, Барни?

— Разумеется. Ты лучше всех.

— Я не слишком стара для кордебалета?

— Не знаю, как ты, а я точно слишком стар для idiotских вопросов. Позвони, когда приедешь в город.

В трубке раздались гудки. Блэр положила трубку на рычаг и задумалась, перебирая в голове то, что надо было успеть сделать до отъезда. У нее мало времени — не больше пары часов...

— В чем дело?

Блэр даже вздрогнула, когда голос Шона ворвался в водоворот ее мыслей.

— У меня просмотр, представляешь! — возбужденно сообщила она и кратко пересказала свой разговор с Барни.

— Ты собираешься пойти? — В голосе Шона явственно слышались нотки недоверия.

— Разумеется, собираюсь, — Блэр как будто защищалась. — Это переломный момент в моей карьере.

— Угу. Это и вправду может кончиться

переломом. Только другим — переломом твоей ноги.

Он произнес как раз то, о чем Блэр упорно не желала думать. Ну почему он не может порадоваться за нее?

— Со мной ничего не случится. Я танцевала, ты сам видел. Мои ноги в полном порядке.

— Тебе просто повезло в тот раз.

— Они больше не болят! — крикнула с вызовом Блэр.

— Тогда почему бы тебе не зайти к врачу перед просмотром? Я тебя отвезу.

— У меня нет времени. — Блэр рванулась к двери и слетела вниз по ступенькам, не обращая внимания на боль, пронзившую ее колени. — И я не нуждаюсь в том, чтобы ты меня подвозил. Я сама могу найти дорогу в Нью-Йорке.

Она слышала, как Шон выругался и бросился вниз следом за ней по ступенькам.

— Блэр, ради всего святого, одумайся. Я понимаю, что тебе представился шанс, но, если тебя возьмут в шоу, тебя ожидают длительные репетиции и...

— Я знаю, что значит участвовать в шоу, и не могу дождаться, когда это начнется.

Шон следовал за ней по пятам, когда Блэр шла по лужайке, поднималась по лестнице и входила в свою квартирку над гаражом. Она повернулась к нему, чтобы не пустить его дальше порога.

— Надеюсь, ты извинишь меня, — сдержанно сказала она.

Но Шон не унимался:

— Если ты не хочешь подумать о своем здоровье, подумай о своих обязательствах в нашем городке.

Блэр рассмеялась:

— Да ладно тебе, Шон! Через неделю после моего отъезда никто и не вспомнит обо мне. Эти занятия балетом не имеют ровно никакого значения.

Лицо Шона окаменело.

— Возможно, для вас, мисс Симпсон, это не имеет никакого значения. Но для женщин, которые ходили на ваши уроки, они очень важны. И еще больше они значат для маленьких девочек. Вы сами говорили, что некоторые из них подают надежды. Напри-

мер, Мэнди Дельгадо. Как вы собираетесь объявить ей, что больше не станете ее учить?

Его аргументы задели ее больнее, чем Блэр хотела это показать.

— Дело не во мне. Она унаследовала свой талант от Пэм. Ее может учить кто угодно.

— Но ты же лучше всех, и ты отлично это знаешь.

— Пока я хорошо понимаю только одно: ты делаешь все, чтобы я не попала на просмотр.

— И ты уедешь вот так, запросто, бросив свой танцкласс?

— Я никого не вводила в заблуждение. Все знали, что занятия не продлятся больше полугода, — взорвалась Блэр. — Какая разница? Или ты теперь жалеешь, что вложил столько денег в это здание?

Губы у Шона побелели, на скулах зажглись два красных пятна. Он мрачно посмотрел на Блэр. Ей даже показалось, что Шон может ударить ее. Но он молча развернулся и вышел, так хлопнув дверью, что зазвенели оконные стекла.

Три часа спустя Блэр уже стояла у двери в репетиционный зал. Она слышала голос хо-

реографа, объяснявшего, какие па необходимо будет выполнить. Пианино было, как всегда, расстроено, но наигрываемая мелодия оказалась знакомой.

Несмотря на бурную ссору с Шоном, она успела собраться и приехала на фургоне Пэм на вокзал вовремя, чтобы успеть на поезд. Блэр повязала шарфом голову, чтобы прикрыть бигуди, и в таком виде села в такси у вокзала. Машина привезла ее к нужному зданию на углу Бродвея и 73-й Западной улицы. Она расчесала волосы вниз в туалете и там же сняла юбку и блузку и надела трико.

Не желая признавать, что одно доброе слово, одно пожелание удачи, один поцелуй Шона намного облегчили бы ей предстоящее испытание, она повернула ручку двери и вошла в зал.

9

— Блэр! Господи, да что случилось? — Пэм не верила своим глазам. Она услышала громкий стук в дверь, открыла ее и увидела свою подругу. На пороге стояла Блэр, слезы

ручьем текли у нее по щекам, глаза покраснели и опухли, макияж размазался по лицу.

— Шон здесь? Я видела его грузовик.

— Да, он работает в игровой комнате, но...

— Я не хочу, чтобы он меня увидел в таком состоянии, но мне необходимо срочно поговорить с тобой.

— Заходи, — пригласила Пэм. Женщины прошли по коридору в спальню в задней части дома, которую занимали Пэм и Джо. — Малыш спит. Эндрю крутится около Шона, а остальные играют во дворе. Будем надеяться, что нас какое-то время никто не потревожит. — Пэм прикрыла за собой дверь поплотнее и села на кровать рядом с Блэр.

Та громко всхлипывала, согнувшись почти пополам. Пэм не стала накидываться на подругу с расспросами. Что бы ни произошло во время просмотра, Блэр ей все равно расскажет через некоторое время. Когда утром Шон приехал к ним достраивать игровую комнату, глаза его метали молнии, лицо было суровым. Пэм храбро спросила, дозвонился ли Барни до Блэр. Он прорычал нечто утвердительное, а потом Пэм услышала весьма не лестное мнение об этом чертовом Барни, по-

том Шон высказался о проклятом просмотре и о невероятно упрямой и глупой женщине, которая никак не желает понять, что лучше для нее самой.

— Я так понимаю, что ты не одобряешь ее возвращение в Нью-Йорк и осуждаешь Блэр за то, что она пошла на просмотр, — осмелилась заметить Пэм.

— Да, черт побери, не одобряю! — рявкнул Шон. — Ей же было предписано обойтись без больших нагрузок. Она может остаться инвалидом на всю жизнь.

Но Блэр вернулась на своих ногах, так что Пэм стало ясно, что ее подруга страдает не от физической боли. Но что бы ни случилось, на Блэр было страшно смотреть. И теперь, сидя на кровати, Пэм лишь легонько поглаживала Блэр по спине, словно одного из своих детей. Она шептала какие-то утешительные слова, и наконец рыдания Блэр стали стихать.

— Успокойся, дорогая! Расскажи мне все по порядку. — Голос Пэм звучал мягко, успокаивающе.

Блэр подняла на нее встревоженные глаза. Губы ее дрожали, и Блэр никак не могла

выговорить первые слова. Она передернула плечами, но все-таки сумела взять себя в руки и произнесла едва слышно:

— Я не прошла.

Пэм с облегчением вздохнула, но постаралась сделать это незаметно. Она была абсолютно согласна с Шоном. Блэр не следовало возвращаться на сцену, пока она не вылечит свои колени. Пэм хорошо знала, каково это танцевать долгие часы, испытывая мучительную боль. Если Блэр собирается снова вернуться на профессиональную сцену, она должна как следует восстановить свои силы.

— Тебя подвели колени?

Блэр покачала головой:

— Нет, Пэм, с ними было все в порядке. Я хорошо разогрелась и танцевала лучше, чем прежде. Я вложила все силы и всю душу в этот просмотр, и... — Она судорожно вздохнула, пытаясь справиться с подступившими слезами. — Даже то, что я не слишком хорошая певица, мне не повредило. Остальные пели не лучше. Хореограф и продюсер отобрали из пятидесяти человек только восемь. Я знала наверняка, что прошла. Я не могла провалиться. У меня было больше опыта, в

этот раз я танцевала безупречно. Но самая старшая из конкурсанток оказалась лет на пять моложе меня. Хореограф назвал пятерых, что будут участвовать в спектакле, моей фамилии в списке не оказалось.

— Блэр, дорогая моя, ты же знаешь, что провал на просмотре ничего не значит. Абсолютно ничего. Это просто оказалось не твоё шоу. Тебя столько раз отсеивали на просмотрах! Да и меня тоже. Будут и ещё просмотры.

Блэр сокрушенно покачала головой:

— Хотелось бы мне в это поверить! Я должна была участвовать именно в этом шоу, чтобы жить дальше, чтобы быть уверенной в себе, в своем будущем. Понимаешь, Пэм, я знаю, я чувствую — это был мой шанс! — Она сжала руку Пэм. — Я так хорошо танцевала, Пэм! Правда, поверь мне!

— Да я и не сомневаюсь! Знаешь, что меня больше беспокоит? Не навредила ли ты себе этим выступлением, — с тревогой сказала Пэм. — Ты давно не давала такой нагрузки своим ногам. Ноги болят?

Блэр пожала плечами:

— Немного. Да я уже привыкла.

Пэм решилась заговорить о другом:

— Шон так волновался за тебя! Он буквально рыл землю, как разъяренный бык. Он тоже боялся, что ты можешь упасть и повредить колено. И кончится все это больницей.

Блэр обиженно фыркнула:

— Шон просто разозлился, что я не послушалась его совета. Хотя как раз совета я у него и не спрашивала. — У нее снова задрожали губы. — Когда мне потребовалась его поддержка, он просто наорал на меня. Это очень способствует развитию отношений, как ты догадываешься. Пока я была покладистой, его все устраивало, а когда я сделала что-то по-своему, он разъярился. Я полагаю, что стала очередным скальпом в его коллекции. И я уверена, что абсолютно ничего для него не значу.

— Не говори глупостей! Ты меня удивляешь, подруга! Может, ты все-таки откроешь глаза пошире? Ты что, совсем ослепла?! — вспыхнула Пэм. Блэр удивленно подняла на нее глаза. Никогда еще за все долгие годы их дружбы ей не доводилось слышать, чтобы Пэм говорила с ней так резко. — Шон Гэрит тебя любит! Он просто сходит с ума от любви к тебе. И если бы ты была поумнее, в чем я

теперь весьма серьезно сомневаюсь, ты бы обратила внимание на то, что он тебе говорит. Шон сходил с ума от тревоги. Его не волновало, возьмут тебя в шоу или нет. Он думал о том, как ты выдержишь этот просмотр. Мы оба считаем, что твое здоровье важнее твоей карьеры, хотя ты сама, судя по всему, думаешь иначе. Шон был так расстроен, что даже позвонил Джорджу Силвертону, только чтобы...

— Джорджу Силвертону?! — прервала ее тираду Блэр. — Тому самому Джорджу Силвертону, продюсеру шоу? — Она сорвалась с кровати.

Пэм изумило такое внезапное возвращение к жизни. Она отступила на шаг и кивнула:

— Ну да...

— А откуда, интересно, Шон Гэрит знает Джорджа Силвертона? — требовательно поинтересовалась Блэр.

Пэм нервно облизала губы. Неужели она все испортила? Ей совсем не понравился холодный блеск, появившийся в зеленых глазах Блэр, и ее вытянувшиеся в тонкую линию губы.

— Он... гм... Шон ремонтировал для него

дом в прошлом году. Они подружились, мне так кажется, и...

— Неважно, — Блэр метнулась к двери и рывком распахнула ее. Она побежала по коридору, и Пэм едва успевала за ней.

— Блэр, подожди! Не делай ничего сторяча. Он...

— Я знаю, что он сделал, — выкрикнула Блэр через плечо. Она выругалась, потому что никак не могла открыть дверь во внутренний дворик. Та наконец поддалась, и Блэр промаршировала по каменным плитам, как безжалостный солдат армии мщения, и подошла к стройке.

Шон стоял, расставив ноги, и крепил деревянную балку. Услышав гулкие шаги, он повернул голову. Во рту он держал несколько гвоздей. Эндрю, помогавший своему кумиру, повернулся навстречу Блэр с широкой улыбкой, которая тут же растаяла, когда он увидел, что его дорогая Блэр просто кипит от ярости.

— Мне нужно с тобой поговорить, — Блэр едва сдерживалась, и голос ее звенел от волнения.

Шон без всякой спешки вынул гвозди из рта.

— Не сейчас, я занят.

— Нет, сейчас, — крикнула Блэр и топнула ногой.

Шон нахмурился.

— Я занят, — повторил он сердито. — И потом я считаю, что сейчас не время и не место выяснять наши разногласия.

— Мне плевать на то, что ты думаешь, и на то, что нас кто-то может услышать.

— Что ж, а вот мне не все равно. — И прежде чем Блэр сообразила, что он собирается делать, Шон бросил гвозди и молоток на цементный пол, подошел к ней, подхватил и перебросил через плечо, словно мешок с мукой.

Блэр не могла вымолвить ни слова от неожиданности. Когда она пришла в себя, то закричала:

— Немедленно поставь меня на землю, идиот! — Она извивалась, била его сжатыми кулачками по спине, брыкалась, но все было напрасно. Она ударилась о притолоку, да так, что злые слезы выступили у нее на глазах. Блэр успела их смахнуть, прежде чем Шон

сбросил ее на кровать в спальне Пэм и Джо и захлопнул дверь. Они остались в комнате одни.

Блэр сорвалась с кровати и встала перед ним, уперев руки в бока.

— Я должна была знать, что у тебя инстинкты пещерного человека, привычки варвара. Они все равно проявились бы раньше или позже.

— Это не я устроил сцену, а ты, — рявкнул в ответ Шон. — И я не собираюсь извиняться за то, что протащил тебя по дому, как куль с цементом, потому что в тебе не больше чувств, чем в нем. Если тебя не волнует, что нас могла услышать Пэм, то подумала хотя бы об Эндрю. Он тебя боготворит, хотя я считаю его отношение к тебе ничем не оправданным.

— Не читай мне нотаций по поводу моего поведения, — резко парировала Блэр. — Я хочу узнать только одно. — Ее грудь вздымалась от возбуждения. Она чувствовала, как кровь бурлит в ее венах. Перед глазами плыл красный туман, в ушах шумело, ее отчаянно трясло. — Ты звонил сегодня утром Джорджу Силвертону или нет?

— Да, я ему звонил, — выражение лица Шона не изменилось. Он оставался совершенно спокойным.

— Ты давно с ним знаком?

— Да. Мы играем с ним в теннис, когда он приезжает сюда на выходные.

Краткие ответы Шона каким-то странным образом только сильнее разжигали злость Блэр.

— Это твои интриги не дали мне пробиться в шоу?

— Нет.

— Только не лги мне, — крикнула Блэр.

— Я не лгу! — заорал в ответ Шон.

— Нет, лжешь! Ты позвонил Силвертону и попросил его «по-дружески» не занимать в шоу некую мисс Блэр Симпсон. Что ты ему наговорил? Что я могу упасть во время представления? Что я не балерина, а калека? Что я твоя временная партнерша по постели и ты пока не готов отпустить меня на работу? Что ты ему сказал?

Слова, что в эту минуту сорвались с губ Шона, могли бы «украсить» только стены самого грязного общественного туалета. Он резко выпрямился и стоял, уперев руки в бо-

ка, рассматривая Блэр с удивлением и презрением.

— Ты в самом деле так думаешь? — справившись с гневом, спросил Шон Гэрит, когда Блэр отвела глаза, не выдержав его взгляда. — После тех дней, что мы провели вместе, ты можешь искренне думать, что я способен совершить нечто подобное?

Его голос постепенно поднимался до крика. Он закинул голову, глубоко вдохнул и выдохнул, пытаясь совладать с эмоциями.

— Нет, Блэр, мне жаль разочаровывать тебя, но я ничего подобного не делал. Если откровенно, твое имя вообще не упоминалось в нашем разговоре. Да, я действительно позвонил Джорджу, который на самом деле является моим другом. Спросил его о том, что это будет за шоу, пытался выяснить, насколько тяжелым испытанием оно станет для тебя. Вот и все. Точка. Хочешь — верь мне, хочешь — нет. Но это правда.

— А я тебе не верю, — безапелляционно заявила Блэр. — Я хорошо танцевала. Я была просто великолепна. Что-то помешало моему участию в шоу, и это «что-то» не имеет ника-

кого отношения к моему выступлению на просмотре.

— Но это никак не связано и со мной. Зачем мне мешать тебе? — В его голосе слышалось искреннее недоумение, которое Шон пытался скрыть. Он никак не мог понять, почему Блэр подозревает его в такой низости.

Она зло рассмеялась:

— Как будто мне не известна твоя репутация! Ты что, серьезно? У тебя было множество причин сделать это. Назову по меньшей мере одну. Тебя бы вполне устроила любовница, живущая с тобой под одной крышей. Куда как удобно — никаких хлопот!

Шон побелел как полотно. Даже его глаза вдруг потеряли свой синий цвет. Он сделал угрожающий шаг в сторону Блэр.

— Мне бы следовало ударить тебя за эти слова.

— Конечно! И это вполне соответствовало бы твоему образу, — язвительно парировала Блэр.

— Или скорее мне следовало бы уложить тебя в эту постель и заняться с тобой любовью, чтобы ты пришла в себя или хотя бы помолчала какое-то время.

— Завоевать меня при помощи секса? Так вот что ты пытался проделать эти последние несколько дней?

— Не завоевать, нет. Убедить. Доказать тебе, что в жизни много прекрасного, кроме выступления на профессиональной сцене.

— Только не для меня!

— Именно для тебя. Ты не один раз убедилась, что ты можешь получать куда большее наслаждение, занимаясь со мной любовью, чем когда ты танцуешь.

— Нет!

— Да! Я видел, как ты вся светишься от удовлетворения. Я слышал, как ты довольно урчишь от удовольствия. Ты буквально излучала счастье. И посмотри на себя сейчас. Сегодня танец принес тебе счастье? Ты выплакала все глаза. И что, черт побери, случилось с твоими волосами?

Ошеломленная этим неожиданным вопросом, совершенно не относящимся к теме разговора, Блэр машинально провела рукой по волосам, пытаясь сообразить, что же с ними не так.

— Я... Я накрутила их на бигуди.

— Ты хочешь сказать, что сделала это

специально для выступления? — бестактно поинтересовался Шон.

Блэр, защищаясь, вздернула подбородок.

— На сцене такая прическа лучше смотрится. И потом так я выгляжу моложе.

— Моложе! — фыркнул Шон. — Точно, ты выглядишь как молодая обезьяна.

— Я не собираюсь это выслушивать, — фыркнула Блэр и решительно направилась к двери.

Шон схватил ее за запястье и развернул к себе лицом. Рука Блэр как будто попала в стальной капкан.

— Нет, ты будешь меня слушать, — проговорил он сквозь стиснутые зубы. — Просто необходимо, чтобы кто-то наконец сказал тебе об этом. Ты, Блэр Симпсон, самая зацикленная на себе личность из всех, кого мне доводилось встречать. Твой эгоизм стал настолько неотъемлемой частью твоей натуры, что ты его уже не замечаешь. Настало время открыть тебе глаза.

Блэр попыталась вырвать руку, но все ее усилия оказались тщетными.

— Неужели ты полагаешь, что ты единственный человек на свете, оказавшийся в

сложном положении? Неужели жизнь выдала тебе гарантию, что твой путь будет усеян только розами? А что, если ты никогда больше не сможешь танцевать? Что тогда? Что останется в твоей жизни? Или ты собираешься броситься под колеса поезда, как это сделал твой приятель Коул?

— Отпусти меня, — раздраженно крикнула Блэр. Ей все-таки удалось освободить онемевшие пальцы. — Я не сдамся до тех пор, пока у меня будет успех.

— Какой успех? Успех танцовщицы? Ты его добила. У тебя за плечами двенадцать лет успешной карьеры на профессиональной сцене.

— Мне мало этого! И потом моя жизнь еще не закончена, мне рановато почивать на лаврах.

— Этого всегда будет недостаточно, потому что у успеха много граней, и только некоторые из них связаны с известностью и влиянием. Но не все добиваются такого успеха. Некоторые остаются просто заботливыми, любящими, нежными людьми. А вот в этом, мисс Симпсон, вы совершенно не преуспели.

Эти слова прозвучали как пощечина, на глаза Блэр снова навернулись слезы, и она крикнула:

— Замолчи!

— Нет, это ты замолчи и слушай меня. Никакой успех не сделает тебя счастливой, потому что ты всегда будешь помнить, что успех — это явление преходящее. Сегодня он есть, а завтра его нет. Тебе отчаянно хочется, чтобы тебя наконец поняли и приняли как личность. Но не имеет значения, кто именно это сделает, так как ты до сих пор не принимаешь сама себя. Вот что с тобой не так, Блэр. Ты не любишь саму себя.

Шон слишком близко подошел к правде, и Блэр постаралась защититься как только могла. Ей необходимо было переложить на кого-то свою боль и чувство вины.

— Как ты смеешь говорить мне о том, о чем сам не имеешь ни малейшего представления? Что ты знаешь о разочарованиях и трудностях? Ты живешь здесь в своем чистеньком уютном гнездышке и преуспеваешь. К чему бы ты ни прикоснулся, все превращается в золото. Расскажи-ка мне, царь Мидас,

когда в твоей жизни были дни разочарования и обиды?

— Восемь лет назад. Я был банкротом и потерял все.

В комнате повисла такая тишина, что казалось, ее можно потрогать руками. Шон дал себе волю, и его выплеснувшаяся наружу ярость лишила Блэр дара речи. Но он и хотел, чтобы она молчала. И вот теперь Блэр смотрела на него, осознавая то, что только что услышала.

— Ты обанкротился? — еле слышно прошептала она.

— Сядь, Блэр, и выслушай.

Она послушалась, не задавая никаких вопросов, подошла к кровати и опустилась на нее. Шон встал у окна, повернувшись к ней спиной.

— Мне было тридцать лет. Я строил направо и налево паршивые домишки. Покупал все больше земли и снова строил. Как ты сказала, я не мог ошибиться. Но я ошибся. Все пошло не так. Я неправильно вложил деньги, рынок оказался перенасыщенным, выросла арендная плата, у людей стало меньше денег.

Никто не покупал мой дома. Банки потребовали вернуть кредиты. Я оказался на нулях.

Мои друзья по загородному клубу и инвесторы забыли номер моего телефона и были бы рады, если бы вообще никогда не были знакомы со мной. Люди всегда нервничают, оказываясь рядом с человеком, который третий раз идет ко дну. Им кажется, что у него заразная болезнь и неудачник может передать ее им. В любом случае рядом со мной стало совсем не весело. Мне пришлось продать яхту, «Кадиллак», шесть лошадей, теннисную ракетку и клюшки для гольфа. — Шон горько рассмеялся. — Я не шучу. Все было на самом деле так плохо.

К счастью, мой отец отошел от дел за несколько лет до этого. Ему совсем не нравилось то, что я делал с его бизнесом, которому он посвятил всю свою жизнь. Мой отец оказался прав. Но в любом случае его деньги и деньги мамы не пострадали.

Мне удалось перевести мои активы в наличные и выплатить долги. Это происходило медленно, очень медленно. Но большинство кредиторов получили все, что давали моей фирме. Я переехал в этот город и начал все

сначала. Я стал работать плотником. Оказалось, что работа руками приносит мне удовольствие.

Я накопил денег и купил дом. Я сам отделявал его по выходным. Потом я приобрел еще один и продал его, используя мой дом в качестве образца. Покупатели видели, как можно реставрировать старые особняки. Остальное ты можешь представить сама. Мне очень повезло. Судьба дала мне второй шанс, и я его не упустил. — Шон повернулся к Блэр:

— Ты спрашивала о женщине, на которой я собирался жениться. Она бросила меня, как только дела пошли плохо. Она побоялась оказаться привязанной к мужу, который не может платить взносы в загородный клуб, не говоря уж о том, чтобы оплачивать ее счета в самом дорогом магазине.

— Она вот так просто взяла и ушла? — Пока Шон говорил, Блэр молчала. Когда она узнала, что Шон Гэрит, воплощение успеха и уверенности в себе, прошел через такие испытания, ее гнев утих, уступив место восхищению.

— Да, и в то время я был рад, что она уш-

ла. Мне не надо было нести ответственность еще и за нее. Но я был вне себя от злости, потому что она оставила себе кольцо с бриллиантом, которое я подарил ей в знак помолвки. Я намеревался его продать — даже эти деньги могли бы мне очень пригодиться. — В глазах Шона вспыхнули веселые огоньки.

— И ты никогда больше ее не встречал?

— Ну почему же, встречал. Несколько лет спустя, когда один лондонский банкир бросил ее ради более обеспеченной разведенной дамы, она приехала сюда, чтобы увидеться со мной. «Таймс» только что напечатала обо мне статью в воскресном выпуске. Я снова начал свой путь вверх. Она ахала и охала при виде отреставрированных мною домов. Я только что купил «Мерседес». Она никак не могла от него оторваться. Как выяснилось, ей очень понравились мои «миленькие домики». Она влюбилась в мой «миленький город». Она, оказывается, любила меня всем сердцем и не могла представить, как это ей могло показаться, что она меня не любит.

Блэр во все глаза смотрела на Шона.

— И что же ты ей на все это ответил?

— Ничего. Я рассмеялся ей в лицо и по-

желал счастливой охоты. Насколько мне известно, эта леди до сих пор пытается заполучить богатого мужа. — Шон не улыбнулся собственной попытке пошутить. Он сел рядом с Блэр на кровать.

Он взял ее руку и положил на свою ладонь. Шон залюбовался тонкими пальцами, погладил тонкие вены на запястье.

— В середине жизни, Блэр, человеку приходится проходить через испытания. Женщины теряют мужей, и им приходится впервые начинать работать. Мужчин увольняют с фабрик, где они проработали по тридцать лет, и им приходится искать другую работу. Домохозяйкам приходится справляться с одиночеством, когда их дети покидают дом.

Мне тоже пришлось начать все сначала, и я не задумывался о том, буду ли я когда-нибудь счастлив. И все-таки я сейчас счастлив, как никогда. Никто не мог предвидеть, что я буду вести такую жизнь. Это был подарок судьбы. И все сложилось так, как сложилось.

Блэр вспомнила, как Пэм говорила что-то подобное в тот день, когда она переехала в квартиру над гаражом. Ее подруга упоминала

что-то такое, что ждет Блэр, хотя сама она об этом и не подозревает.

— Мне нравится моя работа, — продолжал Шон. — Я горжусь ею. Я получаю осязаемое удовольствие, когда дом преобразается под моими руками. Я никогда не испытывал такого удовлетворения, приобретая участки земли и застраивая их однотипными домами. — Он приподнял подбородок Блэр, чтобы посмотреть ей в лицо. — Я произвожу впечатление сумасшедшего? Или я кажусь тебе сентиментальным?

Блэр покачала головой:

— Ты кажешься мне человеком, стоящим обеими ногами на земле. Ты понял, что такое истинные ценности, но это понимание пришло к тебе после тяжелых испытаний. Ты выжил. И ты доволен своей жизнью.

— Я доволен всем, кроме одного. В моей жизни не хватает жизненно важного компонента, — мягко ответил Шон. Он приподнял массу волос, прикрывавших ее ухо, и пощекотал его усами.

Помимо ее воли глаза Блэр закрылись, голова откинулась назад.

— И что же это такое, что так необходи-

мо тебе? — Блэр чувствовала, что Шон настойчиво заставляет ее лечь.

Его губы прошлись по ее щеке и прошептали ей на ухо:

— Мне не хватает женщины, которая бы меня любила. Которая жила бы со мной и поделила со мной мою жизнь. Чтобы было с кем посмеяться и с кем заняться любовью. — Его язык скользнул по уголку ее рта, заскользил по нижней губе. — Блэр, сегодня тебе причинили боль. Если бы я только мог, я бы избавил тебя от этого. Но может быть, это и к лучшему, что все случилось именно так.

Блэр не могла размышлять, когда его язык пробирался в ее рот, а рука возилась с пуговицами на блузке, но его успокаивающая интонация задевала какой-то нерв, и это не давало ей совсем расслабиться.

— Почему же это к лучшему? — спросила она.

— Потому что теперь тебе легче будет принять свою жизнь здесь. Теперь ты можешь забыть о возвращении назад.

Блэр резко повернула голову, уклоняясь от его поцелуя. Она перехватила руку Шона у

своей груди, села, отбросила ее в сторону и резко повернулась к Шону.

— Ничего подобного, Шон. И я ни о чем не забыла, особенно о моей карьере.

Шон приподнялся на локте.

— Последние полчаса ты внушал мне, как это замечательно, когда жизнь дарит второй шанс. И я собираюсь воспользоваться возможностью, которую судьба дает мне. Я намерена вернуться. Как только я дозвонюсь до Барни...

— Я просто не могу поверить. — Шон резко поднялся с кровати и со всей силы ударил кулаком по деревянной спинке. — Я говорил о возможности начать новую жизнь, а не о том, чтобы продолжать жить по-старому. Не будь такой тупой, Блэр. Ты слышишь только то, что тебе хочется услышать, и ты все поворачиваешь так, как удобно тебе.

— Нет, вы только посмотрите, кто меня в этом обвиняет! Ты рассказал мне историю, Шон, но она о твоей жизни, а не о моей.

— Наши жизни могут соединиться.

Простота его слов испугала Блэр больше, чем его яростный напор.

— Но у нас разные жизни, Шон. И они не могут соединиться сейчас, пока...

— Пока ты не искалечишь себя настолько, что больше не сможешь танцевать? Или даже ходить? — Шон сорвался на крик.

Он развернулся и направился к двери, резко распахнул ее, чуть не сорвав с петель.

— Ладно, забудь об этом, куколка. И не воображай, что сможешь вернуться ко мне. К тому времени, когда ты будешь изуродована настолько, что никто другой тебя не захочет, мне ты тоже будешь уже не нужна.

Эти слова Шона никак не шли у Блэр из головы. Блэр слышала их снова и снова, словно заезженную пластинку, включенную какой-то дьявольской рукой, позже, когда она ворочалась на своем раскладном диване, таком неудобном и неуютном после широченной кровати в спальне Шона. Тогда они спали, прижавшись друг к другу, не в силах разомкнуть объятия. Его дыхание согревало ей ухо. Его руки служили ей убежищем. Его пальцы...

Пэм, молчаливая и явно осуждающая подругу, довезла Блэр до дома и предупреди-

ла, что в ближайшие дни фургон будет нужен ей самой. Они попрощались очень сухо. Уходя из дома Дельгадо, Блэр не видела Шона. Она только слышала яростный стук его молотка, обрушивающегося со всей силой на несчастные, ни в чем не повинные гвозди.

Блэр не хотела признаться даже самой себе, насколько она будет без него скучать. По дороге в свою квартирку над гаражом она решила немедленно вернуться обратно в Нью-Йорк. Невыносимо будет жить рядом с его домом, постоянно видеть Шона, чувствовать его неприязнь, готовую в любую секунду превратиться в открытую вспышку гнева, в которой сторят они оба.

Как только Пэм привезла ее, Блэр сразу же начала собирать вещи. На следующее утро она собиралась позвонить Пэм и объяснить, почему она не сможет больше вести занятия в балетном классе. Она обязана быть в Нью-Йорке, под рукой у своего агента на тот случай, если срочно понадобятся артисты для очередной новой постановки. Когда она сообщила о своем возвращении Барни, тот искренне обрадовался.

И второе, в чем не хотела признаваться

себе Блэр, была пульсирующая боль в обоих коленях. Эмоциональная встряска заглушила ее, но, как только Блэр осталась одна, она не смогла больше не обращать на нее внимания. Блэр попеременно прикладывала то горячие, то холодные компрессы, но ничего не помогло. Она приняла три таблетки аспирина, но через два часа ей потребовалось еще три. Ругательства и слезы отчаяния тоже не принесли облегчения. На просмотре Блэр танцевала в полную силу. И вот теперь она расплачивалась за это. Шон, наверное, был бы удовлетворен, увидев, в каком плачевном состоянии она находится.

Шон, Шон, Шон. Почему ей так недостает прикосновения его рук, одновременно успокаивающих и возбуждающих? Почему она тоскует по его губам под роскошными усами? Почему ее пальцам так не терпится прикоснуться к мощным мускулам его спины, провести по шелковистым волосам на груди, а ее рот жаждет ощутить только ему присущий вкус, и ее тело...

— Черт побери все! — выругалась Блэр сквозь слезы. Почему она плачет из-за него, а не из-за своих искалеченных коленей? То, что

Шон отверг ее, оказалось принять тяжелее, чем то, что ее не приняли в шоу. Но почему это так? Господи, она совсем запуталась.

На все эти вопросы существовал только один ответ, но Блэр пока не была готова его признать.

У Блэр над ухом громко зазвонил телефон, вырывая ее из объятий сна. Блэр застонала и зарылась лицом в подушку. Ей так долго не удавалось заснуть, и вот на тебе. И кто только посмел позвонить ей в такую рань? Телефон затрезвонил снова. Блэр наконец открыла глаза и поняла, что времени намного больше, чем она думала. Будильник показывал начало одиннадцатого.

Ее рука запуталась в простыне, и Блэр тщетно пыталась освободить ее, чтобы снять трубку. Телефон трезвонил не переставая.

— Попридержи лошадей, приятель, — пробормотала она, беря наконец трубку.

— Блэр! — раздался в трубке голос, который ей хотелось услышать больше всего на свете. Этот голос преследовал ее всю ночь... — Блэр! — нетерпеливо рявкнул Шон.

— Да... Да? Шон? Что случилось?

— Пэм с тобой?

Блэр ошарашенно оглядела комнату, почти веря в то, что сейчас увидит здесь Пэм.

— Нет, а что? Она...

— Ты ее видела? Знаешь, где она может быть? — Голос Шона звучал резко и нетерпеливо.

— Я... — Блэр не удивилась, что Шон все еще сердится на нее. Но звонить и грубить — это было как-то не в его стиле. — Шон, что-то случилось?

— Мне необходимо немедленно найти Пэм или Джо. С Эндрю произошел несчастный случай. Он ранен.

10

Блэр уставилась в пространство, недоуменно моргая глазами.

— Несчастный случай? Как...

— Я работал на крыше. Эндрю влез на лестницу, чтобы передать мне мешок с гвоздями. Но эта чертова штука поехала, и мальчик упал. Он ударился головой о плиты пола. Эндрю без сознания, и тут кругом кровь.

Блэр прижала трясущуюся руку к губам.

Эндрю — непоседливый, веселый Эндрю — без сознания, в крови... Нет, только не это!

— Он хотя бы пошевелился? Ты вызвал «Скорую»?

— Нет, он не двигается. «Скорую» я вызвал. Они едут. Пэм с детьми уехала около часа назад. Сержант пытается связаться с Джо по рации. Я подумал, что, если смогу где-то перехватить Пэм, скажу ей, чтобы немедленно ехала прямо в больницу.

Пэм! У Блэр сжалось сердце от тревоги за подругу. Что будет с ней, если Эндрю серьезно пострадает или... Нет, такое невозможно даже представить. А Шон продолжал:

— Ладно, все! Я должен ее найти. — И в трубке раздался сигнал отбоя.

«Господи, нет, — мысленно взмолилась Блэр. — Пэм этого не переживет. С Эндрю все будет в порядке. Он просто обязан выжить. Ведь там Шон. Шон обязательно... Шон! Он там один, в отчаянии, он так любит мальчика».

Блэр сорвалась с кровати, словно ее подталкивала невидимая мощная сила. И тут же вскрикнула от боли, пронзившей колени. Она задохнулась, зажмурилась, пытаясь справиться-

ся с невыносимой болью, от которой тошнота подступила к горлу.

Проковыляв до комода, она достала шорты и футболку, сунула ноги в сандалии и, преодолевая боль, бросилась к дверям и спустилась по лестнице.

— Ох, черт! Что же делать? — Блэр с досадой констатировала, что на месте «Мерседеса» Шона стоял его потрепанный грузовичок. Но у Блэр не было времени раздумывать.

Прихрамывая, она подошла к этой старой развалине с мотором, рывком распахнула дверцу и уселась за руль. Шон говорил ей, что всегда держит запасной ключ под сиденьем. Блэр сунула руку и мгновенно нашарила ключ. Она вставила его в замок зажигания и, молясь про себя, чтобы она не забыла, как водить машину с обычной коробкой передач, повернула его. Мотор молчал.

— Проклятие! — выругалась Блэр. — Давай заводись, чертов упрямец! — Ее ноги попеременно нажимали на сцепление и на газ, но машина не желала заводиться.

Блэр опустила голову на руль и дала волю слезам, готовым пролиться с той самой секунды, как она услышала голос Шона в теле-

фонной трубке. Потом она резко выпрямилась, ударила обоими кулачками по рулю.

— Я должна поехать к нему! Я обязана быть с ним. Заводись, будь ты проклят, чертов грузовик, заводись! — Ее боль, разочарование, отчаяние — все сплелось в этом крике. — Заводись!

Она попробовала в последний раз завести машину, но у нее ничего не вышло. Блэр вылезла из грузовика и в отчаянии оглядела двор, от бессилия ломая руки. И тут ее взгляд привлекла дорожка, убегавшая за угол дома.

— Короткий путь, — прошептала Блэр, вспоминая слова Эндрю. Мальчик рассказывал ей, что нашел короткую дорогу, чтобы побыстрее добраться от дома Дельгадо до дома Шона.

Блэр пустилась бежать. Она не думала о боли, разрывающей колени, отдающейся в бедра, в позвоночник, в мозг. Блэр словно отключилась от нее, ее боль существовала отдельно.

Маленький Эндрю, такой добрый и славный. Он любил ее. Пэм так говорила. Пэм, ее лучшая подруга. Пэм, чьи советы и здравый смысл она всегда высмеивала, оказалась в бе-

де. Блэр всегда полагалась на силу Пэм. Но говорила ли она когда-нибудь своей подруге, насколько дорожит их дружбой? И там Шон. Он любит ее. Или любил, пока Блэр сама не отвергла его любовь. «Не отказывайся от меня, Шон, прошу тебя!»

Блэр бежала какими-то закоулками и дворами к дому Дельгадо. Она ощущала любопытные взгляды людей, работавших в саду или отрывавшихся от повседневных забот, чтобы выглянуть в окно и взглянуть на встревоженную женщину, несущуюся сломя голову среди бела дня да еще при такой жаре. Ее никак нельзя было принять за человека, бегущего трусцой ради собственного удовольствия.

Блэр не обращала внимания на сухую, высохшую траву, коловшую ее голые ноги, на камни, впивающиеся в тонкие подошвы сандалий, — она мчалась вперед. Тревога терзала ее сердце, но перед глазами почему-то был Шон, выходящий обнаженным из воды, излучающий жизненную силу и уверенность в себе, которыми он хотел поделиться с ней.

Блэр не слышала своего тяжелого, прерывистого дыхания. У нее в ушах звучал смех

Шона. Она снова слышала те слова любви, что он шептал ей, и ее сердце билось чаще. Именно эти слова помогли ей восстановить дух.

Она не чувствовала, как по ее спине ручейками сбегает пот. Блэр помнила только о руках Шона, нежных и любящих, сильных и уверенных.

Как она могла подумать, что сможет прожить без всего того, что ей дал Шон Гэрит? Она должна увидеть его, сказать ему, доказать, что и она может быть любящей и заботливой. Она на самом деле любит его. И именно сейчас Шон нуждается в ней. Она не может, не должна оставить его одного. «Беги!» — повторяла снова и снова Блэр, совершенно обессилев. Осталась всего одна улица.

Ее измученные ноги задвигались быстрее, словно поршни хорошо смазанного механизма. Вот уже показался остов крыши, на которой работал Шон. «Слава богу. Слава тебе, господи. Я почти добежала», — пронеслось в голове Блэр. Ей оставалось преодолеть всего несколько ярдов.

Она выбежала на улицу прямо напротив

дома Дельгадо. И тут вдруг все как-то странно замедлилось. Блэр увидела их — Шона, Пэм и Джо, склонившихся к Эндрю. Мальчик сидел на ступеньках крыльца, прижимая ко лбу окровавленное полотенце. И с ним было все в порядке! Или нет? Но в таком случае он не сидел бы на крыльце...

Джо поднял голову, и Блэр услышала его голос, прозвучавший как будто издалека:

— Блэр!

Пэм и Шон медленно повернулись в ее сторону, словно на замедленной съемке. Удивление и ужас застыли на их лицах. Они рванулись к ней, но лишь поплыли по воздуху. Блэр увидела, как губы Шона произносят ее имя, но ничего не услышала.

Блэр не отдавала себе отчета в том, что бежала она, неестественно выгнув ноги и сложившись почти пополам. Ноги едва держали ее. Она почувствовала лишь тупой удар, когда ее тело упало на дорожку. Блэр удивленно смотрела прямо перед собой — она лежала на темном горячем асфальте.

И тут впервые в своей жизни она потеряла сознание...

— ...Ничего подобного!

— Но, Пэм...

— Никаких «но, Пэм» я даже слышать не желаю. Я же говорила тебе, что ты можешь лежать здесь и выздоравливать. Я буду выносить за тобой судно. Я буду тебе готовить, стирать твою одежду, растирать тебе спину, делать все, что потребуется. Но я не буду объясняться с твоим домовладельцем.

— Хорошей же ты оказалась подругой, нечего сказать, — плаксиво заныла сидящая в постели Блэр.

Разговор происходил спустя четыре дня после несчастного случая с Эндрю. Мальчик чувствовал себя вполне сносно и с гордостью демонстрировал всем желающим широкую полосу пластыря на виске. Блэр теперь уже могла сидеть, если под колени подложить подушку. Этим утром она отказалась от болеутоляющего, которое прописал ей врач. Боль в коленях была терпимой, и она решила отпраздновать этот день, попросив Пэм надеть на нее блузку и слаксы.

Пэм поместила ее в комнату, слишком маленькую, чтобы называться таковой, но слишком большую, чтобы быть просто стен-

ным шкафом. Каким образом Джо удалось втиснуть туда двуспальную кровать, Блэр так никогда и не узнала. Когда женщина пришла в себя после обморока, вызванного острой болью, она уже лежала здесь. Два дня боль не давала ей возможности даже осмотреться. Накануне Блэр подумала, что, вероятно, выживет. Сегодня она была уже в этом уверена.

— Я на самом деле твоя подруга, — ответила ей Пэм. — Я доверяю тебе настолько, что могу оставить тебя на весь уик-энд с моим мужем и буду уверена, что ничего не случится. Но я не собираюсь делать за тебя грязную работу. Если ты хочешь отказаться от квартиры над гаражом, прекратить все отношения с Шоном, уйти из его жизни, то именно ты должна заплатить квартирную плату и вернуть ему ключ, а не я.

Пэм пододвинула к себе кресло, единственный предмет мебели, уместившийся в этой комнате помимо кровати, и тяжело опустилась в него, осуждающе глядя на подругу.

— Вы двое просто сводите меня с ума, вы это понимаете? Шон обходит эту часть дома, словно мы все тут прокаженные. Он прихо-

дит каждый день, достраивает игровую, потом уходит. При этом он орет на любого, кто попадется ему на пути. Выглядит Шон просто кошмарно — почти так же плохо, как ты.

— Вот спасибо, — Блэр наконец удалось вставить хоть слово в гневную тираду подруги.

— Шон считает, что ты его презираешь.

— Презираю?

— Ну да. Последние дни он рассуждает так же разумно, как и ты. Раз ты повредила колени, когда бежала к нему, чтобы помочь с Эндрю, он, естественно, предполагает, что ты никогда не простишь его за то, что он позвонил тебе тогда утром.

— Что за чушь!

— Чушь, сказала эта милая леди, — Пэм обратилась к потолку. — Ты разве не понимаешь, с какими двумя идиотами я имею дело последние четыре дня? Ты, видишь ли, не желаешь его видеть, потому что Шон сказал тебе в приступе гнева, что не примет тебя, когда ты приползешь к нему искалеченная. А Шон изводит себя мыслями о том, что ты теперь его ненавидишь. Что ж, с меня довольно! — Пэм хлопнула себя по коленям и встала. — Как я уже сказала, я, моя семья,

мой дом, все в твоём распоряжении до тех пор, пока ты не встанешь на ноги. Но я отказываюсь и дальше играть роль Купидона или Венеры. Все. Точка. — Кипя от возмущения, она направилась к двери. — Кстати, звонила твоя мать и спрашивала, правильно ли ты поняла то, что сказал тебе врач. Она перезвонит тебе через пару дней.

Блэр с мольбой в глазах протянула руку к Пэм:

— Пэм! — Та обернулась и быстро подошла к кровати, чтобы сжать протянутую руку. — Спасибо тебе за все!

— Ну почему ты такая упрямая, Блэр, а? Ты ведь знала, что, если ты будешь так бегать, ты здорово рискуешь.

Блэр пожала плечами, шмыгнула носом, прогоняя слезы, и встретилась взглядом с встревоженными глазами Пэм.

— Я люблю тебя.

У Пэм на глазах тоже выступили слезы.

— Я тоже тебя люблю. — Следующие несколько минут были до края переполнены эмоциями. Потом Пэм попросила: — Позволь мне все-таки позвонить Шону и пригласить его сюда.

Блэр упрямо покачала головой:

— Нет. Пусть все остается так, как есть.
Так лучше.

Пэм опустила голову.

— Это в твоём представлении так лучше. — С этими словами она ушла, явно разозленная совершенно неразумным — с ее точки зрения — поведением Шона и Блэр.

— Войдите, — откликнулась Блэр на легкий стук в дверь. Она ожидала увидеть одного из детей с очередным разрывающим душу творением, созданным цветными карандашами на плотной белой бумаге. Ее коллекция уже насчитывала восемнадцать таких картин. Что на них было нарисовано, наверное, теперь не сказали бы и сами авторы. Она уже заготовила восторженное восклицание и заранее придала удивленно-радостное выражение своему лицу. Но в дверях стоял Шон. Блэр замерла.

Они долго жадно вглядывались друг в друга, выискивая в чертах другого следы страдания. И оба пришли к выводу, что они в отличной физической форме, но горькие складки у губ и покрасневшие глаза свидетельству-

ют о душевном смятении, которое никак не желает их покидать.

— Пэм сказала, что ты хочешь меня видеть, — нарушил молчание Шон. Его голос звучал спокойно. Он едва поместился в пространстве между дверью и кроватью.

— Она... — Блэр прикусила язык. Она не хотела пускаться в долгие объяснения. Ей было очень больно видеть, как погрузился Шон. Он так нуждался в ее прощении, в том, чтобы с его плеч сняли чувство вины за несчастье, случившееся с Блэр. Она на мгновение опустила глаза и посмотрела на побелевшие костяшки своих пальцев. — Да... Я... Пэм говорила, что ты во всем винишь себя. — Ее руки впились в плед, прикрывавший колени. — Шон, ты не должен так думать.

— Но я виноват, — с тревогой произнес он. — Если бы я не попросил Эндрю принести мне гвозди, у него сейчас не было бы швов на лбу. А если бы я не позвонил тебе, пытаясь найти Пэм, ты бы не лежала сейчас здесь, мучаясь от невыносимой боли и...

— У меня ничего не болит. Уже не болит, — прервала его Блэр. — И если на этот раз я буду выполнять все предписания врача,

то боль не вернется. И со мной это случилось не только потому, что я пробежала всю дорогу до дома Пэм, — добавила она с горькой улыбкой. — Это стало результатом стечения обстоятельств. И ты, кстати, меня об этом предупреждал.

Ей удалось вызвать едва заметную улыбку на губах Шона, но он еще не был готов простить себя.

— Слава богу, что Эндрю только сильно ушибся. Я решил, что он потерял сознание, потому что ударился головой. К тому времени, как дома появился Джо, мальчик уже мог сесть. А когда приехала Пэм, то нам влетело за то, что мы испачкали кровью ее лучшее полотенце. Пока мы с ней... В общем, пока Пэм занималась тобой, Джо отвез мальчика в больницу, и ему наложили три шва.

Блэр рассмеялась:

— Пэм говорит, что Эндрю ни за что не хочет расстаться с повязкой.

— Как бы мне хотелось, чтобы и у тебя все обошлось так же легко. — Шон взглянул Блэр прямо в глаза. — Что говорит врач? — Он спросил об этом, хотя все знал и так. Шон столкнулся с врачом, когда выходил из дома

Дельгадо. Сразу после того, как Блэр потеряла сознание, они с Пэм раздели ее и уложили в постель. Пэм позвонила врачу и потребовала, чтобы тот приехал в Тайдлэндс, так как сама Блэр не в состоянии добраться до Нью-Йорка. Врач согласился, но потребовал невероятно высокий гонорар.

Когда врач вежливо, но твердо заявил Шону, что слишком дорожит своей практикой, чтобы обсуждать состояние здоровья своих пациентов с посторонними, Шон вышел из себя. Он сообщил врачу не менее вежливо и не менее твердо, что если он дорожит своей жизнью так же, как и своей практикой, то ему лучше немедленно начать говорить. С трудом глотая воздух, потому что мощный кулак Шона смял его галстук от Кардена, врач объяснил ему, чего следует ожидать Блэр в ближайшие несколько месяцев.

Но сейчас Шон внимательно слушал Блэр:

— Две недели мне нельзя вставать и ходить. Потом я смогу постепенно начинать ходить, но на короткие расстояния. Мне придется ездить в больницу несколько раз в неделю для лечения ультразвуком. Врач также

рекомендовал уколы кортизона, но я этого не хочу. И я отказалась принимать болеутоляющее. — В голосе Блэр слышалось прежнее упрямство.

Она проигнорировала восклицание Шона, который явно был не согласен с ней, и продолжала:

— Через месяц или около этого он еще раз меня осмотрит и оценит ситуацию. — Ее голос изменился. — Если все будет в порядке, я смогу постепенно начать восстанавливать силы. Если нет, — ее голос дрогнул, — то, возможно, понадобится операция. На лечение уйдут месяцы, и скорее всего я никогда больше не смогу танцевать. Во всяком случае, на профессиональной сцене.

Шон помолчал. То, что сказала ему Блэр, слово в слово совпадало с перспективой, нарисованной врачом. Он смотрел, как Блэр пытается поймать перышко, прилипшее к пледу.

— А если тебе потребуется операция и долгое лечение, ты будешь чувствовать себя опустошенной?

— Да, — Блэр так и не подняла на него

глаза, поэтому она не увидела выражения боли на измученном лице Шона.

— Понимаю.

— Ты ведь сам сказал, что я не буду тебе нужна, когда все остальные от меня откажутся. Если бы я была...

— Блэр! — Шон рванулся к ней и рухнул на колени у кровати. — Так вот почему ты так переживаешь? Потому что ты думаешь, что больше не нужна мне?

Она кивнула.

— Я буду калекой, Шон. За мной придется ухаживать, у меня будут шрамы, мне придется пользоваться инвалидной коляской до тех пор, пока...

— Блэр, Блэр, не говори так, — он спрятал лицо в ее коленях. — Даже если ты вообще не сможешь ходить, ты всегда будешь нужна мне.

— Но ты же говорил...

Шон поднял голову, его лицо исказило страдание:

— Прости меня. Миллион раз я проклинал себя за то, что смог сказать тебе такую глупость. Я был зол, раздражен. Любовь к тебе меня буквально убивала. Мне не хотелось

жить, потому что моей любви тебе было мало для счастья.

Блэр погладила золотистые волосы Шона, запуталась пальцами в шелковистых кудрях.

— Мне нужна твоя любовь, Шон, — с отчаянием воскликнула она. — Я была такой дурой, испорченной и эгоистичной. Прости меня за то, что я не приняла твою любовь, не сумела на нее ответить. Просто я раньше никогда не любила. Я боялась связать свою жизнь с чем-то помимо танца. Танец был мне знаком. Я умела танцевать! С тобой я обрела рай, о существовании которого даже не подозревала. И если я смогла осознать это, поплатившись изуродованными коленями, то это очень небольшая цена.

Его широкие твердые пальцы коснулись висков Блэр.

— Дорогая, я надеюсь, что ты снова будешь танцевать. Мне так этого хочется. Я боялся твоего возвращения на сцену только по одной причине — ты могла причинить себе вред. Когда я увидел, как ты упала, Блэр, как ты лежишь на тротуаре, я думал, что умру.

— Я знаю, что ты был бы рад, если бы я

смогла танцевать снова. — Она провела пальцем по ямочке на его подбородке, задержалась на его шелковистых усах. — А если не получится, я стану самым лучшим преподавателем на Восточном побережье. И потом не забывай, что у меня танцевальная школа здесь, в Тайдлэндсе. На какое-то время занятия придется отложить, но как только я смогу...

Шон приложил палец к ее губам.

— Не заносись, Блэр. Я не хочу, чтобы ты снова испытала разочарование.

— Я никогда больше не испытаю разочарования. Во всяком случае, пока ты со мной.

— Я всегда буду с тобой. — Шон принялся нежно целовать ее губы, шею, грудь, живот сквозь тонкую материю блузки. Он как будто доказывал самому себе, что Блэр рядом с ним, настоящая, живая, любящая.

Когда она заговорила снова, ее дыхание стало прерывистым: такое действие оказывали на нее поцелуи Шона.

— Мои родители будут разочарованы.

— Это еще почему? — Шон поднял голову и удивленно посмотрел на нее.

Блэр потупилась, разглядывая воротничок его рубашки.

— Они несколько старомодны. И ничего не знают о моих отношениях с Коулом. Я не думаю, что они одобряют то, что я... что мы...

— Живем вместе? Ты это хотела сказать? Так в этом отношении я тоже старомоден. — Эти спокойные слова буквально пронзили Блэр. Искренний взгляд синих глаз встретился с полными слез зелеными глазами. — Я никогда не жил с женщиной под одной крышей, Блэр. Эту привилегию я сохранил для моей жены. Во всяком случае, я надеюсь, что ты воспримешь это как привилегию. И я также надеюсь, что ты станешь моей женой.

Блэр засмеялась счастливо:

— Да, Шон, да!

Он подхватил ее одной рукой под колени, другой под спину и поднял с кровати. Блэр доверчиво обхватила его руками за шею.

— Куда ты меня несешь? — спросила она, прижимаясь головой к его плечу.

— Домой, — негромко ответил Шон.

В коридоре они встретили Пэм. Она улыбалась.

— Это было замечательно. Ты с каждым днем становишься все лучше и лучше, — довольным голосом промурлыкала Блэр.

Сильные руки перевернули ее на спину и поправили подушки. Шон быстро чмокнул ее в кончик носа.

— Ну еще бы. По два массажа ежедневно со дня нашей свадьбы. Разве ты не считаешь, что мы установили рекорд?

— Определенно, так и есть, — зеленые глаза игриво сверкнули, — только не по массажу. — Блэр подняла голову, чтобы Шон поцеловал ее еще раз.

Они были женаты уже пять дней. Блэр отлично устроилась в доме Шона и теперь удивлялась, как она могла чувствовать себя счастливой, живя в другом месте. Шон переносил ее из комнаты в комнату, вверх и вниз по лестнице. Он не жаловался и пропускал мимо ушей ее постоянные извинения за то, что она причиняет ему столько неудобств. Он никакого неудобства не ощущал. Они лежали вместе в одной кровати, в которой Шон провел столько одиноких ночей, и они оба считали это удовольствием, которое подарила им жизнь.

Наконец оторвавшись от губ Блэр, Шон внимательно осмотрел ее.

— Завтра вынесу тебя на солнышко. А то ты стала совсем бледная.

— Только поищи местечко поукромнее, — серьезно попросила Блэр, стягивая простыню с груди.

— Почему? — Шон подозрительно нахмурился.

— Чтобы я могла принять солнечную ванну обнаженной. Ты же не хочешь, чтобы на моем теле остались незагорелые полоски? — Она игриво заморгала ресницами.

Шон нагнулся к жене и прошептал ей на ухо:

— Если дело так пойдет, то ты не загорнешь совсем, а я получу солнечные ожоги на совершенно неподходящих местах. — Он рассмеялся ее серьезному виду, так как знал, что Блэр нарочно напустила его на себя, и звонко чмокнул ее в щеку.

— Мне показалось или телефон действительно звонил? — поинтересовалась Блэр.

Шон еще раньше вынес аппарат из спальни, чтобы она могла отдыхать после обеда. Но когда ему приходилось уезжать на работу, он ставил телефон на прикроватной

тумбочке, чтобы Блэр могла вызвать его в случае необходимости.

— Барни звонил.

— И что?

— Я послал его ко всем чертям.

Блэр рассмеялась.

— Я ему позвоню через пару дней. Он легко обижается и легко прощает обиды.

Шон больше не волновался из-за ее разговора с агентом. Блэр заверила его, что не станет даже пытаться танцевать, пока ее колени не восстановятся окончательно. До того, как Блэр могла начать понемногу ходить, и то оставалось еще несколько дней. Они с Шоном не торопили события.

— И еще звонил Эндрю. Он сообщил, что они с Мэнди и Анджелой раскрасили картинки, посвященные нашей свадьбе. Он заявил, что его рисунок лучше всех, потому что на рисунке Мэнди ты выше всех остальных, а Анджела залила свой кока-колой.

Они рассмеялись. Блэр покрепче прижалась к мужу.

— Звонили твои родители. Они нормально доехали и беспокоились о тебе. — Пальцы Шона поглаживали живот Блэр, но в этом

прикосновении не было страсти, а только нежное право обладания. — Они очень огорчены тем, что ты, возможно, больше не сможешь танцевать. Твоя мать говорила мне на свадьбе, как они всегда тобой гордились. И это так и есть, Блэр. Они просто никогда не говорили этого вслух. Они совершали ошибки, как и все мы, но просто они по тебе скучали, им хотелось, чтобы ты жила поближе к ним, и поэтому они не могли принять того, что оторвало тебя от родительского дома.

Глаза Блэр наполнились слезами.

— Мама правда сказала тебе, что она мной гордится? — Шон кивнул. Усилием воли Блэр подавила слезы. Она хотела смотреть в будущее, а не оборачиваться назад, в прошлое. — Я была рада их увидеть. И они счастливы, что я наконец вышла замуж. И разумеется, ты произвел на них неизгладимое впечатление. — Она поцеловала Шона в подбородок.

— А мои родители до сих пор не могут поверить, что я все-таки уговорил кого-то выйти за меня замуж. Поэтому они думают, что ты либо сумасшедшая, либо святая. Ты им понравилась с первого взгляда, и они го-

ворили мне, какая ты красивая. Мне кажется, у нас была просто потрясающая свадьба, особенно учитывая то, что мы с Пэм подготовили все за неделю.

— Странная была свадьба. Невеста просидела всю церемонию.

— И пролежит весь медовый месяц.

Блэр шутливо ткнула его в плечо:

— Ты можешь думать о чем-нибудь еще, а?

— С тех пор, как ты живешь в моем доме, не могу.

Блэр приподнялась на локте и взъерошила Шону волосы.

— Должна сказать, что ты проявил незаурядные способности к самодисциплине, когда проспал в другой комнате всю неделю до свадьбы.

— Я полагаю, что самое малое, что я заслужил, это медаль, — хихикнул Шон и прижал Блэр к себе. — Я хотел, чтобы наша свадьба была особенной, — негромко сказал он. — Мне хотелось, чтобы ты поняла, что моя любовь к тебе держится не только на сексуальном влечении. И потом я боялся причинить тебе боль. — Шон нагнул голову, нежно поцеловал Блэр в губы, а потом не-

ожиданно прорычал: — Но теперь, когда вы стали моей женой, миссис Гэррит, берегитесь.

— Да, я оказалась в ловушке, — задумчиво протянула Блэр. — Я не могу даже убежать от тебя.

Шон тихонько засмеялся, и воздух защекотал Блэр ухо.

— Это просто замечательно. Мне так долго пришлось убеждать тебя в моей любви.

Блэр принялась ласково покусывать ему шею, дразня его.

— Просто мои мысли и моя душа были заняты другим. Мне потребовалось время, чтобы отойти от этого. А когда я начала по-настоящему слушать тебя, твои слова напугали меня. Ты так много от меня требовал. Я не знала, способна ли я на это.

— И что теперь?

— Теперь я думаю, что любить тебя и приносить тебе счастье — это мое предназначение в жизни.

— Я люблю тебя, Блэр.

— И я люблю тебя, Шон Гэррит. — Блэр вдруг хихикнула, и Шон недоуменно посмотрел на нее:

— Что тебя так развеселило?

— Ты должен был догадаться, насколько сильно я люблю тебя, если я согласилась впредь жить с такой фамилией. Ты только послушай — Блэр Гэрит¹.

— А что? По-моему, очень поэтично!

Блэр посерьезнела и внимательно посмотрела на Шона:

— Ты уверен, что я не отнимаю у тебя время? Я не хочу, чтобы ты пренебрегал своей работой.

— У меня осталась только игровая комната в доме Дельгадо. Но я нанял бригаду, и квалифицированные рабочие заканчивают строительство под моим наблюдением. А остальные клиенты, с которыми я связан контрактом, с пониманием отнеслись к тому, что мне предстоит медовый месяц. И потом я просто не решаюсь надолго оставлять тебя одну. А вдруг ты позвонишь этому юному массажисту из агентства? Я не сомневаюсь, что ему не терпится применить свои знания и навыки на ком-нибудь, похожем на тебя.

— Но меня напугал не он, а ты. Ты про-

---

¹ Фамилия Шона в переводе означает «чердак».

явил незаурядную смекалку в тот день. Как тебе это удалось?

Шон улыбнулся:

— Я просто должен был прикоснуться к тебе. Во-первых, мне хотелось убедиться, что ты действительно женщина из плоти и крови, а не плод моего игривого воображения. Ты выглядела как эльф, эдакое воздушное и неземное существо, а твои зеленые глаза метали молнии. А потом обыкновенное желание взяло верх. Мне захотелось дотронуться до твоего тела, ощутить под своими пальцами твою кожу. — Он пощекотал усами ее ключицы. — И знаешь, это желание до сих пор не прошло.

Он поцеловал ее глубоким поцелуем, его язык настойчиво боролся с ее. Блэр охватило желание, ее переполняла любовь к Шону. Она оторвалась от его губ и страстно прошептала:

— Шон, я так люблю тебя, что это меня пугает.

Он пристально посмотрел на нее яркосиними глазами.

— Почему? Почему это тебя пугает, Блэр?

— Потому что я боюсь потерять тебя.

Выражение его лица смягчилось, он ука-

зательным пальцем обвел контур ее припухших губ:

— Нет, этого никогда не случится. Если это будет зависеть от меня.

— Люби меня, — попросила Блэр.

Ему не требовалось повторять это дважды. Блэр чувствовала, как его взгляд огнем опалает ей кожу, как от его желания у нее набухают соски. Его пальцы радовались соприкосновению с ее атласной кожей, и тело Блэр отвечало на его ласку. Его рука скользнула ниже, к животу, потом спустилась к темным волосам, прикрывающим ее лоно. Блэр застонала:

— Не останавливайся, Шон. — В ее мольбе была любовь, так же как и в его ласке.

— Ты такая красивая, такая хрупкая. И сладкая, — его язык обвел окружности ее сосков. Его губы не отрывались от ее груди. Тело Блэр как будто таяло от жара его страсти.

— Шон, позволь мне...

Он задохнулся, по его телу пробежала дрожь наслаждения. Он повторял слова любви, а Блэр возвращала сторицей его ласку. Шон напрягся и отстранился от нее:

— Блэр, сейчас или... — И ее лоно приняло его.

— О Шон, любовь моя, — пыталась выговорить Блэр. Жадный рот Шона искал ее грудь, целовал ее, ласкал, разжигая еще жарче огонь желания. Пальцы Блэр впились в его упругие ягодицы, не давая ему оторваться от нее ни на мгновение. — Шон.. Я так и не побывала... у гинеколога...

Шон остановился, в его глазах бушевала страсть, но в них были любовь и понимание.

— Господи, Блэр, я совершенно об этом забыл. Ты хочешь, чтобы я...

— Нет, нет, — Блэр покачала головой, и на ее губах появилась сияющая улыбка. — Пусть будет так, как будет.

Литературно-художественное издание

Сандра Браун

НЕОЖИДАННЫЙ ПИРУЭТ

Ответственный редактор *В. Краснощекова*

Художественный редактор *Г. Федотов*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *Г. Павлова*

Корректор *Е. Родишевская*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 17.05.2011.

Формат 70x100 ¹/₃₂. Гарнитура «Лазурский». Печать офсетная.

Усл. печ. л. 12,96.

Тираж 7000 экз. Заказ № 4309

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-49538-2

9 785699 495382 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:
ООО «ТД «Эксмо». 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями**
обращаться в отдел зарубежных продаж ТД «Эксмо»
E-mail: International@eksmo-sale.ru

International Sales: International wholesale customers should contact
Foreign Sales Department of Trading House «Eksmo» for their orders.
International@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,**
обращаться по тел. 411-68-59, доб. 2115, 2117, 2118, 411-68-99, доб. 2762, 1234.
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**
Компания «Канц-Эксмо»: 142700, Московская обл., Ленинский р-н,
г. Видное-2, Белокаменное ш., д. 1, а/я 5.
Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanс@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanс-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. +7 (343) 272-72-01/02/03/04/05/06/07/08.

В Новосибирске: ООО «РДЦ-Новосибирск», Комбинатский пер., д. 3.
Тел. +7 (383) 289-91-42. E-mail: eksmo-nsk@yandex.ru

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс: (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. rdc-almaty@mail.ru

**Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»
можно приобрести в магазинах «Новый книжный» и «Читай-город».**
Телефон единой справочной: 8 (800) 444-8-444.
Звонок по России бесплатный.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Парк культуры и чтения», Невский пр-т, д. 46. Тел. (812) 601-0-601
www.bookvoed.ru

- * суммарный **тираж** книг Сандры Браун превысил **70 млн** экземпляров
- * ее романы **переведены на 33 языка** мира
- * начиная с 1990 года **все романы** Сандры Браун, в том числе и переиздания **становятся бестселлерами**
- * **Сандра Браун – лауреат множества литературных наград и номинаций**

Танцовщица Блэр Симпсон мечтает об одном – поскорее вернуться на сцену, которую

ей пришлось покинуть из-за травмы. Но после знакомства с Гэритом – при крайне пикантных обстоятельствах – жизнь ее резко меняется. Гэрит не верит в возможность счастливой жизни и сопротивляется внезапно возникшей страсти. Она не сразу понимает, что отказывается от самого главного в своей жизни, и за это ей придется заплатить достаточно высокую цену.

ISBN 978-5-699-49538-2

